

Индекс 70610

**На боевом
посту**

ВВ

8-9'92

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**ПРОФЕССИЯ -
РИСК**

Воистину про спецназ сказано: риск – благородное дело, ибо и в огонь, и в воду бросаются молодые парни в камуфляже, движимые не корыстью, а лишь святым чувством – долгом. Поистерли, затаскали это понятие, будто мелкую разменную монету, но, слава Богу, для спецназовцев оно не утратило своего высокого смысла. На нем, на долге воинском перед Россией, по сути все и держится...

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА

СОДЕРЖАНИЕ

■ АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

РУБЦОВ И. Кто наденет краповый берет? . . . 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ШЕВЧЕНКО В. Сюжет для детектива . . . 11
ГЕРАЩЕНКО В. Придет ли в роту капеллан? . . . 14
Письма читателей . . . 16
БАЧИЛО А. ЧП в «нелегальном дисбате» . . . 18
НИКОЛАЕНКО О. Заслон . . . 24
БУТОРИНА Е. Дезертиры «в законе» . . . 21

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ВИНОКУРОВ Е. Капля света (стихи) . . . 6
УСКОВ В. Юрка-энкавэдэшник (рассказ) . . . 8
СИМЕНОН Ж. Знакомая мадам Мегрэ (роман, продолжение) . . . 35

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЯСТРЕБА В. «А мы не исповедовали зло...» . . . 26
ИВАНОВ-СКУРАТОВ А. Нападение лже-Суворова на Россию . . . 30
ГОЛЕНКОВ А. Да, была «Молодая гвардия»... . . . 33
СИМОНОВ А. Казаки . . . 52

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

РОНИН Р. Черные демоны . . . 55
Рыболовам и охотникам . . . 58
Шахматный клуб . . . 59
Клуб знакомств «Возможна встреча» . . . 60

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for Na boevom postu

For further details, please contact us at:
EAST VIEW PUBLICATIONS
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
107120, Москва, В-120,
Сыромятинский проезд, 8

Телефоны:
361-82-57,
361-81-71.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Сдано в набор 5.04.92 г. Подписано к печати 28.07.92 г.
Формат бумаги 70x108^{1/8}. Усл. печ. л. 3,6.
Уч.-изд. л. 8,8. Зак. № 1447. Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

За нашу Советскую Родину!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙС

8-9'92

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД

Российской
Федерации

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.
Редакционная
коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.
{зам. главного редактора},
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОРУКАЕВ Б. Р.,
БУСЫГИН В. И.
{ответственный секретарь},
ВОЛКОВ О. Л.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
КАЛАЧЕВ Э. В.,
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МУРАТОВ В. В.,
НЕЧАЕВ Е. А.,
ПАНКРАТОВ Л. А.,
ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
СМИРНОВ Л. Л.,
УСКОВ В. Н.
{зам. главного редактора},
УШАР А. Г.,
ФИЛАТОВ В. И.,
ФРОЛОВ В. С.,

ШЕМАЕНКОВ А. А.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Художественное оформление
Э. П. Копылова,
Е. К. Селинковой.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семибратова.

КТО НАДЕНЕТ КРАПОВЫЙ БЕРЕТ?

«...Служу я в конвойной роте. Прошу перевести в спецназ, так как очень хочется проверить себя в горячем деле на острие удара» (сержант Сергей Смагин)

* * *

«Волею случая попал в строительные войска. Или вы мне можете оказать помощь в спецназе законно, или я сбегу и сам к вам приеду» (рядовой Анатолий Обрезан).

* * *

«Могу водить автомашину, немного работаю на радиостанции, прыгал с парашютом, плавал с аквалангом, не новичок в спортивном ориентировании. Через полгода — в армию, но я хочу стать не просто хорошим солдатом, а настоящим мужчиной. Мое место — в спецназе. Поверьте и помогите!» (Олег Жданов)...

К СЧАСТЬЮ, такие письма — пока еще не редкость: наперекор и вопреки сложным социально-политическим и житейским перипетиям не перевелись патриоты, оптимисты, романтики и энтузиасты на земле российской. Горят желанием истинные сыны Отечества послужить ему верой и правдой. И не там, «куда пошлю» и где полетче, а именно, как выразился в письме сержант Смагин, «в горячем деле на острие удара».

Однако не стоит даже прибегать к помощи статистики, чтобы не заметить очевидного — почтовый ручей постепенно мелеет, а ключ, откуда он берет начало, иссякает: всему есть предел; мы уже не раз убеждались на собственном горьком опыте, что энтузиазм хорош в качестве первоначального толчка, в фундамент же он не годится. Чем меньше воды остается в русле, тем рельефнее проступают острые камни объективных сложностей и большие валуны нерешенных проблем на отмелях. И как знать, возможно, действительно не за горами тот черный день, когда вопрос «кто наденет краповый берет?», словно глас вопиющего в пустыне, останется без ответа.

Чем подпитываются эти мрачные предчувствия? Вряд ли нуждается в доказательстве тезис о том, что нравственные недуги общества находят свое конкретное выра-

жение в отдельных индивидах. И молодежь, не имеющая жизненного опыта и стойкого иммунитета (впрочем, мало кто сейчас может этим похвастаться — абсолютной невосприимчивостью) к различным социально-политическим катаклизмам и вытекающим из них вполне определенным жизненным напастям, безусловно, более подвержена пагубному влиянию общественной нестабильности. И не суть важно, в каких формах проявляются последствия этого влияния — в протестах или апатии. Дело в том, что молодые люди, юноши-допризывники с тревожными симптомами тех или иных нравственных хворей, завтра придут во внутренние войска, подразделения специального назначения, а стало быть, пополнят авангард сил общественной безопасности. Именно под размеры их, пока еще неостриженных под машинку голов с жуткой идеологической кашей внутри, шьются теперешние краповые береты.

Слава Богу, сегодня голов больше, нежели беретов, и нам предоставлена счастливая возможность отбирать из общего числа призывников по два-три человека на место для службы в подразделении специального назначения. Значит, есть конкурс, есть выбор, пусть не такой богатый, как хотелось бы, но все же... Не прошедшие терний и лабиринтов конкурсных испытаний отсеиваются после сборов молодых солдат. Остаются лучшие, но, поверьте, мне есть с чем сравнивать, ибо зарождение и становление спецназа в дивизии имени Дзержинского проходило на моих глазах и не без моего участия, и потому со всей ответственностью говорю: призывники ныне гораздо слабее подготовлены к службе как физически, так и психологически, чем каких-то два-три года назад. Что, конечно же, является прямым следствием противоречивых, труднообъяснимых и столь же сложнопостижимых изменений в державе, накладывающих свой заметный отпечаток на умы, сердца, да и мышцы новобранцев. Иначе говоря, усредненное качество (именно усредненное, ибо отдельные парни просто рождены для службы в спецназе) призывников сегодня — уже совсем не то, что вчера. А если учесть, что и количество их в последнее время сократилось почти вдвое, наша озабоченность станет понятной каждому. Не от хорошей жизни, естественно, дважды в призывной период направляем офицеров полпредами в го-

рода и веса, где они проводят предварительную работу по отбору парней в спецназ. И если «обычные» подразделения дивизии могут быть далеки (и далеки) от полной укомплектованности, то в подразделении спецназа на вакасии в штате не жалуются. Как бы ни было трудно с отбором, краповый берет пока еще не выдается первому встречному призывнику за красивые глаза. Надо изрядно попотеть, чтобы заслужить это почетное право — быть членом спецназа.

КАКОВЫ ЖЕ критерии отбора призывников? Во-первых, спецназ — дело сугубо добровольное, силком никто не тащит, и потому для начала новобранец должен убедить самого себя, что без него, единственного и неповторимого, «краповые береты», если не пропадут совсем, то уж во всяком случае вряд ли обойдутся. Во-вторых, здоровье: нагрузки у спецназовцев нешуточные. Лучше уж сразу пропустить новичков через мелкое сито весьма придирчивой медкомиссии, чем извлекать горькие уроки и делать печальные выводы потом, на занятиях или, того хуже, во время выполнения служебно-боевых задач. В-третьих, физическая подготовленность: подтягивание на перекладине — 20 раз, отжимание в упоре — 60 раз, удержание «уголка» в течение минуты, бег 3 000 метров за 12 минут и, скажем так, удовлетворительная гибкость. Заметьте, это не результаты тренировок в отряде, а всего лишь стартовые возможности — своеобразная визитная карточка кандидата. И, наконец, в четвертых — морально-психологическая устойчивость: проверяется методом тестирования и наблюдения за поведением призывника в поединке.

Согласитесь, задачи, которые приходится решать «краповым беретам», год от года усложняются. Экстремисты, боевики и прочие разномастные преступники, безусловно, не делают никаких скидок на наши трудности с призывом и на то, что сегодняшнее пополнение спецназа несколько уступает вчерашнему (не считайте за брюзжание: мол, «были люди в наше время, не то что нынешнее племя...»). Выход один — постоянно улучшать качество обучения военнослужащих. Что, разумеется, и делаем, опираясь в основном на накопленный опыт использования подразделения в южных широтах бывшего Союза. Носители этого опыта — боевые офицеры и прапорщики отряда, такие, как капитан А. Прончев, старший лейтенант М. Котов, лейтенанты В. Кургин и А. Зуев, прапорщики С. Руднев и Г. Маларчиков, кроме всего прочего, еще и умелые методисты.

Правда, хотелось бы, чтобы офицеры для подразделений спецназа готовились еще в стенах училищ, по отдельной программе, тонко реагирующей на постоянно меняющуюся методика обучения и воспитания, а значит, и тактику действий «краповых беретов». Чтобы они не только крушили кир-

пичи и прочие дефицитные стройматериалы, но и неплохо разбирались, например, в психологии толпы, владели азами риторики, а может быть, и дипломатии (столкновение всегда лучше предотвратить, нежели ввязаться в схватку и одержать победу — пусть даже малой ценой, но все же ценой!).

Методика и система подготовки спецназовцев обогащается и за счет обмена информацией с нашими зарубежными коллегами, и по мере технического оснащения.

Более того, она существенно корректируется в зависимости от изменений в тактике преступников, с которыми, как с противной стороной, волей-неволей приходится иметь дело. Если, допустим, раньше «краповые береты» специализировались в физической подготовке на изучении приемов каратэ, то теперь, после нескольких лет боевых действий в горячих точках, пришли к выводу: нужна более совершенная, комплексная система боевых единоборств, включающая в себя все самое лучшее из техник различных видов борьбы. Именно такая система и практикуется сегодня.

Значительно больше, чем прежде — и это еще одна характерная особенность и насущная потребность, осознанная, к сожалению, сначала на Западе, — обращаем внимание на огневую подготовку. Для наших зарубежных коллег, к примеру, в Австрии, Великобритании и Германии, основной критерий обученности военнослужащего специального подразделения — огневая выучка, возможность надежного огневого поражения противника в любой ситуации, из любого положения. А у нас почему-то изначально было признано целесообразным идти стенкой на стенку: кто кого и чья возьмет? Как на поле Куликовом — та же метода. Устаревшая, не оправдывающая себя, вынуждающая нести бессмысленные потери. Ведь не секрет, что силы общественной безопасности хоть и называются силами, но зачастую уступают количественно вышедшей из-под контроля, действующей иррационально, а попросту говоря — озверевшей, потерявшей человеческий облик толпе (вспомните Фергану). Куда уж тут с резиновой палкой против лома или тесака? Потому-то «за кордоном» и считается гарантом успеха операции (будь то пресечение массовых беспорядков, или обезвреживание террористической группы) — сохранение дистанции между подразделением и антиобщественными элементами.

Не лезть сломя голову врукопашную, а на расстоянии продемонстрировать силу в разумных пределах и тем самым дать понять противнику, что дальнейшие нарушения общественного порядка могут оказаться для него весьма плачевными. И зарубежная, и отечественная практика убеждает: это намного эффективнее и безопаснее.

Еще одна характерная черта системы обучения «краповых беретов» сегодня —

достаточно высокий уровень психологической подготовки. Не стану утверждать, что именно в подразделении специального назначения внутренних войск впервые многолетние призывы к воспитанию психологической устойчивости военнослужащего превратили в практические дела — вероятно, частично этим занимались и в десанте, и в морской пехоте. Но то, что теперь мы внедряли довольно стройную, апробированную и хорошо зарекомендовавшую себя в горячих точках комплексную систему психологической подготовки, равную которой в других армейских структурах найти непросто, — факт. Впрочем, сочтемся славой... Суть не в приоритетах, а в том, что мы ощущаем реальную отдачу от психологической подготовки, которая начинается еще на вводном курсе в учебном подразделении и включает в себя, к примеру, ликвидацию высотобоязни, огнебоязни, водобоязни, взрывобоязни и многое другое. С тем чтобы присловье «и в огне не горят, и в воде не тонут» непосредственно относилось к «краповым беретам».

Помните, в годы фронтовой в элитных частях Советской Армии — гвардии — гордо заявляли: «Гвардия не сдастся!». Для нас это само собой разумеется. А еще непреложным должно стать и другое золотое правило: «Спецназ не отступает, а побеждает». И все — благодаря мужеству и стойкости, профессионализму.

Увы, иногда в бочке меда оказывается ложка, а то и целый чеплак дегтя. И мы не без греха. Правда, это не столько наша вина, сколько беда, но людям-то не легче. Речь — о психологической реабилитации спецназовцев после боевых командировок в горячие точки. Вернее, об ее отсутствии. Как бы ни был хорошо солдат подготовлен к бою, стрессы не проходят для него бесследно и нередко исподволь, предательски, «из-за угла» дают о себе знать. Много исписано бумаги видными теоретиками-психологами и иными учеными мужами в обоснование необходимости, скажем так, душевной реабилитации человеческого организма после целого ряда пиковых, острых ситуаций, пусть даже вызванных служебной необходимостью. Наверно, того леса, который ушел на эти учебники, монографии, диссертации, журнальные статьи и служебные докладные (последнее — наш жанр, так как и мы не сидим сложа руки), с лихвой хватило бы на строительство прекрасного, комфортабельного профилактория или оздоровительного комплекса, столь нужного бравым с виду, бодрящимся и никогда не унывающим парням, вернувшимся на зимние квартиры» из очередной горячей точки. Нужно, чтобы поправить пошатнувшееся от бессонных ночей, нерегулярного питания и изнурительных рейдов здоровье, подлечить расшалившиеся не в меру нервышки. Мечты, мечты, где ваша сладость?..

Обходимся чем можем. А можем мы, увы, немного: предоставить два-три, от си-

лы четыре выходных человеку, прошедшему месяц, а то и два в жаркой командировке с крутыми, опасными для жизни заварушками. Вот вам и вся реабилитация, лишней раз доказывающая, что цена ее теоретическим обоснованиям — грош, если нет миллиона на строительство.

Нет, планами, конечно, предусмотрено создание реабилитационного центра: решено в 1995 году приступить наконец к возведению этого объекта, позарез необходимого еще вчера. Что ж, выходит, примерно к десятой годовщине первой командировки спецназа в горячие точки можно рассчитывать на сдачу центра в эксплуатацию. Разумеется, если «наши» планы будут основательно подкреплены «их» (парадоксальная градация, когда дело доходит до денег: а ведь вроде бы все «свои») материальными средствами. А не то так бумажным «громашем» и останутся.

Или в лучшем случае пройдет незавидную стадию эксперимента, который неизбежно с треском провалится из-за хронической нехватки денег. Еще свежа в памяти шумиха двухлетней давности, поднятая всеми средствами массовой информации вокруг созданной в дивизии профессиональной роты специального назначения. И скоро год, как эксперимент со службой по контракту приказал долго жить — не подвели под него финансовый фундамент, понадеялись на мощь слова «надо».

Если идти от жизни, от суровых реалий, с которыми приходится сталкиваться ежедневно, то никто не докажет мне, что государство, правительство серьезно обеспокоены нашими проблемами. Взять только один аспект из доброй дюжины первоочередных — матбазу. Стоит ли понапрасну тратить слова, доказывая, что она должна постоянно обновляться и совершенствоваться, как это делается в аналогичных структурах всех мало-мальски цивилизованных стран? И уж ни в коем случае ей не следует отставать от возможностей преступных элементов, как это происходит сегодня. «Краповые береты» просто обязаны быть обеспечены всем необходимым для выполнения боевых задач и сохранения своих жизней. И наши образцы вооружения — в идеале опять же — должны быть последним словом отечественной (и не только отечественной) науки и техники. Чтобы, повторюсь, парни могли победить и уцелеть.

Чувствуете, как часто мелькают слова «обязаны», «должны», и все — в будущем времени. К сожалению, государство этими обязанностями и долгами не спешит отяготиться. Зато прекрасно помнит о долге воинском и обязанности «краповых беретов» в кратчайшие сроки очутиться в самом пекле международных и прочих конфликтов. Не обращая внимания на такие «пустяки», что из-за отсутствия экономических мощностей и слабой гибкости производства

мы до сих пор не полностью обеспечены штурмовыми шлемами и надежными бронжилетами нужного класса. Приходится буквально выбивать (хотя и не всегда удается) имущество и снаряжение, экипируя воинов для выполнения серьезного специального задания, естественно, государственной важности.

Нет, разумеется, никто намеренно не препятствует улучшению оснащенности «краповых беретов», просто технические новинки крайне медленно внедряются в жизнь. Предвижу возражение: а что хорошее, ценное у нас с ходу пробивает себе дорогу? Все — с великим трудом, с невероятным скрипом. Согласен, но с оговоркой, что не взялся бы сравнивать несравнимое: например, новую модель обуви (можно, наверно, и в старых туфлях немало походить) и бронжилет от автоматной пули, которая, как и всякая другая, по определению А. В. Суворова, — дура и в сложностях нашего механизма хозяйствования (или бесхозяйственности?), естественно, не разбирается.

А если без иронии, то у нас налажены хорошие контакты с НИИ спецтехники МВД России, где постоянно разрабатываются новые, современные образцы оружия и снаряжения. И мы охотно испытываем их у себя и на себе. Радуемся, откровенно хвалим, восторженно хлопаем ученых и разработчиков по плечу и... на этом наше знакомство с новинками, как правило, заканчивается, ибо на поток они не идут вследствие хронического и повального безделья.

Скажу больше: даже фонды, выделяемые для организации нормальной жизнедеятельности спецназа, ничем не отличаются от фондов «обычных» подразделений, хотя все в один голос признают истину: «краповым беретам» нужно дать намного больше, так как от них больше и требуется. Совершенно необъяснимая, даже оскорбительная уравниловка. Приходится заделывать бреши и пробоины в учебном процессе спецназовцев за счет дивизии, что, признаюсь, довольно обременительно. И многоуважаемое МВД России, в чьей компетенции находится решение этого вопроса, что называется, в курсе.

Прекрасно знают в министерстве и о том, насколько полезны регулярные обмены кадрами с нашими зарубежными коллегами для изучения международного опыта борьбы с терроризмом (это давняя мировая практика) и систематические взаимные стажировки. Однако говорить о регулярности и системе здесь даже не приходится.

А для кого новость, что по уровню социально-бытовой обеспеченности хваленые «краповые береты» сегодня ничем не отличаются от других. Даже единственной своей льготой — год службы за полтора — трудно воспользоваться, ибо до сей час нет приказа, определяющего перечень подразделений и должностей, на которые эта одинокая льгота распространяется. Аб-

сурд! Как же тут не задуматься всерьез над тем, кто вскоре наденет краповый берет? И для того, чтобы этот вопрос уже завтра не загнал нас в тупик, необходимо сегодня (а лучше было бы вчера) изменить статус подразделений специального назначения. Каким образом?

Для начала следует срок службы в них исчислять в соотношении год за два в обычных условиях и за три — при выполнении боевых задач. Уверен, что для тех, кто зримо представляет, какие испытания выпадают на долю «краповых беретов» в горячих точках, это предложение покажется вполне приемлемым. Как, хочется верить, и следующее: выдавать спецназовцам, вернувшимся с боевых операций, удостоверения участников войны. Это не повышение денежного содержания — в копеечку не влетит. Полагаете, слишком? А на мой взгляд, это и по совести, и по справедливости: коли пули и гранаты экстремистов — настоящие, как на войне, коли гибнут солдаты и офицеры, как на войне, коли медали и ордена у них на груди — боевые, как на войне, почему же льготы нашим парням обеспечиваются не как вернувшимся с войны?!

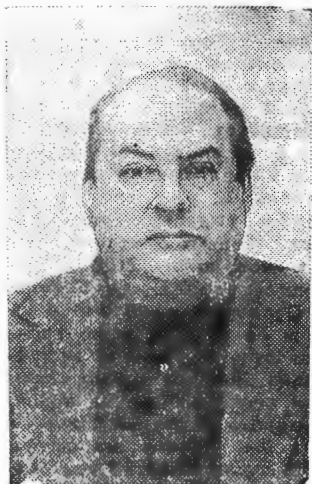
НО И ЭТО еще не все. Офицерам и прапорщикам спецназа нужно жилье. Не в перспективе, а сегодня, по льготной очереди. И стоит, честное слово, стоит (последнее дело для государства — экономить на здоровье и жизни своих защитников) увеличить содержание их портмоне в мирных условиях — в два раза, при выполнении боевой задачи — в три; солдатам же — пятикратно, ибо у них шансов нарваться на пулю ненамного меньше, а покурить после боя (весьма дорогое удовольствие) страсть как хочется. По ранению и контузии выплачивать компенсацию 35 000 рублей, по увечью — 100 000, а в случае, не дай Бог, гибели — 300 000 рублей семье, так как нынешние компенсационные суммы, согласитесь, смехотворны и ничтожны при жутких ценах на все самое необходимое.

Вот такая бухгалтерия. Отмахнемся от нее в очередной раз, понадеемся на извечное русское «авось» — и завтра вообще никакого конкурса в подразделение спецназначения не будет. Кто пойдет первым в прорыв, если станет туго? Кто наденет краповый берет?..

Уже теперь писем приходит все меньше и меньше, хороших писем:

«Окончил службу в ВДВ старшиной. Вернулся из армии — кругом столько грязи и подлости. И никому нет до нее дела: прячутся за спины друг друга. А вы лезете на рожон, и я хочу драться за правду, за Россию вместе с вами — только позовите, ребята!» (старшина запаса Андрей Извиев).

Генерал-майор И. РУБЦОВ,
командир орденов Ленина
и Октябрьской Революции
Краснознаменной дивизии
внутренних войск имени Ф. Дзержинского.

Евгений ВИНОКУРОВ

Творчество Евгения Михайловича ВИНОКУРОВА широко известно не только у нас в стране, но и за рубежом. В послевоенные годы вышло свыше семидесяти изданий поэта на двадцати двух языках народов мира. Он — лауреат Государственной премии СССР и премии Джавахарлала Неру (Индия), член-корреспондент Парижской академии Малларме. Сегодня мы знакомим вас с новыми стихами поэта-фронтовика.

КАПЛЯ СВЕТА

Вот она лежит передо мною,
эта фотография
моя.

Я отмечу точкою одною
городок,
где был когда-то я...
Начерчу я, карандаш ломая,
много трасс и вдоль, и поперек.
Приведет меня одна прямая
в этот разбомбленный городок...
Посреди дымящихся развалин
из-за тучи бьет вечерний свет.
Бронзовый орел имперский свален!
Я стою...
Мне девятнадцать лет.
Черепки да крошка меловая,
Кирпичи да битое стекло.

Кончилась вторая мировая!

Вот он я. Я весел,
Ну что ж!
Повезло...

Бестрепетно
уставясь в высоту,
среди полей,
в часу примерно пятом
я потрясен был,
стоя на посту,
безмерным августовским
звездопадом!..
Предутреннюю чувствовал росу...

Казалось мне,
что мир вот этот —
пленный,
что я охрану в этот час несу
огромной и проснувшейся
Вселенной...

ЛИК

Где-то
за Карпатскими горами,
освещенный свечкой,
встретил нас

в невеликом православном храме
древний золотой
иконостас...
Мы стояли,
не стянув пилоток.
Бой всего был час тому назад!..

У Христа был непонятно кроток
нам в глаза уставившийся
взгляд...

За дверями поднимался к тверди
злой пожар,
и жарок, и велик...

Нам тогда на миг
о милосердьи
вдруг напомнил
этот скорбный
лик...

ВСТРЕЧА С ДОБРОТОЙ

Я знаю:
нет большего чуда!..
И в тягостные времена
я с нею встречался...
Откуда,
откуда берется она?..
Я верю:
она не случайна.
Как в звездной ночной высоте,
глубокая вечная тайна
есть в этой людской доброте!
Во дни пребывания в горе
просвета не видно,—
но вот
нежданно в каком-нибудь взоре
она вдруг при встрече
блеснет...
Как встреча случайная эта
бывает на свете редка,—
клочочек лазурного цвета,
пробившийся сквозь облака!..

К ПРИРОДЕ

Коричневая статуэтка —
из черной Африки божок...
Такого
встретить можно редко!..

Лак отскоблится,—
как ожог! —
К кой тропический народец
такого идола создал?
Стоит приземистый уродец.
И пахнет хорошо сандал.
Стоит в Москве на книжной полке.
Его распахнут красный рот...
Все время вызывает толки
гостей
тот маленький урод!..
Его глаза черны, как угли.
И яростен зубов оскал...
А он к природе хочет, в джунгли,
чтоб вокруг него
народ скакал
и чтоб в том диком карнавале
среди масок пламенных —
его
не за игрушку принимали,
а за земное божество...

ОКНО

Книги,
погребенные в спецхране,
снова появляются на свет...
Ни в одном замученном романе
ничего, как оказалось, нет
пагубного!..
В беспощадном свете
похороненные без вины,
из ночного мрака книги эти
наконец-то же извлечены!
Снял я первый том,
стоящий с краю...
Приоткрыл и думаю о том:
как окно, сейчас я растворяю
реабилитированный том...

* * *

Книгу жизни не спеша листая
понимают смысл
к ее концу.

Эта тьма
вселенская густая
подступает к моему лицу...
Лишь к концу мы понимаем это...
Темнота над нашей головой!

Жизнь людская —
это капля света
посредине ночи мировой...

Валерий
УСКОВ

ЮРКА- ЭНКАВЭДЭШНИК

РАССКАЗ

ТРОЗА

ЖИЛЬЦЫ нашего довоенной постройки дома в глаза называли его Юрием Пальчем, а меж собой одновременно с оттенком уважения и боязни — Юркой-энкавэдэшником.

Он устроился в органы, когда вернулся из армии. Летом ходил в белой гимнастерке, утянутой ремнями, зимой — в длинной, до пят, шинели. Разница в годах у нас с ним была не очень большая, но это я сообразил, лишь став взрослым и самостоятельным. А тогда, в пацаньем возрасте, воспринимал Юрку-энкавэдэшника через шепот старух, с утра до ночи сидевших на скамейке, врытой под старым боярышником, через ворчанье стариков, вечно дымящих самосадам: «Шпиёна взял наш-то... Юрка... Не шпиона, а врага народа... Не все ли равно? А может, он и не враг... Ты потише, соображай, что говоришь... При мальчиках...»

Приобщенные к чему-то такому, что не должно нас касаться, мы пожирали Юрку глазами и робко замирали в подъезде, вслушиваясь, как выстукивают подковки его сапог на каменных ступенях.

Моя мама дружила с тетей Нюрой — матерью Юрки. Родились они обе здесь, в заводском поселке, работали на формовке в литейном цехе, обе почти одновременно получили похоронки на мужей, наших отцов, из Чехословакии весной сорок пятого. Отмеченные одной долей, они сошлись быстро и надолго, доверяя друг дружке все. Сидели вечерами за чаем, шептались, и я вылавливал из этого шепота то, что было для меня самым интересным: «Он три дня не евши, не спавши... Выслеживал все... Может, наградят или учиться пошлют... Он идейный такой стал... Мама, говорит, придет время, мой труд все оценят. Я ведь, говорит, с теми борюсь, кто нам строить мешает, кто враг общества...»

«Да, соглашалась мама, твой уже мужик, а мой, если прикинуть, не так намного ведь и младше, а дитя дитем. Трудно его на мои копейки поднимать...»

Ничего себе ненамного, думал я, лежа в постели за тонкой перегородкой от говоривших, прикрывал глаза и видел, как шагает по нашей улице с пистолетом в руке Юрка-энкавэдэшник: высокий, широкоплечий, в ладной белой гимнастерке, утянутой ремнями...

Я закончил семилетку и решил поступать в политехничес-

кий техникум — там и стипендия приличная, и есть вероятность попасть после учебы на наш завод... Да и вообще: хватит у матери на шею сидеть. Поступил легко, все экзамены сдал на пятерки. Новые заботы захлестнули так, что на какое-то время Юрка выпал из моего поля зрения. Потом мама пояснила, что он тоже уехал учиться, и не куда-нибудь, а в Москву.

Увидел я его, уже когда окончил техникум. Юрка был в форме лейтенанта. Он почти не изменился, только глаза выглядели холоднее да горделивей был вздернут подбородок.

Тот день я запомнил хорошо: был еще один повод, кроме встречи с Юркой. Утром прямо в рабочем кабинете арестовали директора нашего завода. Мы встали, как его выводили и сажали в «воронки». В группе тех, кто «брал» директора, был и Юрка. Там, на заводе, я его и не узнал: все произошло стремительно, люди в форме перед нами не позировали, они знали свое дело...

И вот поздний вечер, я сижу на опустевшей скамейке под боярышником, — дует холодный ветер, он разогнал бабок по домам раньше обычного, — курю «беломорину», смотрю на Юрку-энкавэдэшника. Тот стоит у подъезда: или вышел просто воздухом подышать, или вызвали его вновь на работу и он ждет машину? Подойти и поговорить с ним, что ли? Но робость перед офицерской формой, перед этими строгими глазами сводит на нет мое желание.

Частый перестук каблучков. Хорошо одетая женщина показывается в свете фонаря перед подъездом дома, останавливается рядом с Юркой:

— Я к вам, Юрий Павлович. Вы, наверное, меня не знаете, я жена Николаева, директора завода...

— Валерия Никандровна, — сухо, глядя не на женщину, а поверх ее головы, сказал Юрка. — Я по службе обязан знать все. Так что, как видите...

— Если вы обязаны знать все, то я уверена: вы знаете и то, что Николай Федорович никакой не враг народа! Он же с вашим отцом у вагранки стоял, всю жизнь прожил здесь, в поселке, у всех на виду.

— Был в частых командировках, в том числе и за границей, — не опуская глаз на собеседницу, сказал Юрка. — И потом, Валерия Никандровна, я вот что вам ответить хочу. Вы верите мужу, а я верю своим товарищам по службе, которые не раз кровью своей доказывали верность государству, нашему строю.

— Но они же... Это же... — женщина заволновалась, речь ее совсем потеряла уверенность. — Понимаете, мужа обвиняют в том, что он публично похвалил западную технику, дал ей высшую по сравнению с отечественной оценку.

— Мы благодаря нашей технике войну выиграли, и если кто-то хочет сознательно поколебать нашу уверенность в возможностях советской науки... Это политический вопрос, гражданин Николаева.

— Но все равно он не враг, он жил сво-

им заводом, он из цехов не вылезал...

— Я думаю, это наши товарищи учтут, — Юрка наконец опустил глаза и спросил уже другим, более мягким тоном: — Но я чем-то могу вам помочь?

— С вами, я знаю, там считаются. А вы Николаева знаете. Хотя бы слово о нем замолвили...

— Со мной считаются, зная мою принципиальность и твердость в политических вопросах, — вновь посуровел Юркин голос. — Если обстоятельства потребовали бы того, я бы и мать родную арестовал. Мы живем великими идеями и целями, ради которых стоит каленым железом выжигать свои болячки. Время такое!

— Не дай вам бог... — сказала женщина глуховато, так, как говорят, стараясь подавить слезы... — Дожить до такого... Чтоб даже в матери сомневаться.

Она быстро повернулась, зашагала в темноту и тут же в ней растворилась. Еще через минуту к Юрке подъехала машина, он сел в нее, и «воронки» тотчас упорхнули, а я еще долго думал о разговоре Николаевой с нашим энкавэдэшником. Хорошо, черт побери, он говорит! Время такое! Директор завода у нас мужик, конечно, мировой, но как же, действительно, можно Запад хвалить? И как может просить Валерия Никандровна, чтоб представитель власти вступился за человека, который критикует советское производство? Юрка не вступится. Он ведь вон как даже о матери высказался...

Тут я представил тетю Нюру, свою маму, себя в шинели и с пистолетом в руке, и холодная, неприятная дрожь пробежала по телу. «Нет, я еще не смогу, как Юрка, — подумалось. — Еще не смогу...»

В начале пятидесятых я ушел в армию. Как человека технического, меня определили в танкисты. Мама каждую неделю присылала мне письма, и почти в каждом письме были строчки о Юрке: днюет и ночует на работе, тетя Нюра уже боится за него: он не высыпается и ест в спешке, похудел, черные круги под глазами... Это означало, жжет Юрка врагов каленым железом.

К концу службы мама перестала о соседе нашем сообщать, да я и не интересовался. Не до того стало: в свободные часы сидел над учебниками, чтоб после демобилизации сразу же попробовать поступить в институт. Так что в голове одни формулы были, и лишь когда умер Сталин и все чаще в прессе замелькало слово «реабилитация», я вспомнил о нашем бывшем директоре Николаеве и о Юрке. Не освободили ли первого? Если освободили, то как себя, интересно, чувствует энкавэдэшник? Хотя что ему: приказывали — он и арестовывал.

У матери я ничего не спрашивал, ждал уже приказа об увольнении в запас: вернуться домой — обо всем разужнаю...

Вернулся я, как оказалось, вовремя для того, чтобы попрощаться с отбывающим в Сибирь Юркой. Эту новость мама сообщила мне еще на вокзале, лишь только улеглась радость встречи:

— К тете Нюре сегодня в гости пойдем. Они с Юркой всего полгода назад квартиру получили, в центре, в доме хорошем. Юрка как только женился, ему сразу и квартиру дали, и повышение по службе... Нюрка на седьмом небе была. А теперь — беда. По работе у него неприятности. Узнал, что ты сегодня приезжаешь, пригласил поговорить.

— Да он же меня небось и не помнит. Кто я был для него? Шантрапа.

— Э, не тот нынче Юрка. Поедем — сам увидишь.

...Он сидел на кухне и упаковывал в фанерный ящик посуду. Початая бутылка стояла у ног, но винный запах здесь был такой, что я понял: выпил. Юрка уже не одну посудину. Мелкие сапожные гвозди у него то и дело вываливались из рук, молоток бил больше по пальцам. Он обнял меня за плечи как старого знакомого, протянул стакан:

— Прости, только вино в доме. Я ведь вообще ничего не пью... Не пил. А сейчас... Слушай, ты только что из армии, так скажи, там что, тоже мир перевернулся? Тоже никому верить нельзя, а? Командиры — дураки?

— Армия как армия, — ответил я. — А ты о чем это?

— О приказах. О Николаеве, помнишь такого? Уголовники его до смерти забили. А оказалось, что он в зону по ошибке попал, что ни в чем он не виноват. Я его брал, понимаешь? Арестовывал я его. Мне сказали: «Николаев — враг...»

Он выпил одним махом почти полный стакан и даже не поморщился — словно воду выпил.

— Тебя из-за Николаева... переводят?

— Меня никто не переводит! Я сам себя перевожу! Не понимаешь? Спать не могу. Только глаза закрываю — Валерия Никандровна является. Молчит и только смотрит, смотрит... Это жена директора, умерла от сердечного приступа этой весной. Когда-то она приходила, просила... Но разве я бы смог помочь?..

Я начал что-то лепетать о жестоком времени, о наступившей оттепели, о том, что не надо себя так казнить, что в общем-то его совесть чиста...

— Чиста, — часто закивал он головой. — Я... В меня знаешь, сколько стреляли, какие гады попадались, знаешь? Я и погибнуть не боялся. Знал, ради чего и кого живу вот так, в шинели с утра до утра, кому верность свою доказываю. Ты ведь помнишь, Олег, ты помнишь? — я же ни в домино, ни в кино, ни к девчатам, ни на футбол... Ни на что времени не было, только служба. И вера в то, что нужен, что мне рано или поздно весь мир спасибо ска-

жет. А теперь — все! Думаю, думаю — и страшно! Николаева является. И другие явиться могут. Бежать надо, бежать!

На кухню заглянула женщина — пушистые русые волосы, голубые, с печалинкой, глаза. Приветливо кивнула мне, с укором обратилась к Юрке:

— Не раскисай! Выбрось эту бутылку!

— Юлия, — сказал Юрка. — Жена. Рожать ей в этом году, и не хочу, чтоб ребенок знал... что мне страшно бывает...

Жестокое время моей юности... Время, где людей губили и власть, и лагеря, и святая вера, и безверие. Где многие убежали от себя или уходили в себя. Время больших потрясений наших частных маленьких судеб.

В Сибири у Юрки-энкавэдэшника родилась дочь, Оксана. Я видел у тети Нюры ее фотографию: большеглазая белокурая красавица.

Десять лет спустя ее изнасиловали и замучили до смерти беглые зеки, решившие так отомстить поганому менту, когда-то бравшему их в притоне на окраине нашего городка. Нашли, узнали...

Юлия через два месяца после похорон дочери повесилась. Немного позже умерла тетя Нюра.

Юрка вернулся в наш город. Теперь уже и зимой, и летом он ходил в длиннополой шинели, спал чаще не в квартире матери, а на вокзале или на скамейке перед нашим домом, а то и в лесопосадке. Ни врачи, ни милиция его не трогали. Тихим был Юрка. Порою узнавал знакомых, здоровался, но чаще глаза его становились пустыми, и он, глядя перед собой, выкрикивал бессвязно: «Вот так, Валерия Никандровна, вот так! И меня ни за что! И все мы, все до одного!» И замолкал, не закончив фразы, и показывал почему-то пальцем в небо. Никто его не понимал, потому что уже никто не помнил ни жену Николаева, ни Юлию... Для всех это была чужая трагедия, не касающаяся их, из чужого, из невозвратного времени.

Чужого? Невозвратного?

проблемы,
события,
люди

ВОИСКА

Не очень ранним августовским утром из колонии усиленного режима совершили побег пятеро осужденных. Часовой шестого поста рядовой А. Абдурахманов отчетливо видел как они проделывают проход в ограждении контрольной площадки, и знал, как полагается действовать в подобных случаях, но сделать ничего не мог. Много ли сделаешь, если в лоб тебе смотрит черный зрачок твоего же автомата!

СЮЖЕТ ДЛЯ ДЕТЕКТИВА

ХРОНИКА СЛУЖЕБНОЙ ИЗМЕНЫ

Для ДЕТЕКТИВНОЙ повести — хорошая завязка, а для действующих и бездействующих персонажей этой непридуманной и, боюсь, банальной истории — уже развязка, хотя в данном случае не скажешь «ничто не предвещало беды». В том-то и беда, что детективную природу происходящего можно было распознать с самого начала, когда прибыли в часть рядовые Руслан Дзауров и Беспан Газдиев, называвшие себя двоюродными братьями.

Семь раз переводили их из роты в роту. Без характеристик, но дурная слава, как ей и положено, впереди бежала — «залетки». Командир роты предупредил взводных, чтобы спрашивали с «братцев» не очень строго. Да что ротный — командир части подполковник В. Исаков признал, что нашла коса на камень: «Не работают — не надо. Лишь бы не сбегали или чего похуже не выкинули...». Надо ли удивляться, что командир взвода лейтенант Дмитрий Зорин решил «опереться» на Дзаурова — тот «помогал поддерживать дисциплину», картошку жарил офицеру. А однажды похвастался, что может достать ром. Лейтенант дал деньги, но обещанного теперь вряд ли дождется...

Возможно, именно в силу признанной командирами «исключительности» Дзауров и Газдиев ни с кем в части не считались. Бить сослуживцев они привыкли постепенно, слезно отвоевывали плацдарм. Единственной реакцией на их откровенно хулиганское поведение были нравоучительные да душевнеспасительные беседы. А с другой стороны, как еще влиять на людей, если их в наряд страшно поставить?

Двадцать молодых солдат написали в рапорте командиру батальона: «Со дня нашего прибытия в часть мы подверглись физическим и моральным унижениям. С применением угрозы и физической силы у нас отнимали деньги. Требуем, чтобы двое военнослужащих (речь идет о Дзаурове и Газдиеве. — В. Ш.) были переведены из части и из города».

«Братцев» в очередной раз перевели. И только.

Почему? Назвать можно десятки, если не сотни, конкретных причин, заставляющих некоторых командиров сквозь пальцы смотреть на «шалости», поименно перечисленные в УК РСФСР в разделе о воинских преступлениях. Однако на практике, согласитесь, существует некий «порог чувствительности», вступающий в заметное противоречие с законодательством: если военнослужащий, например, ударил сослуживца, не причинив расстройства его здоровью, или занимался вымогательством, и если эти правонарушения носили единичный

характер—виновный, как правило, в худшем для него случае, отделяется легким испугом. Должностных лиц, наверное, можно понять: не убийца перед ними, не рецидивист. На фоне антиармейской «чернухи» такие действия не воспринимаются, как преступление, хотя для каждого в уголовном кодексе есть и статья, и мера наказания. Даже если командир, доведенный до крайности неуправляемым солдатом, возбудит уголовное дело, — его прекратит прокурор, так как оно «не представляет особой опасности». А если и представляет, то для... самого прокурора: выводить каждый такой случай в отдельное уголовное дело с дознанием, расследованием, очными ставками и т. п. — это наказывать прежде всего себя, ведь невозможно вдвое-тройно увеличить штаты гарнизонных прокуратур. Нынешнему же количеству военных юристов с такой работой просто не справиться. И вьетса веревочка, и отравляют жизнь всему подразделению один или два подлеца, которых так трудно заставить жить и служить по закону, оставаясь в рамках законности.

Все знают: если в первом акте спектакля на сцене висит ружье, в третьем оно обязано выстрелить. Если на артиллерийском складе тушат окурки о распечатанную бочку с порохом, взрыв — только вопрос времени. И кто-то должен взять на себя смелость и навести порядок. Казалось бы, Устав внутренней службы четко разграничивает обязанности должностных лиц, по полочкам раскладывает, что кому делать. На беду, в части не нашлось храбрца, способного остановить чепешный танDEM — Дзаурова и Газдиева, и случилось то, что просто не могло не случиться...

Часовой не сумел пресечь побег под угрозой физической расправы со стороны сослуживцев — рядовых Дзаурова и Газдиева. Они не входили в состав караула, но неоднократно проникали во внешнюю запретную зону через пролом в маскировочном ограждении, поднимались на наблюдательную вышку к часовым поста № 6 рядовым Огородникову и Абдурахманову. А о подробностях пусть расскажут непосредственные участники событий.

Рядовой А. Абдурахманов:

«Как и положено, я нес службу на вышке. В двадцать два часа ко мне поднялся рядовой Дзауров и потребовал, чтобы я пропустил через свой пост заключенных на свободу. За мой отказ Дзауров ударил меня пять раз кулаками по лицу. При этом пригрозил, что вообще убьет меня, если я откажусь выполнить его требования.

Утром я снова заступил на пост. Минут через десять снова пришел Дзауров, теперь уже с земляком — Газдиевым, и вновь спросил, пропущу ли я осужденных. Я опять отказался. Тогда Дзауров ударил меня кулаком по лицу, отобрал автомат и навел его на меня. Сказал, если позволю в караульное помещение, убьет. В это время подошли пятеро заключенных. Как

только двое из них подкопали лаз, все пятеро пролезли под забором и пошли в сторону кустов уже на свободе. Дзауров и Газдиев пошли в том же направлении. Перед этим Дзауров отдал мне автомат. Я никаких действий в это время не предпринимал, потому что боюсь Дзаурова. Он часто меня избивал. Поднимал среди ночи, заводил в умывальник и бил там руками и ногами.

В роту Дзауров и Газдиев возвращались через мой пост. Их не было минут двадцать».

Обратите внимание: избив часового и принудив его совершить преступление, Дзауров смело отдает униженному и оскорбленному солдату автомат с боевыми патронами и спокойно идет за беглецами. Он не боится прицельной очереди вслед. Кулаков Дзаурова Абдурахманов страшится больше, чем уголовной ответственности за невыполнение боевого приказа.

Но, может, диктату преступника, по недоразумению одетого в военную форму, подчинился только Абдурахманов?

Вот что рассказал следователю рядовой Николай Ходков.

«Я стоял на пятом посту и видел — как только Дзауров поднялся на вышку шестого поста, он стал толкать Абдурахманова в грудь, силой забрал у него автомат, а затем сразу же стал его бить. Что он бил его кулаками по телу, я видел четко.

После смены с караула, уже в подразделении, вечером того же дня ко мне подошел Дзауров и спросил, не ли нес службу на пятом посту с шести утра. Я подтвердил. Тогда Дзауров тоном, не терпящим возражений, сказал мне: «Так вот, ты ничего не видел...». В этот момент я совершенно однозначно понял, что на пост к Абдурахманову поднимался именно Дзауров, что именно он отобрал у часового автомат и избил его».

Глазастый, наблюдательный, сообразительный солдат почел за благо не связываться и молчал, пока Абдурахманов не сказал следователю, что свидетелем всего происшедшего был рядовой Ходков.

Следователю сказали, а командиру?.. Несомненно, преступные планы торговца своей и чужой совестью в тот раз не осуществились бы. Но чего это стоило бы «информаторам»?

Конечно, все пятеро беглецов задержаны. Но они успели совершить несколько преступлений. Неужели только потому, что двое недисциплинированных солдат решили разменять служебные интересы на деньги и сомнительные удовольствия? В семье не без урода? Если бы так! Увы, назвать этот коллектив семьей не могу — врать не хочется. Ведь это почти катастрофа, когда в подразделении никто не может дать отпор казарменным хулиганам или хотя бы назвать вещи своими именами. В роте, ко-

торой командовал капитан Ю. Грубич, таких не нашлось ни среди солдат, ни среди офицеров.

Есть в случившемся вина и вышестоящего штаба. Как рассказал заместитель военного прокурора Ленинградского военного округа полковник юстиции А. Жмурко, офицеры комплексных групп работали в этой части поверхностно: по целому ряду правонарушений подполковник Исаков не возбудил дознание, однако этого никто не заметил, недостатков не вскрыл. Налицо наглядный пример кабинетного стиля работы — с людьми не встречаться, в их проблемы не вникать.

Нарушение правил несения боевой службы в этой части стали едва ли не обыденным явлением, сделал вывод подполковник юстиции Е. Смирнов. Неоднократные пьянки на боевой службе, сон на посту, уход с поста... Нельзя не отметить и такой факт: за короткое время накануне преступления полностью заменено командование части.

Воинский коллектив оказался крайне слабым борцом с правонарушениями. Главная тому причина — все офицеры, начиная с командиров взводов, не в полном объеме выполняли свои обязанности. Командование не сумело наладить спрос с тех, кто не обеспечил порядка на своем участке, допустил провалы. Зато «разгромные» приказы издавались своевременно. Но и они — скорее констатация фактов и раздача «всем сестрам по серьгам», нежели анализ причин служебных и дисциплинарных неприятностей, и уж никак не средство мобилизации офицеров на кропотливый воспитательный труд.

Приказ «об уроках и выводах» тоже не заставил себя ждать. Наказаны десятки людей — как офицеров части, так и работников администрации исправительно-трудового учреждения. Освобождены от занимаемых должностей, предупреждены о неполном служебном соответствии, а уж выговоры-то, выговоры! Будем, однако, надеяться, что и такие меры послужат укреплению правопорядка в части.

Пора задуматься: а надо ли при наказании военнослужащего за фактически неподсудное ныне правонарушение. (Физическое оскорбление, вымогательство и т. п.) оформлять документы, как на опасное преступление? Неужели нет другого выхода? Ведь имеются объяснительные записки очевидцев, заключение медработника, показания свидетелей, да и виновный не отрицает своей вины... Этого, думается, должно хватить, чтобы преступивший черту закона попал на гауптвахту месяца на два-три, а то и в «места не столь отдаленные». Зная об этом, многие потенциальные правонарушители задумаются, прежде чем поднимут на кого-либо руку. Мера, знакомящая кандидатов в уголовники с условиями отбывания наказания в виде лишения свободы, очень пригодилась бы в случаях, когда меры, предусмотренные Дисципли-

нарным уставом, не оказали воспитательного воздействия.

Право налагать такое взыскание, на мой взгляд, нужно предоставить командиру части. Ведь в других армиях гауптвахта до трех месяцев — дело привычное. Чего же мы боимся — упрека во внесудебном применении лишения свободы? Так прокурор всегда рядом, он обязательно проверит обоснованность наказания.

При несовершенстве судебной системы, отягощенном слабой материальной базой судов, с одной стороны, и все расширяющейся «вестернизацией» взаимоотношений между солдатами, когда кулак выступает решающим аргументом в даже пустячном споре — с другой, надо либо гарантировать скорую судебную процедуру определения справедливой и нествратимой меры наказания правонарушителю, либо вообще убрать ее из судебной компетенции и поручить единоначальнику — командиру.

Однако, ратуя за расширение дисциплинарных прав командира, нельзя надеяться только на меры принуждения. Совесть, порядочность, верность воинскому долгу равно списывать в утиль даже на пороге рынка — там этого товара днем с огнем не сыщешь. И, конечно, не навести порядка, не укрепить дисциплину без личного примера командира — честного, выдержанного, нетерпимого к правонарушениям, смелого и неравнодушного к судьбе вверенных ему людей. Офицера, который не даст молодому солдату за полтора-два года превратиться в детективного антигероя.

Майор В. ШЕВЧЕНКО.

ПОСТСКРИПТУМ.

Точки над «i» расставляют время и суд. Дзауров 5 лет проведет в колонии усиленного режима, Газдиев — 3 года в дисциплинарном батальоне. Если, конечно, не случится вдруг амнистия «невинно пострадавшим от командирско-прокурорского произвола» или национальным вооруженным формированиям не понадобятся «проверенные, закаленные кадры»...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Может показаться, что была вероятная иная развязка — когда все промахи и «проколы» должностных лиц части покрыв бы часовой, наберись он смелости действовать по уставу.

Но ведь не осмелился! В том-то и мораль. Каждый час видя, как попирается устав в столовой, спальном помещении или умывальнике, солдат не может довериться уставу и на боевой службе — не хватает уверенности, что командир, сквозь пальцы смотревший на бытовые притеснения, защитит после того, как часовой крикнет нарушителю положенное «Стоять, стрелять буди!» и снимет с предохранителя автомат.

Банально, правда! Но все сторонники «оригинальной» точки зрения на проблему сохраняют шанс рано или поздно найти свои фамилии в очередном приказе «об уроках и выводах». В винительном, разумеется, падеже.

ПРИДЕТ ЛИ В РОТУ КАПЕЛЛАН?

«Хотя я уже не служу в войсках, журнал читаю по привычке и вижу: почти в каждом письме, да и во многих материалах звучат между строк тревога и озабоченность. В душах солдат и офицеров нарастает смятение, неуверенность в завтрашнем дне. Понятно: развенчаны прежние идеалы, рухнула вера в светлое будущее, как карточный домик, рассыпается Родина — великая держава. Законы не выполняются, в глазах рябит от обилия присяг, и приказ выполнить страшно: вдруг именно он — преступный? Говорят, нет у страны врагов, уничтожен «образ врага», которым объясняли в армии необходимость постоянной боевой готовности многие десятилетия. И в то же время словно нарочно вы ничего не пишете о Боге — ведь русские воины и на Куликовом поле, и в Отечественную войну 1812 года умирал и побеждали под знаменем веры. В армиях многих стран есть капелланы — там знают, что смятение духа у солдат и офицеров слишком дорого обходится обществу. Не пора ли и нам вспомнить, что новое — это хорошо забытое старое?»

В. Иванов, бывший политработник.

И ТАК, жизнь махнула рукой на совершеннейшую из теорий, когда-либо придуманных человеком, и пошла своей дорогой. Подумаешь, трагедия! Но уж в одном-то человек этот железно прав: убеждения действительно узы, и их не разорвешь, не разорвав своего сердца. Сотни мудрецов пытались объяснить человечеству, зачем оно живет на Земле. Те, кто носит сегодня военную форму, да и не только они, уже убедились: без служения высокой цели жизнь превращается в способ существования белковых тел. Разве их вина, что цель оказалась несбыточной и недолговечной?

Читатель напоминает, что жизнь не терпит пустоты, даже идеологической, и быстро предлагает замену сказке о светлом будущем.

А что об этом думают вчерашние политработники, а ныне офицеры по работе с личным составом?

— Интерес к Богу у людей есть, — считает старший лейтенант Сергей Алексеев, «замполит» автороты. — Можно только приветствовать, если у нас появятся дополнительные возможности для воспитания солдат. Традиционные меры сейчас не работают: одни изнасились от частого употребления, другие поотмиралы, так сказать, в ходе департизации. Раньше солдат уважал мнение комсомольского собрания, ему далеко не все равно было, что напишут ему в характеристике. Если не за совесть, то за страх исполнял обязанности как положено — понимал, что его армейская репутация будет ходить за ним всю жизнь.

В чем можно согласиться со старшим лейтенантом? Действительно, чем круче нравы в обществе, тем труднее достучаться до солдатской души. По его же мнению, каждый отдельно взятый подчиненный — нормальный человек, а где соберутся двое-трое — там весьма вероятны скандал с выяснением отношений или пьянка. Мож-

но, конечно, наказывать, только гауптвахтой всех проблем не решить.

Поэтому войска только выиграют, если солдаты будут руководствоваться десятью заповедями, канувшими совсем недавно в небытие вместе с моральным кодексом строителя коммунизма и всплывшими под скромным именем «общечеловеческие ценности». Ради этого пусть приходит в роту хоть священник, хоть капеллан — не в названии дело. Уж его-то ни на службу начальником караула не пошлют, ни ленкомнату переформлиять не заставят, будет только «по специальности» работать, считает Алексеев.

Молодой офицер, избравший профессию политработника и задолго до деполитизации переквалифицированный в «начальника караула с оформительским уклоном», не ревнив — болеет за дело, поэтому не задумывается, что будет лично с ним, когда воспитание солдат передоверят духовному лицу. Старший лейтенант смотрит на возможности конкурента глазами неопита — человеку свойственно верить в чудеса, и это здорово!

— Что-то менять в воспитательной работе, безусловно, надо, — убежден майор Александр Милохин. — Так называемая идеологизация снизила эффект от наших усилий. На гуманитарную подготовку отпущено вдвое меньше времени, чем отводилось на политическую. Ежедневный час политико-воспитательной работы после переименования в информационный утратил «хозяина» и словно перестал быть обязательным. Есть настроение и желание — проводи, не хочешь — не надо, слова никто не скажет. Раньше над головой топор висел, за срыв планового мероприятия вытаскивали на политотдел, вешали партийные взыскания, а теперь никому ничего не надо. Результаты налицо: за прошлый год в батальоне в полтора раза больше дисциплинарных проступков, чем в девяностом. Слышал, что верующие солдаты куда надежнее

комсомольцев: не пьют, не курят, не сквернословят, в самоволки не бегают, не дерутся и службу несут добросовестно — какой же командир откажется от такого подчиненного! Однако ни единого верующего в батальоне нет, и откуда они возьмутся, я не знаю...

Зато знают исследователи христианства. Успех той или иной религии зависит не от более или менее удачных доказательств ее божественности, а лишь от того, что говорит она душе народа. В этом смысле мы с вами — благодатная нива для религиозных всходов, ибо многое в официальной идеологии нашей еще недавно целостной и могучей страны позаимствовано из Евангелия. Царство Божие — вечная мечта человека. Мысль об организации человечества для величайшего счастья и морального усовершенствования — мысль христианская. Классики же самой революционной идеологии попытались перенести небесное царство справедливости на грешную землю, но лишь разбудили дремавший в человеке пещерный эгоизм — самое могущественное человеческое побуждение. И хотя в свое время церковь отлучили от государства, разрушили храмы и физически уничтожили многих священнослужителей, вряд ли сегодня кто-то будет спорить, что строитель бесклассового общества обязан был верить в светлое будущее ничуть не меньше, чем христианин — в непорочное зачатие Девы Марии. Иными словами, несмотря на «зачтено» по научному атеизму, не исключено, что многие бывшие коммунисты способны стать ревностными христианами, как уже стали правверными демократами и даже антикоммунистами многие деятели из номенклатуры ЦК КПСС.

Был бы только результат: скорей бы наша жизнь исполнилась высокого смысла, духовности, без которых трудно осознать ответственность за людей, чей покой доверен солдату. Скорей бы появилось отвращение к греху — без него нынче плохо на боевой службе. В самом деле, как помешать солдату торговать с осужденными, если он все чаще слышит: деньги, мол, не пахнут?

— Есть еще Уголовный кодекс РСФСР, хотя республика уже не так называется, — возражает майор Александр Сотников. — Понятие греха вряд ли способно удерживать ныне от соблазна. Раньше, например, за бутылку водки осужденные предлагали двадцать пять, сегодня — двести пятьдесят рублей. Это — серьезно, а разговоры здесь останутся разговорами... в пользу бедных. Энтузиазм, веру эксплуатировали слишком долго. Сейчас человека можно заинтересовать только материально. Воспитывать детей надо в детском саду, а мы тут не воспитатели, а заместители командира по личному составу. Неподкупность — хорошо, а оргмероприятия — лучше. Если службу нести строго по уставу, солдат ни на секунду не останется с осужденным или подследственным наедине, а значит, шансы вступить в неслужебную связь практически нулевые.

Тут мой собеседник, к сожалению, прав только теоретически. Ведь Устав внутренних войск был написан, утвержден и введен в действие, когда неукоснительно соблюдалось требование, чтобы контролеры несли службу в паре: вдвоем от нападения легче отбиться, и «коммерцию» вести труднее, хотя, понятно, об этом тогда вслух не говорили. Сегодня же, экономя на людях разваливают эти устои. Но, с другой стороны, нашелся же целый караул, пацки на дармовую выпивку — вспомните прогрессивную на всю страну историю с «белыми флагами». Уповать здесь на уголовный кодекс — значит расписываться в собственном бессилии.

— Сегодняшние разговоры о капелланах, — не сдается Александр Сотников, — сродни призыву начинать «перестройку» с себя. Кто в себя полез, в дураках остался, а кто нос по ветру держал да других перестраивал, сейчас не на белом коне — на черном «мерседесе» ездит. Может, давайте попробуем для начала по законам, по уставу пожить! Положено — отдай, и без капеллана обойдемся. Представьте картинку: треснул на спецмашине тормозной шланг. Водитель на склад, к командиру — нет нигде. До сих пор как Сыло! Топнут ногой на водителя, он воинскую смекалку прозвил — и его машина на ходу, службу обеспечивает. А завтра солдат откажется смекалку проявлять. Воровать не пойду, грех, скажет, мне товарищ капеллан вчера на эту тему проповедь читал, она мне в душу запала. Смешно! До спез. Объяснить человеку, что воровать плохо, я могу и без капеллана. А создать условия, чтобы воровать не пришлось, и капеллан не в силах.

Трудно не согласиться с офицером — действительно, в войсках многие проблемы пытаются решать за счет человеческого фактора, исправно обменивая на невыполнимые обещания энтузиазм и нервные клетки солдат и офицеров. Что в этой укоренившейся практике сможет сделать капеллан или полковой священник? Им нельзя механически заменить партийную организацию: он не выступит третьей стороной в конфликте начальника и подчиненного, а если и осудит, то не оспорит несправедливость в распределении жилья, иной произвол власть предержащих. Боюсь, что все его функции сведутся к бесконечному повторению плащаво-приторной, елейной фразы: «Христос терпел и нам велел». Думається, именно в этой роли видится кое-кому сегодня священник возле людей в военной форме. Но даже если это не так, на перепутье всегда тревожится душа.

Знания наши о религии отрывочны и бессистемны, а на исходе второго тысячелетия от Рождества Христова, у свежих обломков жесткого тоталитарного режима, согласитесь, хочется понять, чем же христианство лучше однопартийной системы? И прежде чем очертя голову ринуться в крестильную купель всероссийского масштаба, следовало бы задуматься — неужели люди, исправно соблюдающие десять за-

поведей (другой информации о содержании религии у большинства читателей просто нет), могли всего за два тысячелетия наворотить столько богопротивного и несправедливого?

Ведь в угоду земным властителям христиане убивали друг друга, точнее, брата брата, в многочисленных религиозных войнах, во имя лицемерного «спасения души» истязали испанским сапогом, «железной девой» и поджаривали на кострах тела еретиков. И хотя инквизиция и крестовые походы остались во мраке средневековья, наша цивилизованная эпоха не может затушить пожар Ольстера, где католики и протестанты, о которых Иисус понятия не имел, нарушают его главные заповеди.

А наша собственная история?

Церковные реформы Петра I окончательно превратили церковь в часть государственного аппарата. На нее официально были возложены судебные функции («не судите, да не судимы будете!»). Короче говоря, церковь стала служанкой светской власти, используя веру как средство управления людьми. В этом смысле ее возможности поразительны: тысячи фанатиков жертвовали детьми и принимали мученическую смерть, веруя, что их страдания вознаграждаются. Но даже по евангельским критериям прекраснее выглядит жертва Зои Космодемьянской: ну какая заслуга в том, что сектанты отдали свои жизни в обмен на жизнь вечную? Юная безбожница-патриотка погибла не за райские кущи на том свете — за Родину. Как-то незаметно из общечеловеческих ценностей ушла на второй план сама жизнь человеческая, более того, жизнь ребенка — не верится, что этого хочет Бог!

Большевики, отлучив в феврале 1918 года церковь от государства, несмотря на беззастенчивый грабёж ценностей, разрушение храмов и истребление священнослужителей, оказали ей огромную услугу. Оттененная от политики, она, наконец, смогла вспомнить о Боге. Правда, выясняется, что спецслужбы и в царстве научного атеизма интересовались тайной исповеди. А ныне государство, тоскуя по отмычке от душ своих подданных, стремительно сближается с деятелями церкви. Похоже, скоро святые отцы будут поставлены перед выбором, кому служить — Богу или маммоне?

А у капеллана, или как там его назовут, и выбора не будет: став государственным служащим, он обязан проводить в войсках политику государства. Надо ли говорить, что даже царь российский — не Бог?

Так что спешить с созданием религиозных структур в войсках, похоже, нет необходимости. А вот более серьезная подготовка в культовых вопросах нынешним воспитателям не помешала бы. Ведь, хотя религиозные интересы подчиненных Сергея Алексеева непритязательны: правда ли, что последнего царя Библия именует Меченым, — старший лейтенант не знает, что ответить.

Майор В. ГЕРАЩЕНКО.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам человек-невидимка. Я служу в войсках, имею звание майора. Вполне допускаю, что я не первый невидимка, но абсолютно уверен: первый — тоже был военным служащим. Ведь ни для кого не секрет, что именно наука, работающая на армию, долгое время шла в авангарде претворения фантастики в жизнь. Однако я не плод изысканий засекреченного на семь поколений вперед академича и не продукт творческой мысли некоего подпольного гениал-отшельника, не уникал из автоклава — самый обыкновенный, очень типичный для нашего общества человек-невидимка. Таких, как я, у нас в стране — миллионы. Почему же тогда я сделал упор на свое армейское происхождение? Потому что в армии эффект невидимости ближе к абсолюту.

Представьте себе такую картину: движется воинский строй, отдельные лица

ЧЕЛОВЕК-

и фигуры из общей массы не выхватываются. Этаким монолит, четко рассеченный на шеренги и колонны. А при взгляде чуть сверху, с парадной трибуны, — каски, каски, каски... Людей нет. Одна за другой проходят так называемые парадные «коробки». На трибуне — умиротворение, выраженное в снисходительно приподнятой ладони, не донесенной до козырька. И вдруг!!! В одной из «коробок» — дыра, пробел, не хватает подвижной единицы. Трибуна в замешательстве, в панике... И вот уже заполошная суетола команд: «Отставить! Стой! На месте!..» И багровое сопение в микрофон. Кто допустил? Куда девался шагающий элемент, обязанный равняться и тянуть носок, а главное — не выделяться. И вот на тебе — выделился! Исчезновением своим выделился. Парадокс, но именно превратившись в невидимку, стал заметен.

Нечто подобное произошло и со мной. Пока я занимал свое место в строю, не предъявляя никаких претензий на внимание начальства к собственной персоне, я всех устраивал. Поступала команда — выполнял, не обсуждая и не ропща. За три последних года 260 суток провел в горячих точках. В Карабахе довелось и в шкуре заложника побывать, и под минометный огонь попасть. Но и в качестве заложника, и в качестве мишени я все равно оставался в строю, представляя решение своей судьбы другим. Думал, что есть некто наверху, кто обо мне думает и заботится. Может, так оно и было — в составе батальона, части, войск. Но вот пришел час, когда мне понадобилась помощь со стороны

НАШ АДРЕС:
107120, Москва,
Сыромятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

командования. Не в строю, не в составе «коробки», а мне лично. Пришлось лезть на глаза начальству, высовываться из массы. Но, вопреки ожиданиям, я и тут оказался невидимкой. Меня в упор не захотели видеть. Тогда я решил

НЕВИДИМКА

позаботиться о себе и своей семье сам. Для этого понадобилось сделать из строя шаг в сторону. И вот мое опустевшее место сразу привлекло внимание. В результате — взыскание, предупреждение о неполном служебном соответствии.

А дело было так. Почти три года я с семьей жил на частной квартире, где печь надо было топить дровами или углем, воду качать из скважины, детей поднимать на свет ни заря, чтобы успеть их одеть, накормить и отвезти в садик на другой конец города, а потом и самому не опоздать на службу. Если часть в это время находилась на месте постоянной дислокации, то изрядную долю домашних нагрузок я брал на себя, и положение было терпимым. Когда же мы отбывали на три месяца в командировку в очередную горячую точку, вся тяжесть неустроенности ложилась на плечи жены. Возвращаясь домой, я видел на ее лице не радость, а слезы бессильного отчаяния, порожденного не столько физической усталостью, сколько моральной, когда нет ни помощи, ни поддержки и ждать их неоткуда.

Стоит ли говорить, с какой радостью мы восприняли известие о том, что для нас освобождается квартира. Прежний ее хозяин уехал еще в сентябре, а вещи должен был вывезти месяц спустя.

Миновал октябрь, а я еще сидел в прежней временке, высасывавшей ежемесячно изрядную долю семейного бюджета. Надеюсь на скорое новоселье, не стал заготавливать ни дров, ни угля. Отапливались электроприборами, но в доме все равно было холодно.

Седьмого ноября часть подняли по тревоге и «посадили» на казарменное положение в ожидании вылета в новую горячую точку. Что мне было делать? Бросить семью на произвол судьбы? Переезда мы ждали со дня на день. Я обратился к полковнику Н. Гнесю и сказал, что по семейным обстоятельствам ехать в командировку не могу. Формулировка «по семейным обстоятельствам» не вызывает возражений только в случае смерти близких родственников, в любых других ситуациях она воспринимается как отговорка при желании увильнуть от трудностей службы. Именно так было расценено и мое заявление. Последовали оргвыводы: сначала меня хотели отодвинуть в очереди на квартиру, но не нашли законных оснований. Потом затеяли служебное расследование «в связи с отказом выехать на выполнение служебно-боевого задания».

Первого декабря, когда выезд части на Кавказ все еще оставался под вопросом, я переехал наконец-то в освобожденную квартиру и в тот же день вписал свою фамилию в списки командированных. А через неделю меня поставили в известность, что приказом командира части еще от двадцатого ноября я предупрежден о неполном служебном соответствии.

Выходит, для того, чтобы преуспевать в службе, нужно из человека-невидимки, которого не желают видеть, снова стать просто незаметным, занять в монолите отведенное тебе место, чтобы оно не раздражало начальство своей пустотой. Незаметность и стандартность — наиболее ценные качества военнослужащего. Офицеры, не обладающие этими свойствами, чуть ли не лишние в войсках. Только вот в последнее время «лишних» становится все больше. Не хотят люди жить невидимками. Жизнь пройдет, оглянешься назад — а ничего и не видно.

Так что, уважаемая редакция, стоило ли писать о наших правах и человеческом достоинстве. В армейском лексиконе это термины риторические.

Майор С. ГОЛОВАЧ.

ЧП в «нелегальном дисбате»

ЕСТЬ у американского фантаста Стивена Кинга жуткий рассказ. В двух словах: под воздействием неведомых сил стоявшие у бензоколонки автомобили превращаются в металлических хищников, наделенных разумом и способностью ездить без водителей. С каждой минутой растет число жертв стаи на колесах...

Взбунтовавшиеся механизмы... Хорошо, что весь этот кошмар — из области фантастики, скажет впечатлительный читатель.

Увы, жизнь иногда подкидывает такие сюжеты, перед которыми меркнут самые крутые сказочки-«ужастики» эпохи НТР.

Вообразите, к примеру, вместо оживших грузовиков... вышедшее из-под контроля оружие. Как вполне реальный факт. Трудно? Между тем нечто подобное произошло в одной из рот Приволжского управления внутренних войск. При выполнении военными боевой задачи в самый неподходящий момент самопроизвольно открыл огонь автомат Калашникова. И лупил до тех пор, пока в магазине не кончились патроны.

Последствия: шальной пулей ранен солдат.

Велик соблазн, не зная обстоятельств ЧП, окружить его мистическим ореолом. Караул во власти полтергейста! Дух смерти взводит курок! Но при всем желании потрафить любителям сенсаций вынужден их разочаровать: в истории с автоматом-«самопалом» мистика и не ночевала. Как показывают материалы служебного расследования, случилось все по логике банального армейского присловья: раз в году швабра стреляет, а ствол и подавно. «При наличии отсутствия» ухода за оружием и воинского порядка.

ЗА РЕДКИМ исключением, будни в отдельно дислоцированной роте капитана А. Замораева похожи, как близнецы: круглосуточно одна и та же задача — охрана ИТК строгого режима. Сегодня — как вчера, а вчера — как месяц назад. Но для тех, кто хорошо знает обстановку в подразделении, размеренное течение жизни на этой периферии — все равно что затишье перед бурей.

— Не рота — бочка с порохом, — скажет заместитель командира части по работе с личным составом. — А служба у офицеров — вроде гадания на ромашке: рванет — не рванет?

...В тот роковой день начальником караула заступил сержант Т. Шибилев. В служ-

бе не ас и как младший командир — не подарок, за неуставные отношения с подчиненными имеет прокурорское предостережение. «Что поделаешь, за неимением лучшего приходится довольствоваться тем, что есть», — вздыхал ротный, когда бразды правления охранной зоны переходили в руки Тимура.

Инструктаж, смена караулов — и пружина служебного механизма получила очередную завод на сутки. А для сменившихся с постов наступил долгожданный отдых. Бойцы поспешили в роту заниматься личными делами — кто строчить «конспекты на родину», кто за любимую футбольную команду у телика болеть, кто просто в курилке расслабиться. У рядовых Ражабова и Мамедьярова были другие планы. После ужина приятели договорились поболтаться вокруг колонии.

Читатели, не знакомые с жизнью «колонияльных» рот, зададут вполне резонный вопрос: «Какого рожна слоняться вдоль ограждения ИТК, там ведь преступники, не ровен час, бросят с крыши что-нибудь тяжеленькое?» Так вот, для непосвященных: это самое «что-нибудь» и пробуждает у «бравых» конвойников азарт золотиискателей и охотников за бриллиантами. Через «колючку» совершаются перебросы: туда — водка, наркотики, деньги; отсюда — ножички-кнопачи, всевозможные сувениры и прочий ширпотреб, изготавливаемый для «бартерных» сделок зонаскими умельцами. Глядишь, и перепадет кое-что удачливому «старателю». А охота, она пуще неволи.

Итак, выйдя за КПП, земляки с азартом ищеек начали прочесывать местность вокруг зоны. Но фортуна на сей раз была к ним равнодушна. Кроме автоматного патрона у забора ничего не нашли. Ражабов покрутил его в руке и сунул в карман: пригодится. До вечерней проверки оставалась уйма времени. Приятели продолжали шарить в траве, неминуемо приближаясь к посту № 8, где и произойдут драматические события.

Небольшие подробности. Этот пост лихорадит военных, как открытый участок государственной границы. Дело в том, что стена литейного цеха промзоны вплотную подступает к ограждению. Пришлось наблюдательную вышку вынести за периметр объекта на противоположную сторону улицы. Само собой, вокруг вышки — забор, на калитке — табличка с предупредительной надписью «Запретная зона», По-русски

написано. С таким же успехом можно было использовать язык суахили: народ, не имевший счастья воспитываться в традициях законопослушания, плевать хотел как на строгую надпись, так и на вышку с часовым. Под самым носом у вооруженного солдата устраиваются неофициальные «свиданки» малосознательных граждан с отбывающими наказание друзьями и родственниками. Условия — лучше не придумавешь: крыша литейки, возвышаясь над ограждением, словно шляпа Гулливера над стеной лилипутской крепости, видна с самого дальнего конца улицы.

Хотя была среда — явно не день для массового наплыва посетителей, на крыше цеха шумной стаей воронья угнездились «жулики». У забора галдела толпа прибывших на «свиданку». Часовой «восьмерки» рядовой Джафаров безуспешно пытался «прекратить безобразие». С крыши летели ругательства и проклятия. Неожиданное появление Ражабова и Мамедьярова подогрело воинственный пыл часового. Недолго думая, Джафаров спустился к землякам за поддержкой.

— Сейчас мы их попугаем, — успокоил Ражабов.

С этими словами он достал из кармана найденный патрон, снарядил им магазин джафаровского автомата и выстрелил по верх голов осужденных. Пальнул и часовой. «Навоевавшись», земляки расстались. Джафаров полез на вышку, «самовольщички» тронулись в обратный путь.

СЕРЖАНТА Шибилева выстрелы застали на КПП. Приказав часовому сообщить о стрельбе в караульное помещение, Тимур бросился к месту происшествия.

Для ясности предоставим слово начальнику караула как одному из главных «героев» этой истории:

«Пробегаю мимо ближайшего от КПП поста. «Где стреляли!» — кричу. «На восьмом!» Мчусь туда. Вижу, навстречу мне идут Мамедьяров и Ражабов. На всякий случай присоединил к автомату магазин и передернул затвор... И вдруг... автомат начал стрелять. Ничего не пойму, на крючок не нажимал, а пули летят. Хорошо, успел отвести ствол в сторону. Когда стрельба кончилась, я посмотрел вперед и увидел, что Ражабов лежит на земле. Как будто притворяется. Но, подбежав ближе, заметил на животе солдата красное пятно и подумал, что убил его. Я хотел здесь же застрелиться, но в моем автомате не было... крючка».

Как позже выяснит комиссия, в автомате сержанта Шибилева наряду со спусковым крючком отсутствовали: ось спускового механизма, шептало одиночного огня, заместитель курка. Поэтому «при досылке патрона в патронник произойдет неизвольный выстрел, а при наличии присоединенного магазина стрельба будет вестись до окончания боеприпасов» (из заключения по материалам служебного расследования).

Обнаружив в АК отсутствие спускового механизма, комиссия ни для кого не открыла Америку. После поломки злополучные детали месяца пылились у старшины роты прапорщика А. Осипова, а неисправный автомат мирно стоял в пирамиде для учебного оружия.

Когда Осипов узнал, что Шибилев вышел на службу с неисправным оружием, — за голову схватился.

— Я ж ему, дурьей башке, строго-настрого приказал: «Забудь о своем автомате, пока его не починят. А вдруг побег осужденного? Что будешь делать? Ведь твой «калашников» не стреляет!»

Но самым страшным ударом для прапорщика было признание Тимура в том, что и раньше, оказывается, он заступал в караул с разукomплектованным АК.

Спросите, почему сержант ослушался старшину? «Потому что мой автомат легче, чем другие», — подлинные слова младшего командира.

Уточнив некоторые детали, продолжим наше невеселое повествование. С этого места драма начинает превращаться в настоящий детектив.

...Пока вызывали «скорую», офицеров роты и батальона, Тимура окружили сослуживцы. Стали наперебой уговаривать «не делать глупостей». Кто-то даже напомнил: самоубийство для мусульманина — тяжкий грех. Предложили другой выход: обвести начальство вокруг пальца, пустить по ложному следу.

К прибытию ответственного по роте была состряпана легенда, очень похожая на эпизод из боевика о борьбе благородного комиссара полиции с сицилийской мафией: в солдата стрелял неизвестный из белых «Жигулей». Эту экзотическую версию и передали по телефону в часть.

Тем временем под шумок чепешной неразберихи земляки Тимура отнесли неисправный АК в ружейную комнату и заменили на другой, который в книге выдачи оружия числился за сержантом Шибилевым. Да в спешке не растолковали дежурному по роте сержанту Н. Гаврикову, что за «чепок» случился в карауле. Иначе тот не забыл бы: шибилевскому автомату не место в общей пирамиде.

На следующее утро старшина заметил, что разукomплектованный «калашников» переставлен в «штатную» ячейку.

Закралось первое сомнение...

Хотя «заговорщики» и свидетели лжи по несколько раз переписывали объяснительные, из которых последующие противоречили предыдущим, а сам Шибилев или отрицал свою вину, или угрюмо отмалчивался, истина была установлена, обман раскрыт. Составлено заключение по материалам служебного расследования. Дело передано в прокуратуру. Щедро, на всю катушку, розданы взыскания. Члены комиссии вернулись в свои кабинеты с чувством исполненного долга. Можно ставить точку!

Позвоним!

НЕ СОБИРАЮСЬ отрицать очевидное: в случившемся — немалая доля вины ротного. Согласно уставу, он несет полную ответственность за исправность и правильное использование вооружения и техники. Будь в роте построже контроль за людьми перед заступлением на службу и после смены караулов, не терялись бы патроны, не ускользало бы от внимания дежурных офицеров, что сержант приходит на развод с автоматом без спускового крючка. Но когда командир приставлен сторожем к «бочке с порохом», сгибаясь под грузом нерешенных проблем, вина его за ЧП — в равной степени и беда.

Короче, подсудимый и жертва в одном лице — это про Замораева.

Сами посудите. В роту, как в «нештатный дисбат» части, регулярно сплавляли чужих «залетчиков» и «чепешников» — пьяниц, самовольщиков, ревностных блюстителей традиций «дедовщины» и прочих казарменных квакиных, дабы те не мешали правофланговым подразделениям штурмовать новые высоты в боевой службе, боевой и гуманитарной подготовке. С глаз долой — из сердца вон. За семь месяцев четырнадцать «ссылных» по воле начальства, озабоченного ростом «эффективности воспитательного процесса», принял под свое крыло капитан Замораев.

Простая как дважды два аксиома: чтобы навести порядок в трудном коллективе, поставить заслон разлагающему влиянию «отрицаловки», нужно как минимум решить вопрос с укомплектованием подразделения офицерскими кадрами. Очень надеялся капитан Замораев, вступая в должность командира роты (это было ровно за год до ЧП), что ему пойдут навстречу.

Пошли.

Две должности командиров взводов как были, так и остались вакантными. Третья — урезана напополам: взводного постоянно отрывают от подчиненных на сборы в учебный батальон. Хочешь не хочешь — плати установленный «оброк». Таким образом, в подразделении всеми делами вершат от силы два офицера. С великим напряжением удается обеспечить занятия да контроль за службой и соблюдением распорядка дня. Что? Качество? Помилуйте, в сутках 24 часа, а офицер не робот.

Не случайно рядовым Ражабову и Мамедьярову удалось беспрепятственно улизнуть в «самоволку». При таком соотношении сил за каждым «архаровцем» не уследишь, хоть на две части разорвись, а сержанты для солдат — свои в доску. Труднее коту перемахнуть через забор, чем «дембелю» выйти за КПП.

После ЧП с автоматом кабинетные столоничальники в кулуарном разговоре возмущенно восклицали: «Дать бы тому командиру взвода и начальнику караула по шее за такую организацию контроля!» И того не ведали, что начальник караула,

замкомзвода, а также исполняющий обязанности взводного — это все сержант Шибилев.

— Удивляться тут нечему, каждая вторая рота у нас — с неукомплектованным штатом офицеров, — просветили меня в управлении войск.

Пусть так. Кадры в армии — державная проблема. Но почему в числе обделенных оказался «нелегальный дисбат»? Казалось бы, тем, кому труднее, следует помогать в первую очередь. Однако у руководства на сей счет своя бюрократическая логика.

Сколько ни пытался завести речь о «ссылных» ротах, пугающих мрачными историческими ассоциациями, — встречал недоуменные взгляды.

— Нет у нас таких, — пожимали плечами штабные офицеры. — Если и переводят солдат из подразделения в подразделение — это в интересах службы.

Вот теперь все ясно. «Ссылных» нет — и проблем нет. Стало быть, на общих основаниях — и кадры, и материальное обеспечение, и спрос.

В решительном отрицании очевидного — свои резоны. Признать де-факто существование «нелегального дисбата» — значит раскрыть фокус: как за счет одних подразделений куют успех другие, определяющие фасад части; дать пищу для разговоров о незавидной судьбе офицеров опальных рот: отданные на заклинание жертвы, вечные «стрелочники» — «капитан, капитан, никогда ты не будешь майором».

Тысячу раз прав Замораев, обронивший в сердцах: «Сначала обеспечить бы всем, чем положено, оказали помощь, а потом уж и на плаху, ежели заслужил».

О помощи: в 1991 году в подразделение 22 раза выезжали «ревизоры», накрутив в общей сложности 48 командировочных суток. Писались различные справки, акты, отчеты, убеждающие в результативности проведенных «мероприятий». Но цена всему этому...

Автомат-«самопал», ранивший солдата, коллективное вранье — вот лакмусовая бумажка, показывающая истинное отношение командования части к бедам «ссылной» роты. Оно не изменилось даже после ЧП.

Забить бы тревогу, доукомплектовать подразделение офицерами, наладить контроль на всех уровнях! Но вместо этого, как в старые добрые времена провели курс «гайкотерапии». Капитан Замораев с «неполным служебным» переведен в другую роту, тоже отдельно дислоцированную. Коллектив избавили от самых отъявленных баламутов, замешанных в афере с автоматом. Разжаловали сержанта. Этим «помощь» и ограничилась...

Остается ждать, когда выстрелит швабра или метла. Может, тогда новый ротный получит все, в чем отказывали загнанному в угол «дисбату».

Лейтенант А. БАЧИЛО.
Приволжское управление
внутренних войск.

ДЕЗЕРТИРЫ «В ЗАКОНЕ»

В ЭРУ БЕЗВРЕМЕНЬЯ, то бишь в очередной переходный период (любопытно, от чего к чему?), переживаемый страной, все невероятно смутно и зыбко. Законы ветшают и сменяются быстрее, чем мы успеваем уяснить их суть. Трудности возникают и растут как грибы после дождя, и сколько бы мы ни пытались их преодолевать, полоса препятствий лишь удлиняется — парадокс замкнутых кривых времени. Точка опоры, с помощью которой еще вчера столь реальной казалась возможность перевернуть мир, ныне уходит из-под ног, и любая дорога к Истине завершается глухим тупиком.

О каком будущем можно говорить в стране с непредсказуемым прошлым? Хотя по количеству прорицателей и гадалок на душу населения мы, кажется, с легкостью вырываемся на первое место. Впрочем, кручина не столько о том, что любителей ставить диагнозы больше, чем добровольцев лечить недуги, сколько о том, что в смутные, беспокойные времена беспредела юридические нормы размываются ливнями неопределенности и безысходности. То, что вчера считалось противозаконным, сегодня становится нормой, — диву даешься. Помните, у Сенеки: что было пороками, то теперь нравы. В пору и вовсе потеряться. Хорошо, если единственной путеводной звездой во мраке останутся «нравственные законы внутри нас», которые, по убеждению Канта, должны быть неизменными и незыблемыми. Но, увы, даже самые категоричные императивы мир не спасут. Как не спасут его, наверно, добро и красота, коим Федор Достоевский, заступник униженных и оскорбленных, угодовал в своем предсказании решающие роли. Материалисты, мы забыли о самом главном и первичном в сущности философском законе: сознание определяется бытием. И, подрубив под корень бытие, наивно и слепо ищем опоры в духовности. Тщетно. Мечемся из угла в угол, то ужесточая законы, то щедро объявляя амнистии. А результат? Он смешон и трагичен одновременно.

Более того, провозгласив своей религиозией атеизм, мы вместе с водой выплеснули из купели и ребенка, ибо боязнь греха веками удерживала от соблазна преступления лучше и надежнее, чем все уголовные кодексы, вместе взятые. Суд совести был судом божьим и страшил вековечной мукой и карой небесною, держал в узде законопослушания. Тот же Достоевский учил, что во имя всеобщего блага нельзя пролить даже единой детской слезинки. Мы же, вооружившись дубиной лозунга «Добро должно быть с кулаками», пролили море слез, а до всеобщего блага и царства Истины так и не добрались. И снова начинаем свой скорбный путь, трудный от того, что ориентиры потеряны и исходить приходится из безвременья.

Адрес происшествия, о котором хотелось бы рассказать, — подразделение старшего лейтенанта С. Мамедова. Заранее оговорюсь: логически оправдать этот полуслужебный-полужитейский нонсенс, как выяснилось, гораздо сложнее, чем подвести под него юридическую базу. Теперь — по сути.

В ВЫХОДНОЙ день на контрольно-пропускном пункте объявился мужчина. Дежурному сказал, что хочет видеть рядового Дмитрия Ушакова. В помещении роты представился отцом солдата и попросил выписать сыну увольнительную в город: ну как не пойти навстречу? После сердечно поблагодарил, приобнял воина за плечи и... их и след простыл. Солдат в часть не вернулся.

Забили тревогу, стали разбираться в причинах случившегося и вскоре выяснили, что утренний посетитель — действительно отец, но совсем другого солдата, служащего неподалеку, в соседнем подразделении. Земляки они с Ушаковым, привез он Дмитрию посылку из родных краев, а солдат не растерялся и попросил «дядю» представиться отцом, потому как очень уж ему, Ушакову, в город захотелось. Отчего не потрафить служивому, рассудил земляк и согласился. Дмитрий же перед уходом, играя ва-банк, не стал скрывать своих да-

леко идущих планов и прямо заявил сослуживцам, что дел у него на воле по горло и появится он в лучшем случае где-то через недельку. То ли шуткой посчитали сотоварищи слова новоявленного «сына лейтенанта Шмидта», то ли пустой бравადой, мол, мели, Емеля... факт тот, что должного понимания не проявили. И рядовой Ушаков благополучно и безбоязненно отбыл в свой краткосрочный отпуск.

И то правда, чего ему опасаться, коли сам бывший Президент бывшего Союза гарантировал ему амнистию на случай дезертирства. Порадовал он, право слово, всех ушаковых. Да и в целом, надо признать, подвел надежный юридический фундамент под прежде робкое опасение, что ныне общество к дезертирству как-то очень легко относится. Словно и не считает его позором.

Издавна мужчину, уклоняющегося от службы воинской, зачисляли в изгой. Общественное презрение было ему гарантировано. И уж, конечно же, трусость и обыкновение пасовать перед трудностями мужскими чертами не признавали. И при монархии, и при диктатуре пролетариата, и при раннем расцвете демократии. Теперь же, посовещавшись с людьми, знающими армию по «Полевой почте» «Юности», пришли к выводу — жестоко это, бесчеловечно: подумаешь, присягу нарушили, штыки в землю воткнули и айда по домам! И обрядили вседозволенность и анархию сначала в тогу гуманизации, а после в тришкин кафтан амнистии, отрезав изрядный кус от законности классической и пришив лоскут с пылу с жару свежеванного псевдодемократического права. Беда, что преступнику прощается за содеянное, но того хуже, что жертва остается незащищенной. Напонятно? А вы подумайте, кому еще в части простится уход солдата, кроме его самого, «свободолюбивого»? Все остальные командиры и начальники вкупе с интересами службы отдаются на заклятие. Не говоря уже о том, что дурной пример, по русскому присловию, заразителен.

А давно ли фраза «Тебя в армию не возьмут!» звучала грозно, как безжалостный, беспощадный приговор. Что изменилось с тех пор — общественное ли сознание притупилось, уровень ли ответственности снизился, но, главное, дожили: дезертирство теперь не только не осуждается обществом, но и, увы, пользуется его поддержкой и опекой. И чем обернется для рядового Ушакова его выходка? Ну, прочтет ему мораль командир (вероятно, уже лишенный тринадцатой зарплатой), ну, побранит старшина (разумеется, уже наказанный на всю катушку) — тем дело и кончится. Не страшась кары Фемиды и суда людского, дезертир лишь уверится в свей правоте, неуязвимости и бессилии отцов-начальников в частности и армейской системы в целом. Тем паче, что и законы сегодня одемократились до безобразия и осторожничают в формулировках: не сбе-

жал от трудностей, а оставил часть; не дезертировал, а уклонился от службы, — как, допустим, от пушенного в тебя снежка во время новогодней кутерьмы вокруг елки: пустяки.

Нет, я отнюдь не ратую за ужесточение законодательства, но об этом речь. Но, согласитесь, хоть какая-то расплата за проступок должна быть? И притом — нестартовая. Ибо всякое преступление без наказания неминуемо становится нормой, перерастает в обыденность, предшествует хаосу.

НЕДАВНО военный трибунал Новосибирского гарнизона рассмотрел уголовное дело по обвинению рядового Валерия Слипенского и... Впрочем, по порядку. Призывался Слипенский с Украины и год служил не столько верой, сколько неправдой. Но служил. Почти не отклоняясь от уставных норм. Почему почти? Да потому, что был у него один существенный прокол в самом начале, классифицированный как самовольное оставление части. И, если верить характеристике, с Валерия спросили тогда за проступок по всей строгости. Вот жалко только, в служебной карточке солдата и, как выяснилось позднее, в памяти и в душе никаких следов его «героического рейда» по окрестностям города не оставил. Может быть, поэтому, год спустя, в одно прекрасное утро опять перемахнул Валерий через забор и был таков. Цели?

РЯДОВОЙ В. СЛИПЕНСКИЙ: Сначала я отправился в магазин, купил булочки и сметану. Бродил по лесу и ел на ходу. Так и шатался вокруг части три(!) дня. Затем вышел к железной дороге и увидел медленно катившийся грузовой поезд. Сел в вагон и доехал до Челябинска. Зачем? Потому что решил вернуться на Украину. Я читал в газете, что в Киеве организован батальон для дезертиров, и хотел дослужить там, чтобы помочь матери...

Не пытайтесь, Бога ради, выстроить логическую цепочку действий бойца, основываясь на его показаниях, и разобраться, к примеру, каким образом и чем он собирался помогать матери, находясь в отборном дезертирском батальоне, или почему, движимый искренними сыновними чувствами, он три дня ел в лесу булки со сметаной?

РЯДОВОЙ В. СЛИПЕНСКИЙ: В Челябинске я вышел, подошел к ближнему дому, попросил воды. Дверь открыла подвыпившая женщина, тетя Маша. Я поинтересовался, есть ли в доме молодая девушка, и она познакомила меня со своей дочерью Светой. Я ей все рассказал без утайки и прожил у них около месяца, помогая по хозяйству...

Классическое исполнение солдатской присказки: «Бабушка, дай напиток, а то так есть хочется, что и переночевать негде». Даже с перебором, так как для полного комфорта Слипенскому потребовалась еще и девушка. Как тут не вспомнить лер-

монтовское «Гарун бежал быстрее лани»: тогда в сердце матери не нашлось места дезертиру, потому что честь — дорожке жизни. А сегодня все перевернулось с ног на голову, упростилась данельзя — подошел солдат к первому попавшемуся дому: так, мол, и так, я из армии сбежал, пустите, люди добрые, пожить и после казенных харчей здоровье поправить. И, словно по мановению волшебной палочки, все само собой и уладилось: и еда, и крыша над головой, и сердобольная женщина, которая на свою жалкую зарплату беглого солдата месяц содержала.

Бог с ней, с бузиной в огороде, а как же в Киеве... мать? И думать про нее забыл горячо любящий отпрыск. Зато через месяц вспомнил об отце-командире и отписал ему «жалостливое» письмо, где, вкратце обрисовав ситуацию, испросил, что делать и как быть дальше? Нетрудно предугадать, какую бы волю своим «отцовским» чувствам дал командир, если бы... Если бы не роковой случай. Так получилось, что «приемная мать» Валерия надумала в гости к друзьям съездить. И потому переправила своего постояльца на дачу к знакомым. На том его везение и кончилось: соседи по даче не поняли намерений невесты откуда взявшегося молодого человека, который на естественное любопытство по поводу его появления ответил неприкрытым хамством, и сообщили в милицию. Приехала спецмашина, беглеца повязали и уже через сутки сообщили в родную часть радостную весть: нашелся «путешественник», забирайте. Стоит ли говорить, что торжественных проводов с одной гауптвахты и помпезной встречи на другой решили не устраивать...

НИКТО НЕ сомневается, что суверенные республики правомочны создавать свои собственные армии. Но нельзя же, попирая все и вся, варварски сталкивать лбами законы юридические и нравственные, формируя батальоны из дезертиров, уже однажды нарушивших военную присягу. Будет ли боеспособной подобная новорожденная часть? И приведет ли этот путь к правовому государству? И обидно, и горько, и стыдно, когда ради собственной выгоды люди начинают жонглировать понятиями воистину высокими, святыми — патриотизм, мужество, свобода и демократия.

Но вернемся к нашей истории, которая, увы, не закончилась с благополучным прибытием рядового Слипенского на новосибирскую гауптвахту. Сокамерники Валерия подобрались ему под стать, все как один непоседы, беспокойные сердца, горячие головы. В какую из них первой пришла мысль о дерзком побеге — трудно сказать. Во всяком случае ее тут же поддержала вся компания: воздержавшихся не было. Возомнив себя графом Монте-Кристо и вооружившись примитивным газодом и навазчивой идеей, Слипенский

приступил к оконной решетке. Думается, те, кто оборудовал гауптвахту, вряд ли рассчитывали, что солдаты, присягнувшие на верность матушке Отчизне, на манер отпетых уголовников попытаются уйти от заслуженного наказания. Оттого, видимо, их предприятие удалось: беглецы выставили решетку и гуськом подались к лесу. Долго плутали по нему, пока, валясь с ног от усталости, не набрали на деревню, где и решили малость передохнуть и оглядеться. На их беду и к нашей гордости, войсковой розыск сработал четко, как часы: взяли Монте-Кристо «со товарищи», что называется, по горячим следам.

А ПОСЛЕ был суд. И вышел бы, вероятно, Слипенский сухим из воды, не помешай его реабилитации представленные вовремя материалы о его первой «ходке» за пределы части: помните, месяц в бегах на старте службы, тот самый месяц, следы которого в служебной карточке обнаружить не удалось? Тогда, соскучившись по няньке-Украине и больной маме, солдат оказался аж... в Фергане, где и сдался. Пришел с повинной, и уголовное дело прекратили. Подумали: осознал. Ан нет, теперь вот присудили три года дисциплинарного батальона.

Финал закономерный, хотя и печальный — негоже радоваться чужому несчастью. Но и горевать нам долго не пришлось — грянула амнистия.

Не берусь гадать, куда занесет дальше прощенного государством Слипенского его неугомонная натура. Может, снова ринется домой — через Байкал, Магадан, Кавказ? У древних, помнится, все дороги вели в Рим. Валерий, где бы его ни стреножили, уверяет, что пробирается на Украину: вероятно, у него серьезные проблемы в географии. А может, за ум возьмется? И как отнесутся к беглецу его сослуживцы, за которого им пришлось почти полгода нести служебную ношу? И еще: многие ли дезертиры явятся в военкоматы и воинские части за «заслуженным» прощением? Не знаю, не знаю, зато совершенно очевидно, что подобная «гуманизация» отноду не способствует эффективной борьбе с дезертирством как с позорным явлением.

Страшно, Господи, за Отечество, за поколение, идущее след, избавленное от гражданских, нравственных норм, лишенное социально значимых ориентиров. И ведь все это не от лукавого, а от нас, грешных. Запутавшись в безвременье, слипенские и ушаковы помаленьку свикаются с заповедью: живи для себя и во имя себя. Не догадываясь, видимо, что жестокий и равнодушный мир становится отобилия в нем равнодушных людей.

Законная власть простила дезертиров. Остается уповать на высший суд — суд совести.

Прапорщик Евгения БУТОРИНА.
Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ «У НИХ»

«...Уважаемая редакция! Мы прекрасно осведомлены о том, где, когда и каким образом в последние тревожные годы использовались части наших вооруженных сил для оказания помощи силам правопорядка в поддержании общественной безопасности. Знаем мы и о том, какой резонанс вызывает каждая подобная акция: угрозам и упрекам нет числа, очернительству и клевете — края. Средства массовой информации, захлебываясь от негодования «российским вандализмом», приводят нам в пример демократический Запад. Дескать, там бы такого не позволили. Однако я слышал, что и в «цитадели демократии и свободы» — США применение вооруженных сил для подавления беспорядков юридически закреплено. Было бы очень интересно узнать об этом подробнее.

Лейтенант Г. Степанчук».

ЗАСЛОН

СРАЗУ УТОЧНИМ: реверансы поклонников стихийной митинговой демократии в сторону цивилизованного заокеанья, где «человек с ружьем» якобы никогда и ни при каких обстоятельствах не выполняет полицейских функций, напрасны. И тот специалист, который с пеной у рта доказывает, что в Штатах армия абсолютно ни при чем, и одновременно сладострастно приговораждает к позорному столбу защитника нашего Отечества за участие в ликвидации массовых беспорядков, — или дилетант, или провокатор. Следуя Конституции и Своду законов США, власти каждого штата правомочны применять вооруженные силы для поддержания правопорядка, обеспечения законности и подавления гражданского неповиновения. Мало местных сил — президент мобилизует Национальную гвардию одного или нескольких штатов. Если из этого недостаточно — вызываются федеральные войска.

Более того, президент вправе использовать федеральную военную мощь для подавления мятежей, беспорядков, пресечения незаконных собраний и заговоров и тогда, когда штат противится или препятствует исполнению законов государства.

Вооруженные силы США проходят специальную подготовку, позволяющую им быть на высоте при участии в ликвидации гражданских беспорядков на любой территории. Эффективность обучения достигается соблюдением трех основных требований к нему — интенсивности, реалистичности и непрерывности. Считается, что и индивидуальная, и групповая подготовка одинаково важны для формирования персонала, способного выполнять неприятные и опасные обязанности дисциплинированно и объективно. И напротив, слабая обученность даже одного человека может неблагоприятно отразиться на функционировании подразделения.

Занятия проводятся в условиях, приближенных к конкретным жизненным ситуациям. Каждый командир самостоятельно составляет программу подготовки своего подразделения с учетом опыта военнотружущих и необходимости немедленного развертывания после получения приказа. Причем подготовка должна обеспечивать нечто большее, нежели простое проявление механических навыков в строю и вне его, и в основном направлена на развитие гибкости и высокого уровня зрительной ориентации. Некоторые термины и характеристики, согласитесь, необычны для нас, тем не менее именно так они трактуются уставами и наставлениями США.

Непреренно и тщательно изучаются оперативные приемы нейтрализации специфических угроз толпы, использования и ведения действий с применением индивидуального снаряжения в условиях города, сельской местности, а также в университетских и школьных городках. Поскольку при подавлении гражданских беспорядков персонал подразделения оснащается бронежилетами, защитными масками и личными щитками, на тренировках военнотружущие привыкают к ношению этого снаряжения в течение длительных периодов времени.

Чтобы быть всегда в курсе причин и подтекста тех или иных событий (оказывается, и это важно знать солдату для надежного обеспечения общественной безопасности!), инструкторы систематически знакомятся с подборками газетных сообщений, сведениями из других источников и отчетами по итогам предыдущих операций, а затем в обобщенной форме доводят полученную информацию до своих подчиненных. Полное владение обстановкой — гарантия психологической устойчивости, осознания целесообразности и важности своих действий.

К числу основных предметов, необходимых персоналу подразделений для успешного выполнения задач по пресечению

гражданских беспорядков, относятся следующие: политика и правовые моменты; стандарты поведения; использование минимальной силы; применение полицейских дубинок, специальных средств и снаряжения; методы поиска и захвата; задержание и содержание арестованных; нейтрализация специфических угроз; отношения с журналистами.

Как правило, при выполнении подразделением полевых тренировочных упражнений на занятиях присутствуют представители местных властей, выступая в роли наблюдателей или даже участников, дабы они имели полное представление о тактике и возможностях обучаемых групп впоследствии, принимая решение на их применение, и могли не по рапорту, а лично оценить уровень взаимодействия командной группы и рядового персонала, качество связи и техники, быстроту реагирования на изменения обстановки. Осведомленность властей позволяет свести на нет путаницу и неразбериху в ходе операции и, разумеется, улучшает их взаимопонимание с военным руководством. Комментарии, как говорится, излишни.

ЕСТЕСТВЕННО, что подготовка военнослужащих ведется с учетом так называемого фактора напряженности, чтобы научить их, во-первых, понимать психологию толпы и, во-вторых, контролировать свои собственные действия и эмоции. Бойцы детально разбирают типичные причины гражданских беспорядков и возможные их последствия, анализируют, каким образом психологические факторы влияют на их собственное поведение. Цель одна: во время операции не зависеть от сиюминутных порывов, а выполнять приказы решительно и четко, быть не только физически, но и морально подготовленным к оскорблениям, граду камней и бутылкам и к различного рода провокациям. Личные чувства не должны мешать выполнению важной государственной миссии. Самая эффективная мера против бунтовщиков — хладнокровие, невозмутимость и дисциплинированность бойцов.

Хорошо зарекомендовавшая себя методика ознакомления персонала с приемами противодействия толпе — учения, в ходе которых часть подразделения имитирует ярых демонстрантов, а часть — контингент контроля. Причем учения эти настолько же реалистичны, насколько и безопасны для их участников. Здесь же присутствуют специалисты по вопросам психического здоровья: они определяют, кому из военнослужащих необходима помощь в стрессострессовой подготовке, обучают приемам снижения стресса и усталости, выработывают конкретные рекомендации командирам для дальнейшей работы с подчиненными.

Большое внимание уделяется изучению персоналом своего оружия и специального снаряжения: полицейские дубинки, гранаты с газом и распылители веществ контроля беспорядков, гранатометы, дробовики, снайперские винтовки, устройства ночного ос-

вещения, пожарное оборудование, крюки для преодоления преград, материалы для строительства баррикад и блокирования дорог, бульдозеры, транспортные бронемашины и армейские авиасредства. Кроме того, бойцы должны уметь пользоваться фото- и кинокамерами, портативными ленточными видеомагнитофонами и многим другим, включая специальные заграждения и проволочные покрытия для автотранспортных средств.

Применение каждого вида оружия и спецсредств строго регламентировано. К примеру, в подразделении есть четкий план действий бойцов, ведающих работой распылителей веществ. Если подготовка к использованию распылителей до начала операции по контролю гражданских беспорядков не завершена, в состав подразделения вводятся квалифицированные специалисты других частей. В тех случаях, когда подобная возможность исключена, применение распылителей не допускается: дилетантам в боевых порядках места нет. Лучше вообще не пользоваться спецсредствами, чем вкладывать их в неумелые руки.

Опыт проведения операций по пресечению массовых беспорядков убедил в необходимости подготовки персонала к реагированию на специфические угрозы, такие, как поджоги, саботаж, снайперская стрельба. Потому-то командиры, планируя акции, формируют группы специального реагирования. Члены групп обучаются по особой программе, включающей в себя формирование способности к интенсивным действиям в условиях любой местности, оказание первой медицинской помощи и максимальное использование возможностей спецоборудования и снаряжения, например, мягкого бронезилета с вставками из керамики и стеклопластика, весьма надежного в статичных положениях. Обычно к операции привлекаются три-четыре группы спецреагирования (по пять человек в каждой) плюс одна — в резерве.

Подготовка таких групп проходит в два этапа. На первом специалисты-психологи идентифицируют индивидуальные слабости бойцов и выработывают рекомендации по устранению недостатков. Напряженностью и частотой тренировок достигаются быстрота реагирования на изменения обстановки, спаянность группы, ее высокий корпоративный дух. На втором — осваиваются наиболее совершенные приемы противодействия толпе, усиливаются и оттачиваются приобретенные навыки.

В составе каждого такого отряда обязательно есть так называемый отборный меткий стрелок, подготовка которого носит сугубо индивидуальный характер. Он тренируется всегда с одним и тем же оружием, чтобы добиться устойчивости результатов стрельбы, отлично ориентирован на распознавание целей и умеет быстро открывать огонь, оставаясь неуязвимым для ответных выстрелов.

О. НИКОЛАЕНКО.

(Продолжение следует)

“А МЫ НЕ ИСПОВЕДОВАЛИ ЗЛО...”

*Офицерская жизнь — не для трусов
с пустыми сердцами,
Для суровых мужчин —
тех, кто крепнет в огне...
(Из песни)*

— П РОЧЬ с дороги, неверные! Шакалы, кто вас сюда звал? Убирайтесь к себе домой, в Россию!

Разъяренная толпа мутной волной пенилась перед редкой цепочкой спецназовцев, осыпая их увесистыми булыжниками и отборной бранью. Но смести этот неожиданный заслон на своем пути к цели все же не решалась. А цель у толпы была зловещая, жаждой крови дурманящая головы: камня на камне не оставить от киргизского Аксая, безжалостно растерзать его обитателей. Что побудило к этой пещерной выходке, сказать трудно. Много лет жили душа в душу, сообща пахали скудную эту землю, растили хлеб и детей. Горе и радость — всегда поровну. А теперь вот пошли на соседей с топорами, кетменями и кольями, но встретили на пути плечистых парней в краповых беретах, в пятнистой военной форме. Солдаты, блокировав единственную дорогу в селение, грудью встали против слепой силы, дерзко поправ ее стремление к скорой расправе над киргизами. И хоть бойцов всего двенадцать, командир — тринадцатый, плотному тысячеголовному тарану жутко становится не столько от холодного мерцания автоматной стали, сколько от легко читаемой в солдатских глазах решимости стоять до последнего.

Командир — чуть впереди заслона. Прикрывшись щитом от летящих градом камней, в который раз подносит мегафон к спекшимся губам и хриплым от напряжения голосом взывает к разуму людей, потерявших от дикой злобы человеческое обличье:

— Ваши действия противоправны! Возвращайтесь в свои селения, подумайте о последствиях! Мы никого не будем трогать, расходитесь.

В ответ — многоголосый рев и новый град камней. Кожей спины полковник Мальцев ощущает, как от затылка вниз к пояснице разбегаются мурашки, когда агрессивное дыхание толпы становится особенно жарким. Несколько минут назад длинная, в полмагазина, автоматная очередь в воздух значительно остудил накал страстей, но толпу не разогнала. Так что ждать можно всего.

Нет, страшно не за себя. За двадцать два года во внутренних войсках, половина из них, в аккурат одиннадцать — в спецназе, он повидал немало. Точит тревога о другом. Почему в этой жизни все шиворот-навыворот, отчего за чужие грехи расплачиваться приходится им? Понятно, местным деятелям удобно отсиживаться за чужими спинами, мало заботясь об участи простых людей. Вот и сейчас: ни одной милицейской фуражки не видно поблизости, ни одного «слу-

ДУБЛЮЩИЖА

и народа». А что, разве не ведают они о драме, разыгравшейся на этой горной дороге? Конечно, знают! Ведь именно из «высокого» кабинета одоветил Мальцева истеричный звонок о готовящемся нападении, и он с теми, кто был под рукой, вскочил в вертолет, кинулся на тревожный зов.

Тринадцать против сотен. Конечно, ребята — истинный спецназ. Любой из его парней играючи «вырубят» пяток-другой таких, как вон тот детина, мечущий булыжники. Ишь, опять хватил по щиту — знает, в кого метит! Да, тут силой не возьмешь — только выдержкой и хладнокровием. Главное — не поддаваться искушению пустить в ход оружие...

Они не дрогнули. И схлынула измотанная противостоянием толпа, распалась на кучки людей, которые, потеряв чувство стадности, вскоре убралась восвояси. Спецназовцы же еще долго не покидали свой рубеж и, только убедившись, что новый штурм не грозит, позволили себе чуток расслабиться. С шуточками-приколами разглядывали друг на друге садины, «фонари», вмятины на щитах и касках. Выстреливали из пачек «беломорины» и «дымки», ломая занемевшими пальцами спички, подносили к ним огоньки.

И первая затяжка — командиру...

2

СИГНАЛ «Сбор» подобен выстрелу: даже если всегда ждешь его, невольно вздрогнешь. Не от страха, нет. От противостоительности самого явления. Пасмурным сентябрьским днем «выстрелило» на Урале. Где-то в поселке, которого и на карте-то нет, двое мерзавцев, вооруженных автоматами, захватили на улице детшек и, забаррикадировавшись в крепком рубленом пятиэтажке, выдвинули «джентльменский» набор требований: транспорт, деньги, наркотики, вылет за границу. Предупредили: не выполните — через три часа порешим первого мальчика, а потом, через каждый час, остальных троих. Для острастки постреливали из окон: мол, не дремлем, и не задумайте там мудрить. А может, собственный страх гнали прочь?

Как бы то ни было, времени на раздумья не оставалось. Через считанные минуты после поступления сигнала спецгруппа во главе с Мальцевым уже сидела в самолете. Двигатели были давно прогреты, «АН» пустился в разбег по зеркальной от дождя бетонке. Бойцы прильнули к иллюминаторам, пытались что-то высмотреть сквозь рваные серые облака. Он, капитан Мальцев, как в калейдоскопе, менял в воображении своем возможные вводные. Их за время полета решил десятки. И решать надо было с такой же калейдоскопической быстротой. Сотни вводных они решали и в каждодневных тренировках. Там просчитывали все до секунды, сантиметра, до вдоха. А как-то будет в реальности?..

Урал встретил удивительным бабьим летом и тревожными лицами сотрудников милиции. Почти на ходу запрыгнули они в желто-синий «рафик», и он отчаянно равнял, разбрасывая по сторонам синие отсветы мигалки. Оперуполномоченный, рискуя на каждом ухабе прикусить язык, вкратце обрисовал обстановку. Выяснилось: детей захватили преступники, из которых один — ранце судим. У бандитов много патронов.

— Так что дельце вам выпало аховое, — подытожил милиционер и тихо ойкнул, все-таки прикусив язык на очередной колдобине.

Мальцев про себя уже решил: преступников надо брать либо тихо-мирно, усыпив бдительность, либо уничтожить, надежно заслонив детей. «Хрен редки не слаще», — ругнулся мысленно, но предпочтение все же отдал первому варианту. И не потому, что перестраховывался. В своих парнях был уверен, как в себе. Но дети... Не будь там четверых пацанов, устроили бы этим сволочам «переговоры» — без шансов бы выскочили. А так... Большим горем может обернуться малейшая промашка спецназовцев.

«Рафик», взвизгнув тормозами, встал как вкопанный дома за три до нужного. Едва спецназовцы выскользнули из машины, вдоль улицы хлестнул выстрел. Стреляли не по ним, они уже были настороже и прикрывались за стеной сарая. Бандиты палили для острастки. Время ультиматума таяло, и никто не знал, что выкинут преступники за его чертой. Поэтому Мальцев лишь мельком взглянул на жавшихся к стенам милиционеров оцепления и мотнул головой, молча приказывая своим парням: «Вперед, по расчету!» Они ужасно скользнули в обход дома, никем не замеченные, заблокировали окна, по два ствола на каждое.

Сам капитан, закинув свой автомат за спину, но так, чтобы был под рукой, шагнул из-за укрытия, по-хозяйски встал посреди двора, скомандовал тоном, не терпящим возражения:

— Не смей стрелять! — и далее напористо и беспрекословно: — Я — командир группы спецназа капитан Мальцев! Дом окружен моими парнями! Предлагаю сдать-ся! В случае неповиновения — мгновенная смерть!

Риск? Конечно, был. Но трижды помноженный на холодный расчет. Зная уже, пусть шапочно, личности преступников, Мальцев интуитивно чувствовал, что делает единственно правильный первый ход в этой партии. Нервы юнцов, не поднаторевших еще в уголовном ремесле, обязательно должны сдать при виде готового на все, ни дать ни взять сошедшего с экрана то ли «джи-ай», то ли командос. Такого поворота они, конечно, не предвидели и должны были хоть несколько секунд что-то соображать. Но даже если бы и отожались пальнуть в него, тут же бы схлопотали по несколько пуль на брата, ибо спец-

назовцы уже зорко ловили каждое шевеление за окнами. Упаси теперь Бог попасться к ним на мушку! Другие накрыли бы пацанов своими телами, закованными в бронжилеты. Сам он тоже был готов к действию в доли секунды, чай, не за «живца» беспомощного работает...

Расчет был верным. Ровно через две с половиной минуты — бег секунд ловил обнаженными нервами — дверь с треском распахнулась, и из черного зева ее один за другим вылетели автоматы. Следом, подняв руки, на свет божий вышли их бывшие обладатели. А за их спинами стайкой жались до смерти перепуганные, но невинные пацаны...

На преступников надели наручники милиционеры, мальчишек расхватили невесть откуда взявшиеся родители. И только спецназовцы вдруг оказались вне общей суеты. Они собрались под золотой сенью старой березы. Мальцев на лету поймал планирующий желтый лист, прилепил его к пулевой ране на шершавом стволе. Оглядел своих бойцов, с едва заметной грустинкой улыбнулся и сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

— Вот это и есть высший пилотаж спецназа, ребятаки...

3

ПОЧЕМУ тот выбор пал именно на капитана Владимира Мальцева, он и сам до сих пор гадает. Среди однокашников, служивших в прославленной дивизии имени Ф. Дзержинского, ничем особенным он не выделялся, здесь все ротные как на подбор. Правда, спортом всегда занимался истово. Сколько себя помнит, всегда во что-то играл, бегал, прыгал. Уже в школе имел первый разряд по баскетболу. Хотел поступать в Омский инфизкульт. Но вышла неувязочка: там закрыли кафедру игровых видов спорта. Вернувшись домой, стал работать инструктором физвоспитания на автобазе, где удачно сочетал приятное с полезным: шоферы были народ сплошь молодой, заводной, все стали заядлыми баскетболистами. Мальцев сбил крепкую команду, которая не только на областном уровне прилично смотрелась, но и на региональных соревнованиях призы брала. Мальцев стал кандидатом в мастера спорта, ребята его — разрядниками. «В отместку» баскетболисты сделали из своего спортивного наставника заправского шофера.

В общем, жизнь молодая складывалась вполне нормально. Но случилась вдруг большая беда — умер отец. Вроде бы крепкий был мужик, закаленный невзгодами, но вот, в одночасье, не стало. Еще в двадцатые призвали его в войска ГПУ, которые стали его судьбой. Прошел он, не запянав чекистское звание, и через горнило сталинского террора, и на Великой Отечественной достойно отвоевал. Владимир отцом гордился. И только после смерти его

понял, что вовремя не сумел прочесть заветную отцовскую думку. В выборе профессии отец его не неволил, но вроде бы невзначай как-то промолвил: «А все ж, сынок, для мужчины военная служба — самое достойное занятие».

И вспомнил теперь об этом Владимир, и собрался поступать в Саратовское военное, войск МВД.

— Благослови тебя Бог, — только и сказала мать, подняв на сына еще не выплаканные по отцу глаза.

Так и начался его путь во внутренних войсках. Учился курсант Мальцев с желанием. Кроме любимого баскетбола увлекся офицерским многоборьем и рукопашным боем. Тогда не знали еще модных нынче восточных единоборств, но рукопашники в училище были сильные. Курсанты понимали, что для них это не забава, не качание мускулов, а самое что ни на есть мощное оружие. Убедился в этом и Владимир, убедился на практике.

Спешил как-то из увольнения, сокращал путь темными проходными дворами, и вдруг:

— Куда прешь, начальник? Не видишь — мы гуляем!

Троица подгулявших мордovorотов была настроена отнюдь не мирно, двое держали руки в карманах, третий в открытую поигрывал кастетом. Владимир наслышан был об отношении бывших зеков к краповому цветку. В первый миг внутри что-то противно дрогнуло, но он тут же собрался. Ситуацию оценил четко и, выгадав для себя еще паузу, произнес вполне миролюбиво, но жестко:

— Парни, по-моему, вы не правы. Давайте разоидемся по-хорошему.

— Это мы не правы? Ну ты оборзел, начальник!

Утяжеленный свинцом кулак взметнулся к его лицу, но лишь обжег левое ухо. Мальцев резко ушел вправо и без всякого замаха ткнул нападавшего под дых, а правой рукой прихлопнул ему начавшую отвисать челюсть. Пока барыга пикировал на одного из напарников, Мальцев ногой в пах (сурово, а что поделаешь) достал третьего. Хотел было завершить сокрушительную серию, но двое уже лежали, а третий улепетывал. Единственное, о чем позже пожалел Владимир, так это о том, что никого из троицы не отвел в милицию — времени не было, из увольнения мог опоздать...

Страсть к спорту он пронес через все свои офицерские годы. И никогда спорт не был для него лишь забавой — все тренировки помогали его главному делу — службе.

Подтянутая, ладная фигура Мальцева приглянулась генералу, который сделал окончательный выбор:

— Назначаетесь командиром роты специального назначения. Пока еще не существующей.

За границей подобные формирования носят звучные названия — «Медведь», «Кобра», «Дельта». А во внутренних войсках появилась «рота Мальцева».

В спецназ Мальцев вернулся, когда запылали пожары межнациональной вражды. За плечами у него уже были и академия, и командование специальной моторизованной частью милиции, и его поставили во главе бригады оперативного назначения, которую надо было формировать, сколачивать, «приводить к нормальному бою».

Лишь только принял дела, осмотрелся, спланировал с замами, как выковать крепкую часть, — полыхнули зловещие костры в Сумгаите, Фергане, Баку, Карабахе, Душанбе...

Были и нашумевшие события в Тбилиси. Правда, в ту роковую апрельскую ночь его спецназовцев на проспекте Руствели не было, они находились у Грузтелерадио. Но хулы на их головы выпало немало. Как-то услышал он в солдатской казарме гитарные переборы. «А мы не исповедовали зло, хотя порою зло мы наступали...» — пели солдаты. Командир невесело подумал: «Эх, ребята, сколько ж вам досталось хлебнуть этой перестроечной войны».

Не успели прийти в себя после Тбилиси — грянула Фергана.

Миссия их была исключительно трудной: пресечь бесчинства, предотвратить убийства, погромы, насилие над турками-месхетинцами. Ежеминутно рискуя жизнями, с тонкими пластиковыми щитами и собственным мужеством шли спецназовцы на ножи и пики, на обрезы и ружья. А еще, давя в горле стоны и проклятия, солдаты извлекали трупы из-под тлеющих бревен, вылавливали их из арыков, оказывали помощь раненым туркам. Да, таков их удел — сбегать от беды других, не рассчитывая на особую благодарность.

«Прошла минута или час,
Какая разница для нас,
Когда окончен разговор
И тащишь в бронетранспортер,
Перехвативши за приклад,
В тебя стрелявший автомат».

Не только офицеров и прапорщиков, членов их семей знает Мальцев, едва ли не всех солдат и сержантов. Все фамилии, конечно, трудно упомнить, а вот так — глаза в глаза. Этот отличился в заслоне под Кокандом, этот — в карабахской операции.

— Владимир Александрович, можно вас на минутку? — останавливает Мальцева молодой женский голос.

Он поворачивается и в миловидной молодой мамаше с резвым малышом в коляске узнает жену капитана Николая Наумкина. Смущаясь, женщина протягивает полковнику три пышные, белые гвоздики:

— За мужа вам спасибо, Владимир Александрович, за доброту зашу. — И, окончательно ступевавшись, покатила коляску по аллее.

Мальцев растерянно смотрит ей вслед и

вспоминает, за что ему вдруг такая честь? Ах, да — в Карабахе был случай, которому он и значения особого не придавал...

Не понравилось ему тогда лицо новоиспеченного комбата капитана Наумкина, когда тот докладывал о своем прибытии в район чрезвычайного положения. Комбриг поинтересовался причиной дурного настроения подчиненного. Тот отговорился, дескать, устал с дороги. И завертелся в куче дел. Но через день-другой, из десятых, как говорится, уст узнал Мальцев истинную причину плохого настроения Наумкина. Оказывается, его жена должна вот-вот родить, состояние будущей мамы не совсем хорошее, а тут еще мужа «закинули» в Карабах неизвестно на сколько.

Мальцев вызвал комбата, отчитал и первым же самолетом отправил домой. Конечно, нужен был ему этот офицер здесь, в Карабахе. Но еще нужнее, решил по-житейски Мальцев, он сейчас там, дома, где одно лишь присутствие его поднимет жизненный тонус будущей мамы.

И вот теперь — цветы. Чудеса да и только. Как командир, ответственный за сотни людей, их жизни, он лишь исполнил человеческий долг. Он-то прекрасно знал, как тяжело нести свой крест женам спецназовцев — в постоянной тревоге за своих рыцарей, зачастую в унижительном безденежье, в чужих неуютных глазах. Высокое начальство все подгоняет его, Мальцева, со строительством жилого дома для офицеров и прапорщиков. А что может сделать он, командир, с частью месяцами воюющей в горячих точках, для продвижения долга? Всеми правдами и неправдами выбивает квартиры у местных властей. Радостные офицеры приглашают «батю» на новоселья. А ему, как обычно, некогда — опять командировка...

Последние месяцы в Карабахе высушили его так, что стал похож на обугленную щепку. Сутками без сна, без нормального питания. Не потому, что часть без харчей (хотя и такое случилось), а потому, что кусок в горло не идет, когда знаешь — подчиненные проводят непростую операцию, и как она пройдет, одному Богу известно.

Его часто спрашивают — почему выбрал спецназ. Полковник Мальцев, успевший уже передать командование частью своему бывшему энша полковнику В. Васильеву, отвечает:

— Спецназ — это вершина гражданского и нравственного становления, это совершенство духа и тела. Здесь каждый — точно на ладони. Если ты слабак, если помыслы твои мелки, а глаза завистливы — проходи мимо. Ну а если ты «котаважен и душою непродаетен», братство настоящих мужчин найдешь у нас.

Майор В. ЯСТРЕБА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Полковник В. Мальцев назначен на новую должность в Главное управление командующего внутренними войсками МВД Российской Федерации.

Нападение лже-Суворова на РОССИЮ

ДЛЯ ТОГО чтобы написать антирусскую книгу, прикрывшись именем великого русского полководца, нужно обладать изрядным запасом цинизма. Мне трудно себе представить немца, который выпустил бы антинемецкий памфлет под псевдонимом «Клаузевиц» или «Мольтке». Но единожды продавшему свою Родину ничего не стоит перепродать ее и во второй, и в третий раз, если такая возможность представится. История довольно обычная: лет десять назад объявился на Западе беглый сотрудник ГРУ (Главное разведуправление Вооруженных Сил СССР). Какое-то время он жил за счет торговли секретами, а потом секреты иссякли.

Начались лихорадочные поиски: чем бы снова привлечь к себе благосклонное внимание Запада, пресыщенного знаменитостями, которые сменяются на горизонте с калейдоскопической быстротой? И в голову беглецу пришла гениальная мысль: почему бы не обосновать теоретически тот официальный предлог, который был использован Германией в 1941 году для нападения на Советский Союз? Особенно пикантно будет, если с таким обоснованием выступит русский, да еще бывший сотрудник ГРУ. Сделай это немец, его сразу же обвинят в том, что он неонацист и повторяет зады версии о превентивной войне в полном соответствии с тем, что утверждала гитлеровская пропаганда в 1941 году, а русско-го, глядишь, за объективного исследователя сочтут, да еще за военного специалиста, потому как он в ГРУ работал.

Замысел удался на славу. Книга так называемого Виктора Суворова под интригующим названием «Ледокол. Гитлер в расчетах Сталина» (Штутгарт, 1989) была сразу же переведена на немецкий язык и пришла очень по вкусу тем кругам в Германии, которые выступают за пересмотр границ и возвращение Германии восточных земель, утраченных ею в результате второй мировой войны. Если Гитлер всего лишь нанес превентивный удар по Советскому Союзу «в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы», как заявил посол Шуленбург Молотову утром 22 июня 1941 года (В. Суворов утверждает теперь, что так оно и было), то ответственность за войну автоматически перекладывается на другую сторону,

Германия не виновата, и послевоенные репрессии против нее несправедливы. Не случайно в немецкой правой прессе писали в прошлом году о годовщине нападения Германии на Советский Союз, беря слово «нападение» в кавычки. Да, хорошо услужил лже-Суворов германским рваншистам, можно было бы сказать, постарался на совесть, если бы таковая у него наличествовала.

«Собрание «Независимой газеты» (1991, № 6) начало публикацию отрывков из книги В. Суворова с комментариями, перепечатанными из парижской газеты «Русская мысль», и своими собственными. В этих комментариях говорится, в частности: «Никто пока не поднял перчатку, брошенную Суворовым». Конечно, не всякую грязную вещь, валяющуюся на земле, следует поднимать, но лжеисторию лже-Суворова нельзя оставлять без ответа.

Не думаю, однако, что для опровержения книги Суворова нужно написать «талмуд» такой же толщины. Не будучи официальным историком, как выражается «Независимая газета», я не имею доступа к архивам и даже к обычным научным библиотекам, но не оставляю надежды вернуться к этой теме для ее более обстоятельного изложения. Пока же хочу лишь вбить несколько столбиков как временный вариант осинового кольев в могилу концепции Суворова, которого я впредь буду обозначать только инициалами В. С., чтобы не упоминать всуе лишний раз имя великого русского полководца в таком паскудном соседстве.

Концепция эта построена на очень шатком основании, потрескивание которого может услышать даже не очень чуткое ухо. В. С. ломится, по сути дела, в открытую дверь, доказывая наступательный характер советской военной доктрины накануне 1941 года. Никто не отрицает, что она была именно такой, это общеизвестно. Но установка на наступательную войну вовсе не равнозначна установке на нанесение превентивного удара. В. С. же, самым подробнейшим образом обосновывая первое, полагает, будто в результате доказал второе, и это его главная логическая ошибка, обесценивающая всю работу в целом.

«Война будет вестись на территории противника, и победа должна быть достигнута малой кровью». Эта мысль усилена

но вдалбливалась в умы советских граждан накануне войны и лежала в основе всех подготовительных мероприятий в чаянии грядущей войны. Может быть, с военной точки зрения, эта доктрина была не очень умной, но преступной ее назвать нельзя, как бы ни хотелось этого автору «Ледокола».

Разработанные Генеральным штабом «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.», — пишет Д. Волкогонов, — не уделяли должного внимания оборонительным операциям как таковым. Их положения и параметры не были определены. Фактически исключалась возможность прорыва крупных сил противника на большую глубину. Когда на одной стратегической игре накануне войны «проиграли» такой вариант, Сталин ядовито заметил: «Зачем культивировать отступательные настроения? Вы что, планируете отступление?»

Теоретическая инерция, — утверждает Волкогонов, — оказалась настолько сильной, что сохранялась и в первые дни войны, когда теоретики еще не знали, что все их построения опрокинуты практикой. Генштаб полагал, что «оборона может быть лишь кратковременной: войска готовились наступать. Отразить нападение и наступать»... В этом направлении ориентировала их и Директива № 3 Главного военного совета, которая предусматривала переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника, и овладение районами Сувалки и Люблин. Г. К. Жуков считал эту директиву ошибочной, исходя из конкретной обстановки, сложившейся в первые дни войны на Западном фронте, но нельзя сказать, что вариант немедленного перехода в контрнаступление невозможен в принципе. Пример боевых действий на Дунае, приводимый тем же В. С., доказывает противоположное: 25—26 июня 1941 года советские войска высадились на румынском берегу Дуная, заняли г. Килия и создали на румынской территории плацдарм протяженностью 70 км.

Так что В. С. может без конца задавать свои «коварные» вопросы и посвящать каждому из них по целой главе: зачем нужен был танк БТ, который мог применяться только в наступательной войне и притом на хороших дорогах, имеющих только в Европе? Зачем были созданы десять воздушно-десантных корпусов? Какова была цель создания горнострелковых дивизий и Дунайской военной флотилии? и т. д. и т. п. Ни один из этих вопросов не приближает В. С. к вождьенному доказательству агрессивных намерений Советского Союза, а служит только лишней иллюстрацией к концепции контрудара в случае агрессии.

В. С. не хочет вспоминать о Судетском кризисе 1938 года, когда СССР призывал к быстрой готовности более 70 дивизий и

ждал только согласия чехословацкого правительства на оказание последней помощи в защите от германской агрессии. Вот когда пригодились бы и воздушно-десантные корпуса, и горнострелковые дивизии, и танки, приспособленные к европейским дорогам, но разве это была бы агрессия?

А ведь Сталин мог без особых усилий выиграть войну, не дожидаясь этих трагических событий. Не верите? Но это утверждение делает сам В. С. По его словам, «Сталин за время своей карьеры сделал лишь немного ошибок. Одной из них — правда, решающей — была оккупация Бессарабии в 1940 году. Сталину нужно было либо оккупировать Бессарабию и сразу же продвинуть войска до Плоешти, что вызвало бы крах Германии, либо дожидаться высадки Гитлера в Великобритании и после этого оккупировать Бессарабию и всю Румынию». Свою собственную извращенность В. С. приписывает Сталину. Да, конечно, наши войска легко могли бы занять в 1940 году всю Румынию, поскольку боевые (точнее, беговые) качества румынской армии хорошо известны, а немецких войск там еще не было, они начали прибывать в Румынию лишь в октябре 1940 года, причем из МИД Германии сразу же поступило опровержение: «В Румынию посланы лишь германские офицеры-инструкторы для румынской армии и образцовые германские части, имеющие учебные цели». В феврале же 1941 года в Румынии в боевой готовности уже находилось 680 000 германских войск. Так что летом 1940 года Сталин вполне мог перекрыть Гитлеру кислород, точнее нефть, и вынудить последнего к капитуляции. Ошибся ли Сталин в данном случае? Да, если он действительно вынашивал те замыслы, которые приписывает ему В. С. Но, я думаю, будь у Сталина в самом деле подобные замыслы, он не совершил бы этой ошибки.

Мысли о целесообразности предупредительного удара по изготовившемуся к броску противнику у наших высших военных руководителей действительно возникли, но уже перед самым началом войны. Об этом свидетельствует записка Жукова Сталину от 15 мая 1941 года, в которой он предлагал: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Жуков в то время занимал пост начальника Генерального штаба и не мог не

знать, что готовится с нашей стороны, а что нет. Если он только 15 мая предложил нанести превентивный удар, значит, до этого времени подобного плана не существовало, и все построения В. С. рушатся. Судя по всему, план Жукова Сталиным принят не был, в противном случае последний иначе вел бы себя в первые дни войны.

Считая, что кашу маслом не испортишь, В. С. решил подкрепить свою трактовку событий 1939—1941 гг. экскурсами в историю, но масло, которое он употребляет при этом, более подходит для смазки деталей машин, чем для пищевых продуктов. Например, он утверждает, будто «по своей цели и своему духу Брестский «мир» был прообразом пакта Молотова-Риббентропа. Намерения Ленина в 1918 году и Сталина в 1939 году были одними и теми же», а декларацию об образовании СССР называет «открытым объявлением войны всему остальному миру» и сравнивает ее с... «Майн кампф». В отличие от В. С., даже руководители нацистской Германии понимали, что к концу 30-х годов во внешней и внутренней политике Советского Союза произошли коренные изменения, о чем свидетельствует секретный меморандум министерства иностранных дел Германии от 27 июля 1939 года: «Коминтерн уже заменен Политбюро, которое следует теперь совершенно другой политике, чем та, которая проводилась, когда доминировал Коминтерн. Слияние большевизма с национальной историей России, великих русских людей и подвигам (празднование годовщины битвы, Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского) изменило интернациональный характер большевизма». В этом же документе одновременно отмечалось, что, «несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом».

Таким образом, союз 1939 года возник не на пустом месте, для этого были объективные причины. Почему он оказался неустойчивым и распался — другой вопрос. В. С. сводит все дело к тому, что Сталин пытался использовать Гитлера в качестве «ледокола», прокладывающего путь советской агрессии на Европейском континенте, а Гитлер не захотел мириться с этой ролью. В действительности все обстояло гораздо сложнее, стремление к сотрудничеству с обеих сторон переплеталось со взаимными подозрениями, и в конце концов подозрения с немецкой стороны взяли верх. Поворотным пунктом стали переговоры Молотова в Берлине в ноябре 1940 года.

Записи, сделанные во время этих переговоров, производят тягостное впечатление. Это были не переговоры, а соревнования

по армрестлингу. На весах лежала судьба мира и войны, но война по сути уже шла в виде еще более или менее вежливой словесной пикировки, которая через семь месяцев переросла в вой пикирующих бомбардировщиков. Запев был вроде бы оптимистическим. Гитлер заявил: «Во всех случаях два великих народа Европы добьются большего, если они будут держаться вместе, чем если они будут действовать друг против друга». «Чем больше Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира, тем большими будут их успехи в будущем, и те же успехи будут меньшими, если две страны встанут друг против друга. (В первом случае) впервые на земле не будет силы, которая сможет противостоять (этим) двум странам». Как сказал бы Некрасов: хорошо поет собака, убедительно поет! И Молотов не случайно согласился с обоими этими заявлениями. Но ясное небо быстро стало затягиваться грозовыми тучами. Гитлер обвинил Советский Союз в нарушении соглашений, посетовал, что обмен Люблинского воеводства на Литву не был эквивалентным, и выразил удивление по поводу неожиданных притязаний СССР на Буковину. Молотов же потребовал и южную Буковину, чем только подлил масла в огонь. Гитлер раздраженно ответил в том смысле, что, мол, хватит с вас и северной.

Особенно много споров было по поводу Финляндии. Молотов настаивал, что Финляндия входит в сферу влияния СССР и германских войск там быть не должно. Гитлер отвечал, что эти войска только перебрасываются через Финляндию в Норвегию, и выразил опасения по поводу новой советско-финской войны. Молотов холодно возразил, что не понимает этих опасений. Кроме того, Молотов напомнил, что Советский Союз выразил свое недовольство Румынии в связи с тем, что последняя приняла гарантии Германии и Италии без консультации с ним, поэтому складывается впечатление, что эти гарантии направлены против интересов СССР. Словом, никто не хотел уступать. На смену гибкости, проявленной в 1939 году, пришла совершенно недипломатичная жесткость.

Соответствовала ли эта неуступчивость с нашей стороны суворовской теории «ледокола»? Как раз нет, ибо, возбуждая у Гитлера опасения за восточные границы, вряд ли можно было надеяться стимулировать его вторжение в Англию. Но если намечались лишь ограниченные цели, такая тяжеловесная политика им как раз соответствовала. И она сама была ограниченной, поскольку не учитывала, сколь трагичны могут быть ее последствия и какие широчайшие возможности открывались бы при иной политической линии.

Анатолий
ИВАНОВ-СКУРАТОВ,
публицист.

ДА, БЫЛА «Молодая гвардия»...

Однажды в американском журнале «Кольерс» промелькнуло вот такое заявление: «Надо добиться, чтоб в грядущей войне не было «Молодой гвардии», не было Космодемьянской и Матросова».

Способ для этого есть: надо принизить подвиг мальчишек и девчонск, родившихся и выросших именно при Советской власти, лишить их ореола национальных героев великого Отечества. Прием простой — кто был героем при Советской власти, ныне «оказывается» предателем; и наоборот, предатель теперь «открывается» как герой. И ладно бы занимались этим только иностранцы, но ведь и доморожденные газеты усердно выполняют поставленную «Кольерсом» задачу.

Вновь разгорелись страсти вокруг краснодонского молодежного подполья.

Так, кировоградская газета «Молодой коммунар» упрямо не называет комиссаром «Молодой гвардии» Олега Кошевого. Ленинградская молодежная газета «Смена» трижды упорно называла комиссаром «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича. Эту ложь дважды бездоказательно повторила и газета «Молодогвардеец», тогда еще орган Луганского обкома ЛКСМУ.

Из публикаций «нашей» свободной от необходимости опираться на факты прессы «выясняется», что Олег Кошевой не погиб, а остался живым, купив себе жизнь ценой... предательства.

Вот такую доведенную до абсурда ложь от имени давно покойной матери Сергея Тюленина поднесла читателям газета «Куранты», а затем «подтвердила» статью М. Воиной «Кого оплакивала мать Кошевого?» рассказом ныне здравствующей племянницы Сергея Тюленина Лилии Тюлениной: она, мол, слышала от бабушки... Надежнейший источник! Не лучше ли спросить о том, что и как было, у бывшей связанной штаба «Молодой гвардии» Валерии Борц?

Так я и сделал...

— Валерия Давыдовна, что вы можете сказать об Олеге Кошевом!

— Он был нашим комиссаром.

— Есть ли тому доказательства!

— Конечно. Иван Туркенич, командир «Молодой гвардии» 4 марта 1943 года писал: «...В отношении Олега скажу, что это инициативный парень... Он был у нас назначен комиссаром».

Нина Иванцова 4 июля 1943 года утверждала: «...Кошевой Олег — комиссар».

И Ольга Иванцова (ныне жива, — А. Г.) в 1943 году не сомневалась: «...Кошевой — комиссар».

Василий Левашов (ныне живой, — А. Г.) в газете «Ленинское знамя» от 26 октября 1948 г. писал: «...Бдителен и предусмотрителен не по летам был наш боевой комиссар Олег Кошевой».

И Радий Юркин, и Михаил Шищенко вспоминали в печати неоднократно Кошевого как комиссара «Молодой гвардии». И только его.

В свою очередь и я категорически утверждаю, что комиссаром «Молодой гвардии» был именно Олег Кошевой. И не просто утверждаю. В архиве ЦК ВЛКСМ хранится мой комсомольский билет, подписанный и выданный мне в наиболее тяжелое

для подполья время лично Олегом Кошевым. В свое время эксперты подтвердили подлинность подписи.

Каждый факт можно оценивать по-разному, но сам факт изменить невозможно. Поэтому пора прекратить «дискуссию» о комиссарстве «Молодой гвардии» в угоду чьим-то далеко идущим интересам! Дошло уже до того, что газета «Молодогвардеец» взяла и опубликовала письмо, автор которого требует прекратить изучение в школах романа А. Фадеева «Молодая гвардия».

Я уверена, нельзя забывать то хорошее, что сделал многомиллионный комсомол. Молодогвардейцы были прежде всего его воспитанниками. Они жили и действовали, как могли в тех условиях, не для личных благ, а в интересах Родины.

А что происходит сейчас? Цинизм разъедает общество, а прежде всего страдает молодежь.

Уже традиция появилась — «ревизовать» мертвых. Не для того ли, чтобы забыли, не успели спросить с ныне здравствующих, что они-то сделали для Отечества!

— Валерия Давыдовна, когда началась фальсификация истории «Молодой гвардии»!

— Во второй половине 50-х годов. В 1958 году тогдашний директор Краснодарского музея «Молодой гвардии» А. М. Литвин совершенно бездоказательно назвал Виктора Третьякевича комиссаром «Молодой гвардии». В 1961 году в «Истории Великой Отечественной войны» В. Третьякевич назван комиссаром уже официально. В том же году вышла книга К. Костенко «Это было в Краснодаре», комиссаром «Молодой гвардии» назван опять-таки Виктор Третьякевич. Наконец, 9 мая 1965 года на его родине в селе Ясенки Курской области на средства местного колхоза был открыт памятник с надписью: «Виктор Третьякевич (1924—43 гг.), комиссар Краснодарского комсомольского подполья «Молодая гвардия». Что интересно, надпись на памятнике была сделана без обязательного в таких случаях, тем более в то время, согласования с соответствующей организацией. Только после моего письма к Ю. В. Андропову и годичной проверки в феврале 1983 года на памятнике вместо «комиссар» написали «член штаба».

— Существует версия, что Виктор Третьякевич был предателем. Так ли это!

— 1 января 1943 года были арестованы Женя Мошков и Виктор Третьякевич. Не каждый мог выдержать страшные пытки. Не знаю, выдержала ли бы их я. Женя никого не выдал, он погиб. Что Виктор выдавал, знаю от мамы. При ней его пытали; потом ее отпустили домой, надеясь использовать как приманку, но я в ту ночь домой не пошла, зашла к соседям. Знаю от ныне здравствующего Шевченко (он сидел в одной камере с молодогвардейцами. — А. Г.). Об этом же свидетельствуют протоколы допросов Кулешова, Подтынного, Лядской. Кроме того, в музее «Молодая гвардия» хранятся две карточки — убийства В. Третьякевича из Ворошиловграда и прибытия его в Краснодар, заполненные в полиции. Третьякевич прибыл в Краснодар 7 октября 1942 г., когда «Молодая гвардия» уже действовала. В этой же карточке написано, что он комсомолец. Кто же в то время в полиции добровольно представлялся комсомольцем?

Мне искренне жаль семью Виктора Третьякевича: родителей, братьев. Но истина дороже, и я не могу его в своей душе реабилитировать, так как из-за него погибли мои друзья. Героизировать же Третьякевича, глубоко убеждена, — безнравственно, да и нет на то оснований!

— Валерия Давыдова, скажите, а высокие партийные и комсомольские органы, когда они у нас были, занимались этими вопросами?

— В августе 1965 года, когда были еще живы большинство уцелевших после войны молодогвардейцев, была создана специальная комиссия Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, чтобы завершить спор о том, кто же был комиссаром «Молодой гвардии».

— И что?

— Дело так и не сдвинулось с места. Двадцать с лишним лет спустя, в 1988 го-

ду, по инициативе первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Мироненко мы, тогда еще четверо живых членов «Молодой гвардии», собрались за одним столом в присутствии секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Пальцева и заведующего Центральным архивом (ЦА) ВЛКСМ В. Хорунжего, посмотрели в глаза друг другу, поговорили. Но, увы, не было ни стенографистки, ни магнитофона...

— Случайно ли?

— Не знаю.

— А еще кто-нибудь хотя бы пробовал прояснить, погиб или остался жить Олег Кошевой?

— В 1987 году снимался художественно-публицистический фильм «По следам фильма «Молодая гвардия» (режиссеры Р. и Ю. Григорьевы. — А. Г.). В нем есть такой документальный эпизод — Ольга Иванцова показывает: «...Вот это место. Тут были расстреляны наши товарищи. С Еленой Николаевной Кошевой и моей сестрой Ниной Иванцовой... утром мы нашли Олега. Ну, опознать было легко, зима же».

Этот фильм до сих пор почему-то не вышел на экраны. Это опять же не может не наводить на мысль, что кому-то не выгодно правда о молодогвардейцах.

В соответствующих архивах есть протокол допроса нацистского преступника Шульца Якоба от 11—12 ноября 1947 года о расстреле Олега Кошевого. Ему показывали фотографию Олега, и он его опознал.

— А как возникли слухи о том, что якобы постаревший Олег Кошевой посетил могилу своей матери?

— В 1987 году во время съемок фильма «По следам фильма «Молодая гвардия» артист В. Иванов, сыгравший в том, памятном советскому зрителю, герасимовском фильме «Молодая гвардия» (1948 г., две серии. — А. Г.) роль Олега Кошевого, пришел на могилу мамы Олега и возложил цветы. Так как артист внешне похож на Олега, вот кто-то и «узнал».

А слухи пошли гулять по стране.

— Есть ли еще фальсификации по «Молодой гвардии», кроме «комиссарства» Третьякевича?

— Есть попытка обелить ныне здравствующих Вырикову и Лядскую. В журнале «Огонек» (1990, № 44) журналист Н. Азгихина в своей статье «Заложницы легенды» пишет о полной невиновности Выриковой и Лядской. У меня создалось впечатление, что автор статьи совершенно не знакома с архивами. Я написала в «Огонек» аргументированное опровержение, но материал не опубликовали.

— Как вы оцениваете роман А. Фадеева «Молодая гвардия»?

— Я могу еще раз выразить свое восхищение талантом писателя: он сумел угадать самобытные черты Олега, Ули, Любы, Сережи, Вани, показать их мужество и преданность социалистическому Отечеству, и этого никому не оспорить.

Беседу вел
А. ГОЛЕНКОВ.

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА

Жорж СИМЕОН

ЗНАКОМАЯ
МАДАМ
МЕГРЕ

РОМАН

У ЛИЧНЫЕ мальчишки приклеились носами к витрине, и Мегрэ предложил:

— Вы не возражаете, если мы спустимся?

Они прошли через кухню и вошли в маленькую комнату без окон. Она была кокетливо обставлена, очень интимная. По всем стенам стояли заполненные книгами стеллажи. Посередине — стол, за которым ели, а в углу еще один, служивший секретером.

— Вы спрашивали меня о распорядке дня моего мужа. Каждый день, и зимой, и летом, он вставал в шесть часов утра. Зимой он первым делом отпирывался загружать калорифер.

— Почему он не разжег его 21-го?

— Было не очень холодно. После нескольких дней заморозков потеплело, да мы с ним и не мерзляки. На кухне у меня есть газовая горелка, ее тепла вполне достаточно. В мастерской у Франца есть такая же. Он использует ее для разогревания клея и своих приспособлений.

Прежде чем заняться утренним туалетом, он шел в булочную за рогаликами, а я тем временем готовила кофе, и мы с ним завтракали. Потом он поднимался к себе и сразу же принимался за работу. Убравшись, я около девяти часов выходила, чтобы сделать покупки.

— Он никогда не выходил, чтобы возвратит сделанную работу?

— Редко. Обычно ему приносили работу и забирала. Когда же ему приходилось отнести самому, я шла вместе с ним. Ведь это были почти единственные наши прогулки. Завтракали мы в половине первого.

— И он сразу возвращался к работе?

— Почти всегда, только выкурит сигарету на пороге. За работой он не курил. И так до семи часов, иногда до полвосьмого. Я никогда не знала, когда мы будем есть, поскольку он по ходу дела решал: прервать свою работу или нет. Потом он закрывал ставни, мыл руки, и после обеда мы читали в этой комнате до десяти или одиннадцати часов. Кроме вечеров по средам, когда ходили в кино-театр.

— Он не выпивал?

— Стаканчик спирта, каждый раз после обеда. Совсем маленький стаканчик, и это удовольствие он растягивал на целый час, потому что лишь пригубивал.

— А в воскресенье? Вы ездили за город?

— Никогда. Сельская местность повергала его в ужас. По утрам долго нежались в постели. Потом муж занимался разными делами. Эти стеллажи — его работа, как и почти все, что у нас есть. После полудня мы шли прогуляться на бульвар Франс-Буржуа, на остров Сент-Луи и частенько обедали в ресторанчике у Понт-Неф.

— Он скуп?

Она покраснела и ответила вопросом на вопрос, как часто поступают женщины, когда они в растерянности:

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Ведь уже двадцать лет он работает вот так, правда?

— Он работает всю свою жизнь. Его мать была очень бедной. У него тяжелое детство.

— Однако сейчас он самый высокооплачиваемый переплетчик в Париже и часто отказывается от заказов, которые его не устраивают.

— Это действительно так.

— С учетом того, что он зарабатывает, у вас могла бы быть иная жизнь — комфортабельная, современная квартира и даже машина. А с его слов, у него никогда не было больше одного костюма. Да и ваш гардероб не кажется слишком изысканным.

— Я ни в чем не нуждаюсь. Питаемся хорошо.

— Но ведь вы тратите на жизнь не более трети того, что он зарабатывает?

— Я никогда не вмешиваюсь в денежные вопросы.

— Большинство людей работает с определенной целью. Одни ради домика в деревне, другие мечтают поскорее уйти на пенсию, третьи посвятили свою жизнь детям. У него не было детей?

— К сожалению, я не могу их иметь.

— А до вас?

— Нет. И вообще неизвестно, были ли у него женщины. Он довольствуется своей работой.

— Как же он распоряжается своими деньгами?

— Не знаю. Без сомнения, он их вкладывает.

Случайно был найден счет на имя Стювеля в банке Агентства «О» Всеобщего Товарищества, расположенного на улице Сент-Антуан. Почти каждую неделю он делал небольшие вклады, соответствующие полученным с клиентов говорарам.

— Он трудился исключительно ради удовольствия, которое ему доставляла работа. Ведь он фламандец. Я начинаю понимать, что это значит. Он мог часами возиться с каким-нибудь переплетом, только чтобы получить радость от сотворения прекрасной вещи.

Она говорила о муже то в прошедшем времени, словно ворота тюрьмы Санте уже навсегда отделили его от внешнего мира, то как о человеке, который должен вот-вот вернуться.

— У него остались связи с его семьей?

— Он никогда не знал отца. Воспитывал его дядя, который, к счастью, еще маленьким определил Франца в благотворительное учебное заведение, именно там он и обучился своему ремеслу. Условия воспитания были суровые, и он не любит распространяться об этом.

— Что вы собираетесь приготовить ему на завтрак?

1006

— Рагу из ягненка. Он любит поесть. Вижу, вы хотите спросить, к чему еще, кроме работы, у него была страсть? Возможно, это еда. И хотя он сидел целыми днями без свежего воздуха и физических нагрузок, я не встречала человека, у которого такой же аппетит.

— Были ли у него друзья до знакомства с вами?

— Не думаю. Он мне никогда о них не рассказывал.

— Он обосновался здесь до вас?

— Да. Сам управлялся по хозяйству. Лишь раз в неделю мадам Салазар делала основательную уборку. И видимо, потому, что надобность в ней отпала, она невзлюбила меня.

— Соседи знают?

— Чем я занималась прежде? Нет. То есть я хочу сказать, до ареста Франца не знали. Это репортеры все разболтали.

— К вам стали хуже относиться?

— Конечно. Но Франц был настолько любим всеми, что сейчас у них появилось какое-то сочувствие к нам.

И правда, так оно и было. Если бы провести опрос на улице «за» и «против», то голосов «за» было бы значительно больше. Но жители квартала, и не только активные читатели газет, совсем не хотели, чтобы развязка наступила слишком быстро. Чем дольше сохранялись тайны, чем ожесточенней велась борьба между уголовной полицией и Филиппом Лиотардом, тем интересней жить.

— Что хотел от вас Альфонси?

— Он не успел сказать. Он только пришел, и тут вошли вы. Мне не нравится его манера входить сюда, как в публичный дом, не сняв шляпу, и обращаться ко мне на ты. Если бы Франц был здесь, он давно бы вышвырнул его за дверь.

— Он ревнив?

— Он не любит фамильярностей.

— А вас он любит?

— Думаю, что да.

— Почему?

— Я не знаю. Наверное, потому что я люблю его.

Он не усмехнулся. И шляпу, в отличие от Альфонси, он снял. Он не смотрел волком и не хитрил. Он просто честно пытался понять.

— Вы, конечно, не знаете, кто мог быть настроен против мужа?

— Конечно, нет. Я не могу ничего такого сказать.

— Нет ни одного свидетеля, что в этом подвале было совершено убийство. Однако эксперты утверждают это, а у меня нет доказательств, чтобы их опровергнуть.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но Франц невиновен.

Вздыхнув, Мегрэ поднялся. Он был уверен: она не предложит ему выпить, как обычно делают другие, думая, что именно так они и должны поступать в подобных обстоятельствах.

— Я попытаюсь начать с нуля, — признался он. — Направляясь сюда, я намеревался обследовать все заново, сантиметр за сантиметром.

— Разве этого уже не сделали? Прошлый раз тут все перевернули вверх дном!

— Я не осмелился. Наверное, я еще вернусь. Возможно, у меня появятся к вам новые вопросы.

— Учтите: во время свиданий я все рассказываю Францу.

— Да, разумеется.

Он ступил на узкую лестницу, она последовала за ним. В мастерской было почти темно. Открыв дверь, они сразу же заметили стоявшего на углу Альфонси.

— Вы собираетесь его принять?

— Сама не знаю. Я так устала.

— Хотите, я прикажу ему оставить вас в покое?

— Хотя бы на сегодняшний вечер!

— До свидания.

Она тоже попрощалась, а он, тяжело ступая, направился к бывшему инспектору нравов. Приблизившись к нему, он заметил, что двое молодых репортеров разглядывали их сквозь витрину «Вогезского табака».

— Смойся отсюда!

— Почему?

— Просто так. Потому что у нее нет ни малейшего желания, чтобы ты беспокоил ее сегодня. Понял?

— Почему вы злитесь на меня?

— Просто мне не нравится твоя физиономия.

И, повернувшись к нему спиной, он, сообразно сложившейся традиции, вошел в «Гран-Тюрэн» пропустить стакан пива.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Меблированный отель на улице Леник

Мегрэ пришел пораньше. Его часы показывали полдевятого, когда он вошел в кабинет инспектора. В тот же момент Жанвье, сидевший на столе, прыгнул с него и спрятал газету, которую читал вслух.

Там было пять или шесть молодых инспекторов, и они ждали, пока Люка опре-

делит им задание на день. Они избегали смотреть на комиссара и с трудом сдерживали усмешки.

Они не могли знать, что эта статья позабавила его так же, как и их, и что именно для их удовольствия он напустил на себя такой хмурый вид.

На первой странице над тремя колонками стоял заголовок:

«Злоключения мадам Мегрэ»

Приключение, происшедшее с женой комиссара на Анверс-сквере, расписывалось в мельчайших деталях. Отсутствовала только фотография самой мадам Мегрэ с ребенком, которого ей так бесцеремонно навязали.

Комиссар толкнул дверь к Люка. Тот тоже читал статью, но у него были основания воспринимать ее более серьезно.

— Я надеюсь, вы не думаете, что инициатива исходит от меня? Сегодня утром, развернув газеты, я был ошарашен. В самом деле, я ведь ни с кем из репортеров не разговаривал. Вчера, вскоре после нашего разговора, я позвонил Ламбалу в 9-й округ и рассказал ему эту историю, не упоминая, конечно, вашу жену, и поручил ему отыскать то такси. Кстати, он только что звонил, шофера уже нашли, правда, совершенно случайно. Он послал его к вам. Через несколько минут будет здесь.

— Был ли кто у тебя, когда ты звонил Ламбалу?

— Возможно. Тут всегда кто-нибудь да есть. Кроме того, наверняка дверь в кабинет инспекторов была открыта. Но страшно подумать, что у нас происходит утечка информации.

— Вчера я еще сомневался. Утечка началась 21 февраля, потому что ты только собирался идти с обыском на улицу Тюренн, а Филипп Лиотард уже был осведомлен.

— Но кем?

— Я не знаю. Но непременно кто-то из управления.

— Вот почему к моему появлению чемодан исчез.

— Более чем вероятно.

— В таком случае, почему же они не избавились также и от костюма с пятнами крови?

— Может быть, они об этом не подумали или расценили, что происхождение пятен установить нельзя? А может, у них просто не хватило времени?

— Вы хотите, чтобы я допросил инспекторов, патрон?

— Я сам займусь этим.

Люка еще не закончил разбирать почту на длинном столе, который служил ему вместо письменного.

— Интересного ничего?

— Пока не знаю. Кое-что придется проверить. Несколько сообщений, касающихся именно чемодана. В одном анонимном письме говорится, что откуда с улицы Тюренн он не делся, а мы наверняка слепые, раз не могли найти его. В другом сообщается, что вся заговоздка в Конкарно. А в письме, написанном убористым почерком аж на пяти страницах, достаточно убедительны рассуждения, что, дескать, правительство специально раздуло дело, чтобы отвлечь общее внимание от роста стоимости жизни.

Мегрэ прошел в свой кабинет, снял шляпу и пальто, несмотря на теплую погоду, набил углем единственную оставшуюся на

набережной Орфевр печь, которую он с таким трудом отстоял, когда делали центральное отопление.

Приоткрыв дверь кабинета инспекторов, он позвал маленького Лапуанта, который только что пришел.

— Садись.

Он старательно прикрыл дверь, два или три раза прошелся по комнате, с любопытством поглядывая на него.

— Ты честолюбив?

— Да, господин комиссар. Я хочу сделать такую же карьеру, как и вы. В общем я человек с претензией.

— Твои родители богаты?

— Нет. Мой отец — служащий в банке у Мелана, ему с трудом удалось меня и сестер прилично воспитать.

— Ты влюблен?

Он не покраснел и не вздрогнул.

— Нет. Пока нет. У меня еще все впереди. Мне только двадцать четыре, и я не хочу жениться, пока не достигну устойчивого общественного положения.

— Ты живешь один?

— К счастью, нет. Моя младшая сестра Жермена тоже в Париже. Она работает в издательстве на левом берегу и по вечерам находит время приготовить мне поесть. Так экономнее.

— Есть ли у нее дружок?

— Ей только восемнадцать лет.

— Когда ты ходил на улицу Тюренн в первый раз, ты сразу же вернулся оттуда?

Он внезапно покраснел и долгое время колебался, прежде чем ответить.

— Нет, — признался он наконец. — Я был так горд и счастлив, что кое-что нашел, потому поймал такси и поехал на улицу Бак поделиться радостью с Жерменой.

— Ну хорошо, малыш. Спасибо.

Дрожа и волнуясь, Лапуант никак не мог уйти.

— Почему вы меня спрашивали об этом?

— Здесь я спрашиваю, не так ли? Позже, может, и наступит твоя очередь задавать вопросы. Ты был вчера в кабинете бригадира Люка, когда он звонил в 9-й округ?

— Я был в соседнем кабинете, и дверь была открыта.

— В котором часу ты разговаривал со своей сестрой?

— Откуда вы знаете?

— Отвечай.

— Она заканчивает работу в пять часов. Как обычно, она подождала меня в баре «Башенные часы», и, перед тем как уйти, мы выпили аперитив.

— Ты не расставался с ней вечером?

— Она ходила в кино с подружкой.

— Ты видел эту подружку?

— Нет. Но я ее знаю.

— Это все, иди.

Он хотел было как-то объяснить, но тут доложили, что явился шофер такси. Это был внушительных размеров мужчина лет пятидесяти, который в молодости наверняка поработал кучером. Судя по одышке, он пропустил несколько стаканчиков ви-

на, чтобы заглушить страх перед визитом.

— Инспектор Ламбаль велел мне явиться к вам по поводу той дамочки.

— А как он узнал, что это ты ее возил?

— Обычно я стою на площади Пигаль. И вот вчера вечером он опрашивал тамошних таксистов, среди них был и я. Вот я ему и рассказал.

— В котором часу? Где?

— Это было где-то около часа. Я только что пообедал в ресторане на улице Лелик. Моя машина стояла напротив дверей. Я видел, как из отеля напротив вышла парочка, и женщина тут же направилась к моему такси. Она, казалось, была разочарована, увидев на сиденье лишь черную фуражку. Я допил свой кофе, поднялся и, переходя улицу, крикнул, чтобы она подождала.

— Как выглядел ее спутник?

— Низенький толстяк, очень хорошо одет и с виду иностранец. О возрасте точно не скажу, но где-то между сорока и пятьюдесятью: я его особенно не разглядывал. Он повернулся к ней и заговорил на иностранном языке.

— На каком?

— Не знаю. Я из Пантина и никогда не разбираюсь в чужих языках.

— Какой адрес она назвала?

— Она была нервной и нетерпеливой. Сначала велела подъехать к Анверс-скверу и приостановиться. А сама все выглядывала из-за занавески. «Остановитесь на минуточку», — сказала она, — и как только я скажу, сразу же трогайтесь». Она кому-то помехала. Полная женщина с ребенком бросилась к ней. Дама открыла дверцу, подхватила малыша и приказала мне ехать.

— У вас не создалось впечатление, что это похищение?

— Нет, она ведь разговаривала с той дамой. Правда, недолго. Только несколько слов. Да и для той это было вроде как облегчение.

— Куда вы доставили мать и ребенка?

— Сначала к выездным воротам Ноелли. Там она спохватилась и попросила отвезти их на вокзал Сент-Лазар.

— Там они вышли?

— Нет. Она остановила меня на площади Сент-Огюстен. Тут я попал в затор и в зеркало заднего вида заметил, как она остановила другое такси, «городское», однако рассмотреть номер я не успел.

— А у вас было такое желание?

— Знаете ли, привычка. И потом, согласитесь, не совсем естественно, когда сначала подъезжаешь к воротам Ноелли, потом останавливаешься на площади Сент-Огюстен, а твой пассажир пересаживается в другую машину.

— По дороге она говорила с ребенком?

— Две-три фразы, чтобы его успокоить... За этот вызов сюда положено вознаграждение?

— Возможно. Я пока не знаю.

— Я к тому, что утро-то я потерял.

Мегрэ протянул ему банкноту и несколькими минутами позже толкнул дверь кабинета начальника уголовного полиции, кото-

рый выслушивал рапорты начальников служб. Они сидели вокруг большого, красного дерева стола и спокойно переговаривались о текущих делах.

— А что у вас, Мегрэ? Как там ваш Стюбель?

По их улыбкам было видно, что они читали утреннюю статью; и снова, чтобы доставить им удовольствие, он принял хмурый вид.

Было половина десятого. Раздался телефонный звонок, начальник снял трубку, послушал и протянул ее Мегрэ:

— С вами хочет говорить Торранс.

Голос Торранса на другом конце провода был взволнован.

— Это вы, шеф? Вы нашли даму в белой шляпке? Привезли газету из Парижа, и я прочитал статью. Описание вроде подходит к особе, которую я ишу здесь.

— Рассказывай!

— Поскольку нет никакой возможности что-либо вытянуть из этой безпамятливой индюшки на почте, я принялся искать в отелях, меблированных комнатах, расспрашивать владельцев гаражей и служащих вокзала.

— Это я знаю.

— Сейчас не сезон, и большинство прибывающих в Конкарно — местные жители либо люди более или менее известные, коммивояжеры и...

— Короче!

Разговоры вокруг Мегрэ поутихли.

— Я подумал, что если кто-то приехал из Парижа или еще откуда, чтобы дать телеграмму...

— Представь себе, я уже все понял.

— Ну, хорошо. Невысокого роста дама в голубом платье и белой шляпке приезжала в тот самый вечер, когда была отправлена телеграмма. Она сошла с поезда в четыре, а депешу послали без пятнадцати пять.

— У нее был багаж?

— Нет. Слушайте. Она не останавливалась в отеле. Вы знаете отель «У Желтой Собаки», в конце набережной? Она там обедала, а потом сидела в уголке кафе до одиннадцати часов. Иначе говоря, она села на поезд, который идет в 23.40.

— Ты убедился в этом?

— Она ушла как раз в это время, а до того просила принести расписание движения поездов.

— Она с кем-нибудь разговаривала?

— Только с официанткой. Она все время читала, даже за едой.

— Тебе не удалось узнать, что?

— Нет.

— Тебе, конечно, надо снова повидаться с телеграфисткой.

— А потом?

— Позвонишь мне или Люка, если меня не будет в кабинете, и возвращайся.

— Хорошо, патрон. Вы тоже думаете, что это она?

После разговора в глазах Мегрэ появился живой проблеск.

— Возможно, мадам Мегрэ и наведет нас на след, — сказал он.

Случайно в кабинете инспекторов оказался Лапуант. Он был явно возмущен.

— Ты пойдешь со мной!

Они сели в одно из такси, стоявших на набережной, и молодой Лапуант долго не мог прийти в себя: ведь впервые ехал вот так запросто с комиссаром.

— На угол площади Бланш и улицы Лепик.

Это был тот самый час, когда на Мон-мартре, и особенно на улице Лепик, тележки с грузами овощей и фруктов, источающих запах земли и весны, загромождали края тротуаров.

Мегрэ вспомнил, что слева есть ресторан с твердыми ценами, где завтракал шофер такси, а напротив отель «Босежур», входная дверь в который была зажата между двумя лавками — мясной и бакалейной.

«Комнаты на месяц, на неделю и на день. Водопровод. Центральное отопление. Цены умеренные».

В начале коридора застекленная дверь, дальше шла лестница с надписью на стене: «Бюро». Черная нарисованная рука указывала вверх.

Бюро располагалось на антресолях. Это была узкая комната, окна которой выходили на улицу. Тут же на доске висели ключи.

— Эй, кто-нибудь! — позвал он.

Запах напомнил ему времена, когда примерно в том же возрасте, что и Лапуант, он служил в бригаде, обслуживающей такие заведения, и день-деньской обходил одну мебелирашку за другой. В них пахло стиркой и потом, неубранными постелями, помойными ведрами и едой, разогреваемой на спиртовке.

Рыжеватая, неряшливо одетая женщина свесилась через перила.

— Что там такое? — Но, тут же поняв, что это полиция, сказала: — Иду!

Она появилась, на ходу застегивая корсаж на необъятной груди. Вблизи было видно, что ее волосы у корней почти белые.

— Что случилось? Меня только вчера проверяли. Все жильцы у меня спокойные. Вы из той же службы, не так ли?

Не удостоив ее ответом, он описал ей, насколько позволяло свидетельство шофера, спутника дамы в белой шляпке.

— Вы его знаете?

— Может быть. Я не уверена. Как его зовут?

— Это же самое я и хотел бы узнать у вас.

— Вы хотите посмотреть мои книги?

— Сначала я хочу услышать, есть ли у вас похожий постоялец.

— Я думаю, это месье Левин.

— Кто он?

— Я не знаю. Но вполне приличный человек, во всяком случае заплатил за неделю вперед.

— Он сейчас здесь?

— Нет. Ушел вчера.

— Один?

— Конечно, с малышом.

— А дама?

— Вы хотите сказать — нянька?

— Минуточку. Давайте начнем сначала. Это сэкономит нам время.

— Это мне больше подходит, ведь скрывать мне нечего. Что он такое сделал, этот месье Левин?

— Отвечайте на мои вопросы. Когда он приехал?

— Четыре дня назад. Можете проверить по моей книге. Я ему сказала, что у меня нет комнаты, и это была сущая правда. Он настаивал. Я спросила, на какое время ему нужно, а он ответил, что заплатит за неделю вперед.

— Как же вы его устроили, если у вас не было комнаты?

Мегрэ знал, каким будет ответ, но он хотел, чтобы все-таки она сама об этом сказала. В таких заведениях на втором этаже всегда имеются комнаты «для парочек», которые снимают на несколько минут или на час.

— Всегда есть комнаты «на всякий случай», — инсказательно ответила она.

— Ребенок был с ним?

— В тот момент нет. Он пошел за ним, и через час они вернулись. Я спросила его, как он собирается обходиться с таким малышом. Он ответил, что у него есть зна-

комая нянька, которая будет проводить с ним большую часть дня.

— Он показывал вам свой паспорт, удостоверение личности?

По правилам, она должна требовать документы, но, ясно, этого не делается.

— Он сам заполнил карточку. Я же видела, что это вполне приличный господин. У меня теперь будут неприятности?

— Необязательно. Как была одета нянька?

— В голубом платье.

— И белой шляпке?

— Да. Утром она пришла, искупала ребенка и ушла с ним.

— А месье Левин?

— Он оставался в комнате до 11 или 12. Думаю, что он отсыпался. Потом он ушел, и я не видела его весь день.

— А ребенка?

— И его тоже. Почти до семи часов вечера. Она его привела и уложила спать. А сама сидела одетой на кровати и ждала, пока придет месье Левин.

— Когда же он вернулся?

— Не раньше часа ночи.

— Она сразу ушла?

— Да.

— Вы не знаете, где она живет?

— Нет. Я только видела, как, выйдя, она села в такси.

— Была ли она в интимных отношениях с вашим жильцом?

— Вы хотите знать, не спали ли они вместе? Я не уверена в этом, но по некоторым признакам подозреваю, что это было. Это их право, не так ли?

— Какую национальность вписал месье Левин в карточку?

— Француз. Он сказал, что давно живет в Париже.

— Откуда он приехал?

— Что-то не припоминаю. Ваши коллеги вчера, как всегда по средам, забрали карточки. Из Бордо, если не ошибаюсь.

— Что произошло вчера в полдень?

— В полдень? Не знаю.

— А утром?

— Часов в десять приходил какой-то мужчина, спрашивал его. Дама и ребенок к тому времени уже ушли.

— Кто приходил?

— Я не узнавала его имя. Приличный человек, очень хорошо одет и не кричаще.

— Француз?

— Без всякого сомнения. Я ему сказала номер комнаты.

— Больше никто не приходил?

— Никто, кроме няньки.

— У него южного акцента не было?

— Чисто парижский говор. Знаете, он из тех типов, что останавливают вас на бульваре, чтобы навязать цветные открытки или проводить, сами знаете куда.

— Он долго здесь отирался?

— Да, дождался, пока месье Левин выходил...

— С багажом?

— Откуда вы знаете? Я тоже удивилась, что он выносит свой багаж.

— И много было вещей?

— Четыре чемодана.

— Коричневые?

— Кажется, все были коричневые. Во всяком случае, все очень хорошего качества и, по крайней мере, два из них — натуральной кожи.

— Как он вам это объяснил?

— Что ему надо срочно уехать, в тот же день, но он вернется, чтобы решить вопрос с ребенком.

— Когда он вернулся?

— Примерно через час. В сопровождении дамы.

— Вы были удивлены, не увидев ребенка?

— Вы и это знаете?!

Она заосторожничала, решив, что полиция знает значительно больше, только Мерэ ей об этом не говорит.

— Они долго оставались в комнате втроем и громко разговаривали.

— Как будто спорили?

— Как будто спорили.

— На французском?

— Нет.

— Парижанин принимал участие в споре?

— Мало. Он и ушел первым, и больше я его не видела. Потом и месье Левин с дамой ушли. Поскольку я вышла им навстречу, он поблагодарил меня и сказал, что рассчитывает вернуться через несколько дней.

— Вам это не показалось странным?

— Если бы вы провели восемнадцать лет в такой гостинице, как эта, вас бы тоже ничто не удивило.

— Вы сами после убирали комнату?

— Нет, прислуга. Но и я пошла с ней туда.

— Ничего не попало особенного?

— Окурки сигарет повсюду. Он, похоже, выкуривал больше полсотни сигарет в день. Американских. Множество газет. Он покупал почти все газеты, выходящие в Париже.

— А иностранные?..

— Нет. Я уже об этом подумала.

— Вас что-то заинтересовало?

— Все как обычно: сломанная расческа, разорванное белье...

— С инициалами?

— Нет, это было детское белье.

— Белье было тонкое?

— Да, очень тонкое. Я никогда здесь такого не видела.

— Я прощаюсь, но мы снова увидимся.

— Зачем?

— Затем, что вы невольно утаили некоторые детали, которые наверняка впоследствии вспомните. У вас хорошие отношения с полицией? Она вас не очень допрашивает?

— Я понимаю. Но другого сказать мне нечего.

— До свидания.

И полицейские вышли на залитый солнцем бульвар и очутились в людском водовороте.

— Немного аперитива? — предложил комиссар.

— Я никогда не пью.

— Это очень хорошо. Ну, что ты надумал за это время?

Молодой человек понял, что речь идет не о том, чему он только что был свидетелем в отеле.

— Сегодня вечером я с ним поговорю.

— Ты знаешь, кто это?

— У меня есть приятель. Он работает репортером в той самой газете, где появилась сегодня утром эта статья. Но вчера его не видел. Я вообще никогда с ним не говорю о том, что происходит на Набережной, за что он меня все время дразнит.

— Твоя сестра знакома с ним?

— Да. Но я не думаю, что они встречаются. Если я дам знать отцу об этом, он ее вернет в Мелен.

— Как зовут репортера?

— Бизард, Антуан Бизард. У него тоже никого нет в Париже. Его семья живет в Коррезе. Он на два года младше меня и уже опубликовал несколько репортажей за своей подписью.

— Ты видишься со своей сестрой в середине дня?

— По-разному. Если я свободен и бываю недалеко от улицы Бак, мы с ней завтракаем в кафе-молочной рядом с ее работой.

— Сходи сегодня туда. Расскажи ей все, что мы утром узнали.

— Я должен это сделать?

— Да.

— А если она опять расскажет ему?

— Она обязательно расскажет.

— Вы этого и хотите?

— Иди. Между прочим, будь с ней поласковой. Не дай ей понять, что ты ее подозреваешь.

— Я не могу позволить ей встречаться с молодым человеком. Отец мне наказывал...

— Иди.

Мегрэ с удовольствием прошелся пешком по улице Нотр-Дам де Лоретт и сел в такси лишь в предместье Монмартра, не преминув по пути зайти в пивную и выпить полкружки.

— На набережную Орфевр.

Потом он передумал и постучал в стеклянную перегородку.

— Давайте проедем по улице Тюренн.

Он увидел, что дверь мастерской Стювеля закрыта — должно быть, Фернанда, как обычно по утрам, отправилась со своими кастрюлями в Санте.

Сидевший в баре «Гран-Тюренн» Жанвье заметил его и посмотрел в его сторону. Какую новую проверку поручил ему Люка? Он оживленно беседовал с сапожником и двумя штукатурами в белых блузах, и даже издали был виден белый цвет перно.

— Поверните налево и поезжайте в сторону площади Вогез и улицы Бираж.

Они проехали мимо «Вогезского табака», где в одиночестве за круглым столиком у витрины сидел Альфонси.

— Остановитесь на минутку.

— Вы выйдете?

— Да. Подождите меня. Я недолго.

Он все-таки зашел в «Гран-Тюренн», чтобы перебраться парой слов с Жанвье.

— Напротив сидит Альфонси. А сколько журналистов ты видел сегодня?

— Двух или трех.

— Ты их знаешь?

— Не всех.

— Давно ты тут?

— Да не очень. Если вы хотите мне что-то поручить, то я свободен. Мне надо было переговорить с сапожником.

Они отошли от сидевших за столом людей и стали вполголоса переговариваться.

— Прочитав статью, я сразу же решил с ним встретиться. Конечно, он много чего говорит. Но немало и придумывает. Я уж сбился со счета, сколько раз, чтоб он что-то сказал, я подносил ему стаканчик. Поскольку он живет прямо напротив Стювеля и тоже работает у окна, я надеялся, что он видел, не наведывались ли к переплетчику женщины.

— И что же он сообщил?

— Немного. В частности, вспомнил одну старую даму. Она, должно быть, богата и прнезжала на машине с шофером в ливрее, который носил ее книги. Примерно с месяца назад видел одну, невысокого роста, очень элегантную даму в норковом манто. Слушайте дальше! Я стал расспрашивать, чтобы узнать, приходила ли она еще раз. Он считает, что она приходила снова недели две назад — в синем платье, в белой шляпке. В тот день была очень хорошая погода, и он напоминает, что в газете была статья о каштанах на бульваре Сент-Жермен.

— Надо ее найти.

— Вот и я о том же подумал.

— Она спускалась в подвал?

— Нет. Но в этом я немного сомневаюсь. Сапожник тоже читал статью, это точно, но вполне возможно, все остальное он выдумал. Что я должен предпринять?

— Держи Альфонси в поле зрения. В течение дня не упускай его из виду. Составишь список всех, с кем он будет общаться.

— Он не должен знать, что я за ним слежу?

— Не беда, если и узнает.

— А если он со мной заговорит?

— Ты ему ответишь.

Мегрэ вышел весь пропахший перно, такси доставило его на набережную, где он застал Люка, закусывавшего бутербродами. Перед ним стояли два стакана, и комиссар без стеснения взял один из них.

— Звонил Торранс. Почтмейстерша вспомнила клиентку в белой шляпке, но не может с уверенностью сказать, что это она отправила телеграмму. По словам Торранса, даже будь она уверена, все равно бы не сказала.

— Он возвращается?

— Этой ночью будет в Париже.

— Позвони в городскую компанию такси. Надо будет найти одно или два такси.

Интересно, отправилась ли мадам Мегрэ

к своему дантисту как обычно пораньше, чтобы посидеть несколько минут на скамейке в Анверс-сквере?

Завтракать на бульвар Ришар-Ленуар

Мерэ не пошел. Бутерброды Люка были съедены, и он заказал еще в «Брассерни Дефин».

Обычно это был хороший знак.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Приключения Фернанды

Когда Мерэ вошел к инспекторам, молодой Лапуант, с красными глазами и убитым видом, как человек, проведший всю ночь на скамейке зала ожидания третьего класса, бросил на него такой горестный взгляд, что комиссар тут же увлек его в свой кабинет.

— Вся история с отелем «Босежур» в газете, — мрачно сказал молодой человек.

— Тем лучше! Я думал, что ее не будет.

Тем временем Мерэ заговорил с ним как с ветераном, как с Люка или Торрансом, например.

— Есть люди, о которых мы ничего не знаем, но они играют реальную роль в этом деле. Есть женщина, ребенок, «приличный» человек и не очень... В Париже ли они еще? Мы не знаем. Если они тут, то, возможно, держатся порознь. Женщина порвала свою белую шляпку, ушла теперь от ребенка, и мы ее уже не узнаем. Следить за мыслями?

— Да, господин комиссар. Но мне горько думать, что моя сестра опять встречалась с этим парнем вчера вечером.

— Слишком поздно занялся ты своей сестрой. Теперь ты работаешь со мной. Утрения статья напугает тех людей. И потому — одно из двух: или они останутся в своей норе, если она у них есть, или будут искать более надежное убежище. В любом случае, есть шанс, что они как-то выдадут себя.

В этот момент позвонил судья Доссен, чтобы выразить свое удивление по поводу публикации в газете, и Мерэ поделился своими умозаключениями.

— Все подняты по тревоге, господин судья, все вокзалы, аэропорты, гостиницы, дороги под контролем. Мозрс в бюро судебной идентификации подбирает фотографии, которые хоть как-то бы напоминали интересующих нас лиц. Опрашиваем шоферов такси и, на всякий случай, владельцев гаражей, наши лихие ребята смогли воспользоваться их услугами.

— Вы думаете, это имеет отношение к делу Стювеля?

— Это след, тем более, что все ранее предпринятое нами результатов не дало.

— Я вызвал Стювеля на утро, на одиннадцать часов. Как обычно, будет его адвокат, он ведь не дает мне двух слов сказать в его отсутствие.

— Вы позволите мне подняться на минутку, пока будет идти допрос?

— Лиотард станет возражать, но тем не менее приходите. Вроде как случайно.

Курьезно, но факт — до сих пор Мерэ ни разу не встречался с Лиотардом, который, судя по прессе, стал его личным врагом. Все утренние газеты опубликовали комментарий молодого адвоката на последние неожиданные повороты в деле:

«Мерэ — полицейский старой школы, из той эпохи, когда господа с набережной Орфевр могли по своему усмотрению стереть человека в пыль; держать его в своем распоряжении неделями, пока усталость не заставляла беднягу сознаться; без стыда копаться в частной жизни людей; любые применяемые им ухищрения, как на войне, считались правомерными.

Он единственный, кто не дает себе отчета в том, что сегодня эти ухищрения для знающей публики не более чем грубые уловки.

О чем конкретно идет речь?

Он дал себя запутать этим анонимным письмом, явной проделкой какого-нибудь шутника. Он лишил свободы честного человека и до сих пор не может выдвинуть ни одного серьезного обвинения против него.

Он упорствует. Не добившись признания, пытается выиграть время, развлекает галерку, призывает на подмогу супругу и преподносит публике куски из бульварного романа.

Поверьте мне, господа, Мерэ изжил себя!».

— Останься со мной, малыш, — сказал комиссар молодому Лапуанту. — Помнишь, вчера, прежде чем уйти, ты спрашивал, что ты можешь рассказать своей сестре?

— Я ничего ей больше не скажу.

— Ты будешь рассказывать ей все, о чем я тебя попрошу.

И Лапуант стал исполнять при комиссаре обязанности офицера-порученца. Это было величием, ибо уголовная полиция все больше напоминала генеральный штаб.

Из кабинета Люка, «Гран-Тюренна», как с командного пункта, посыльные разбежались по всем этажам. Внизу, в отделе по надзору за гостиницами, несколько человек перелопачивали карточки из отелей в поисках Левина, или как его там, и всей троицы с ребенком.

Минувшей ночью жильцы многих меблированных комнат были неприятно удивлены, когда полиция их разбудила и придр-

чиво изучала удостоверения личности. Примерно пятьдесят мужчин и женщин закончили ночь в камере заключения, выстроившись в целую очередь, пока шло их опознавание и установление личности.

На вокзале негласно проверялись пассажиры. Через два часа после выхода газеты начались телефонные звонки, причем в таком количестве, что Люка был вынужден взять в помощь одного инспектора.

Люди видели ребенка одновременно повсюду, в разных концах Парижа и в пригороде, одни с дамой в белой шляпке, другие с мужчиной с иностранным акцентом.

Прохожие часто обращались к постовым: — Идите быстрее! Ребенок на углу улицы.

Все проверялось, все должно было быть проверено, чтобы не упустить тот единственный шанс. Трое инспекторов еще со вчерашнего дня опрашивали владельцев гаражей.

Всю ночь этим делом занимались и люди из полиции по борьбе с наркотиками. Разве не говорила содержательница «Босежур», что ее жилец раньше часа ночи не приходил? Следовательно, надо было выяснить, не был ли он завсегдатаем ночных заведений, расспросить барменов, танцовщиц.

Мегрэ, присутствовав на «рапорте» в кабинете шефа, теперь то и дело входил и выходил в сопровождении Лапуанта почти во все кабинеты здания. Он спускался в полицию по надзору за гостиницами, поднимался к Мюрсу в криминалистическую лабораторию, в одном месте выслушивал телефонный разговор, в другом — свидетельские показания.

Было десять с минутами, когда позвонил шофер городского такси. Он не мог раньше, потому что ездил за город, в Дрёкс, отвезил туда старую больную даму, не желавшую ехать поездом.

Он отлично помнил, как на площади Сент-Огюстен к нему села молодая дама с маленьким мальчиком.

— Куда вы их доставили?

— На угол улицы Монмартр и Больших Бульваров.

— Их там кто-нибудь ждал?

— Я никого не заметил.

— Не помните, в какую сторону они направились?

— Я их сразу потерял в уличной толпе. В той стороне было множество отелей.

— Позвони опять в гостиничную полицию! — сказал Мегрэ Лапуанту. — Они прошли сквозь сито, окружающее Монмартр. Ты понимаешь? Теперь, если только они не мечутся и не паникуют, у нас нет ни единого шанса отыскать их.

Вернувшийся из Конкарно Торранс отправился на улицу Тюренн, чтобы, как он сказал, проникнуться атмосферой.

Что касается Жанвье, то он прислал рапорт о результатах наблюдения и остался следить за Альфонси.

Накануне тот встретился с Филиппом Лиотардом в ресторане на улице Ришелье, где они, мирно беседуя, славно пообедили.

Позднее к ним присоединились две дамы, совсем не похожие на невысокую особу в белой шляпке. Одна из них, высокая блондинка с походкой кинозвезды, была секретарем адвоката, другая — подружкой Альфонси.

Все вместе они отправились в кино около Оперы, а затем — в кабаре на улице Бланш, где просидели до двух часов ночи.

После чего бывший инспектор привел свою подружку к себе, в отель на улице Дуай. Жанвье снял комнату в этом отеле.

Позвонив, он сказал:

— Они еще не встали. Я жду.

Около 11 часов, следуя за Мегрэ, Лапуант открыл для себя содержимое первого этажа дома на набережной Орфевр — помещения, о которых он даже не подозревал. С комиссаром они попали в пустынный коридор с окнами во двор. Остановившись, Мегрэ повернулся и сделал знак молодому человеку не шевелиться.

Минув арку, во двор въехала зарешеченная машина. Три или четыре жандарма ожидали, покуривая сигареты. Двое других выпрыгнули из полицейского фургона, предварительно выпустив огромного детнигу с низким лбом, в наручниках. Мегрэ его не знал. Тот никогда не проходил у него.

Потом наступила очередь женщины, такой худой на вид, что ей бы стулья сдавать напрокат в церкви, но ее по двадцать раз в месяц арестовывали за карманные кражи. Мелко семена в своих широких юбках, она, привычно следуя за жандармом, сама направилась в сторону кабинетов судебных следователей.

Ярко светило солнце, весенний воздух в тени синел, несколько мух уже проснулись и жужжали.

Виднелась русая голова Франца Стювеля, без шляпы или фуражки, костюм был немного помят. Он стоял, словно удивленный солнцем, и можно было догадаться, что его глаза за толстыми стеклами очков полузакрыты.

На нем, как на разбойнике, были наручники: это правило строго соблюдалось с тех пор, как несколько обвиняемых совершили побег из этого самого двора — прямо через коридоры Дворца Правосудия.

Сутулая спина, вялый слух — Стювель являл собой типичного интеллигента, который читает все, что ни попадет под руку, и у которого нет иной страсти, кроме его работы.

Один из стражей протянул ему раскуренную сигарету. Стювель поблагодарил и сделал несколько затяжек.

Он должен стать податливее в ответ на вежливое обращение. Ему давали возможность снять напряжение перед тем, как вести на допрос, и он, казалось, не имел претензий к охранникам, не проявлял ни озлобленности, ни волнения.

Мегрэ редко встречался такой подследственный: спокойный, уравновешенный, без малейшей рисовки.

Стювель выслушивал вопросы, наклонив голову с готовностью все понять, и смотрел на Мегрэ как на собеседника, излага-

ющего сложные идеи. Потом он некоторое время размышлял, говорил приятным, немного приглушенным голосом, фразы строил старательно, но без аффекта. Он не выходил из себя, как многие подследственные, и когда ему в двадцатый раз задавали один и тот же вопрос, он с поразительным спокойствием неизменно отвечал теми же словами.

Мергэ вообще любил непосредственный контакт, но вот уже три недели Стювель был вне его ведения, он числился за Доссеном, который вызывал его вместе с адвокатом в среднем два раза в неделю.

— Теперь пойдем, — сказал Мергэ Лапуанту. — Ты расположишься в моем кабинете и будешь принимать всю информацию, поступающую ко мне.

Он немного подождал, побродил по коридорам с трубкой в зубах, руки в карманах, ну прямо как у себя дома, здороваясь со всеми подряд.

Когда он решил, что допрос должен быть в самом разгаре, поднялся на этаж, где располагались судебные следователи, и постучал в дверь кабинета Доссена.

— Вы позволите?

— Входите, господин комиссар.

Поднялся невысокий и худой, слишком худой, сверхэлегантный человек, и Мергэ сразу узнал его по недавним фотографиям в газетах. Он был молод, но для пущей важности делал все, чтобы выглядеть старше.

Достаточно смазливый парень, с матовой кожей и черными волосами. Его большие ноздри время от времени вздрагивали. Он настойчиво смотрел людям прямо в глаза, словно решив заставить их отвести взгляд.

— Месье Мергэ, не так ли?

— Он самый, метр Лиотард.

— Если вы ищете меня, то я охотно буду в вашем распоряжении после допроса.

Сидевший перед судьей Франц Стювель прислушался. Он бросил взгляд на комиссара, потом на расположившегося за конторкой с пером в руках секретаря.

— Я вас не ищу. Представьте себе, я ишу стул.

Он взял ближайший за спинку и, попыхая трубкой, уселся на него верхом.

— Вы рассчитываете остаться здесь?

— По крайней мере, до тех пор, пока господин судья не попросит меня удалиться.

— Оставьте, Мергэ.

— Я протестую! Если допрос будет продолжаться в этих условиях, я оставляю за собой право протестовать его, так как присутствие полицейского в кабинете будет явным давлением на моего клиента.

Мергэ едва сдержался, чтобы не пробормотать: «Пой, Фифи!»

И он окинул молодого адвоката ироническим взглядом:

— Ни одно установление не препятствует офицеру уголовной полиции участвовать в допросе.

Присутствие Мергэ никак не повлияло на Доссена, и он, выждав момент, уткнулся в свои бумаги:

— Я спрашивал вас, месье Стювель, покупали ли вы готовую одежду или шили у портного?

— Смотря по обстоятельствам, — подумав, ответил обвняемый.

— Что вы имеете в виду?

— Я не придаю особого значения одежде. Если мне нужен был костюм, я покупал готовый, а случалось, и шил.

— У какого портного?

— Много лет назад у меня был костюм, который сшил мне сосед, польский еврей. Но потом он пропал. Я думаю, уехал в Америку.

— Это был синий костюм?

— Нет, серый.

— Сколько лет вы его носили?

— Не помню, года два-три.

— А ваш синий костюм?

— Вот уже лет десять я не покупаю себе синих костюмов.

— Не так давно ваши соседи видели вас в синем.

— Они, наверное, спутали костюм и пальто.

Действительно, в квартире было найдено синее пальто.

— Когда вы купили это пальто?

— В минувшую зиму.

— Вообще-то странно, что вы купили синее пальто, если у вас есть только коричневый костюм. Эти два цвета не очень-то хорошо сочетаются.

— Я не гонюсь за модой.

Тем временем месье Филипп Лиотард вызывающе смотрел на Мергэ, и так пристально, словно хотел загипнотизировать. Кроме того, как и всегда, желая произвести впечатление на судей, он то и дело пожимал плечами и кривил губы в саркастической улыбке.

— Почему вы не признаетесь, что найденный в вашем шкафу костюм принадлежит вам?

— Потому, что он мне не принадлежит.

— Как же вы объясните его появление, если вы не выходите из дома, а попасть в комнату можно, лишь пройдя через вашу мастерскую?

— Никак не объясню.

— Давайте говорить серьезно, месье Стювель. Я не заманиваю вас ни в какую ловушку. Мы уже по крайней мере в третий раз обсуждаем эту проблему. Если верить вам, то кто-то проник к вам и подбросил в золу калорифера два человеческих зуба. Заметьте, что этот кто-то выбрал день, когда ваша жена отсутствовала, а для того, чтобы ее удалить в Конкарно — туда был послан какой-то «шутник» протелеграфировать о болезни матери. И это еще не все!

Вы не только оставались одни, что практически никогда не бывало, но и устроили такую топку в тот день и на следующий, что потом вам пришлось пять раз выносить золу! На этот счет у нас есть показания вашей консьержки мадам Салазар, которой нет никакого резона обманывать нас, а ее помещение позволяет видеть все передвижения жильцов. В воскресенье утром

вы выходили пять раз и все время с большим ведром, полным пепла. Она думала, что вы делаете уборку и жжете старые бумаги.

У нас есть показание и мадемуазель Бегин, проживающей на верхнем этаже. Она говорит, что все воскресенье из вашей трубы валил дым, причем — черный. А когда она открыла окно, в комнату проник крайне неприятный запах.

— Не та ли это шестидесятивосьмилетняя мадемуазель Бегин, что слывает в квартале слабоумной? — вмешался адвокат, гася сигарету в пепельнице и выбирая себе другую в портсигаре. — Позвольте мне также напомнить вам, что в течение четырех дней, это подтверждается метеорологическими сводками за 15, 16, 17 и 18 февраля, в Париже и окрестностях температура была небывало низкой.

— Это не объясняет наличия зубов. Это также не объясняет ни нахождения синего костюма в шкафу, ни обнаруженных на нем пятен крови.

— Вы обвиняете, но надо еще и доказать вину. Между тем вам пока не удастся доказать, что костюм принадлежит моему клиенту.

— Господин судья, позвольте задать один вопрос?

Тот повернулся к адвокату, но не успел Лиотард и рта раскрыть, как Мегрэ уже обратился к фламандцу:

— Когда вы впервые услышали о месье Филиппе Лиотарде?

Адвокат было поднялся, протестуя, но Мегрэ не останавливаясь, продолжал:

— Когда я закончил допрашивать вас вечером в день ареста, вернее, в первые утренние часы, и спросил, не желаете ли вы прибегнуть к помощи адвоката, то вы ответили утвердительно и назвали месье Лиотарда.

— Неотъемлемое право обвиняемого выбрать себе в адвокаты кого он захочет, и если вы вновь будете ставить так вопрос, я обращусь в Дисциплинарный Совет.

— Обращайтесь, обращайтесь! Я с вами говорю, Стювель. Вы мне не ответили. Не было бы ничего удивительного, если бы вы назвали имя какого-нибудь метра, известного адвоката. Но в данном случае это не так. Справочника вы в моем кабинете не смотрели, никого не спрашивали. В вашем квартале месье Лиотард не живет. Я уверен, еще три недели назад его имя вы не могли прочитать и в газетах.

— Я протестую!

— Пожалуйста! Что касается вас, Стювель, скажите, слышали ли вы когда-нибудь о месье Лиотарде до утра 21 февраля и до визита моего инспектора? Если да, то скажите, когда и где?

— Не отвечайте!

Ссутулившись, фламандец колебался, разглядывая Мегрэ сквозь толстые стекла очков.

— Вы отказываетесь отвечать? Хорошо. Я задам вам другой вопрос. Звонили ли вы тогда же, 21-го, после обеда, по теле-

фону, чтобы переговорить с месье Лиотардом?

Франц Стювель все еще колебался.

— Или, если хотите, ставлю вопрос по-другому: звонили ли вы по телефону вообще кому-нибудь? Я верну вас в атмосферу того дня, который начался, как и все предыдущие. Светило солнце, было так тепло, что калорифер вы не разжигали. Вы сидели у окна и работали, пока не пришел мой инспектор, и вы отпросились у него сходить к соседям под каким-то предлогом.

— Вы строите догадки! — вмешался Лиотард.

— Я допускаю, метр. И потом, вопрос обращен не к вам.

Итак, Стювель, вы сразу же поняли, что вами занялась полиция. В это время в вашей мастерской находился коричневый чемодан, который не был обнаружен вечером, когда бригадир Люка явился с ордером на обыск. Кому вы звонили? Кого предупредили? Кто приходил к вам между визитами Лалуанта и Люка?

Я проверил список лиц, кому вы имеете обыкновение звонить и чьи номера записаны в вашей записной книжке. Я проверил также ваш справочник. Имя Лиотарда в числе ваших клиентов не значится. И тем не менее он приходил к вам в тот день. Вы сами его вызвали или кто-то вам его прислал?

— Я запрещаю вам отвечать!

Но фламандец нетерпеливо отмахнулся:

— Он сам пришел.

— Вы говорите, конечно, о месье Лиотарде, не так ли?

Переплетчик осматрелся, глаза его горели, будто для него составляло особое удовольствие поставить адвоката в неудобное положение.

— Да, о месье Лиотарде.

Тот повернулся к секретарю, который все записывал.

— Вы не имеете права фиксировать в протоколе разговоры, не имеющие никакого отношения к делу. Действительно, зная репутацию Стювеля, я пришел к нему спросить, сможет ли он выполнить для меня переплетную работу. Ведь так?

— Так!

Какого же тогда черта в ясных глазах фламандца танцуют злые искорки?

— Да, совершенно верно, месье Мегрэ, речь шла об экслибрисе с фамильным гербом. Мой дед носил титул графа де Лиотарда, но, по несчастью, разорился и отказался от него. Мне же хотелось иметь фамильный герб, и я обратился к Стювелю, которого знал как лучшего переплетчика в Париже, но который, как мне говорили, был сильно загружен работой.

— Вы с ним говорили только о вашем гербе?

— Извините. Мне кажется, вы собираетесь меня допрашивать. Господин судья, мы находимся в вашем кабинете, и я не ожидал, что меня будет обвинять полицейский за компанию с моим клиентом. Но когда речь идет о члене коллегии адвокатов...

— У вас есть вопросы к Стювелю, господин комиссар?

— Нет, благодарю вас.

Все получилось чудно. Мерэ казалось, что переплетчик был совсем не против того, что здесь произошло, и теперь смотрел на комиссара с симпатией.

Адвокат тем временем вернулся на свое место, схватил дело и притворился, что изучает его.

— Вы найдете меня, как только пожелаете, метр Лиотард. Вы знаете, где мой кабинет? По коридору предпоследний налево.

Он улыбнулся судьбе Доссену, хотя тот явно чувствовал себя стесненно, и направился к маленькой двери, соединявшей уголовную полицию и Дворец Правосудия. Обстановка там более чем когда-либо напоминала улей: за дверями звонили телефоны, в каждом закулке ждали люди, по коридорам сновали инспекторы.

Толкнув дверь, он увидел беседовавших тет-а-тет Фернанду и Лапуанта, который сидел на его месте, слушал и делал пометки. Смутьившись, он поднялся. Жена переплетчика была одета без претензий: бежевый плащ в клетку и шляпка из такой же ткани.

— Как он себя чувствует? — спросила она. — Ведь вы только оттуда? Он еще там?

— С ним все в порядке. Он признает, что Лиотард приходил в мастерскую 21-го, после полудня.

— Он тяжело переживает это происшествие, — сказала она. — Именно поэтому я умоляю вас отнестись всерьез к тому, что я вам скажу. Сегодня утром, как обычно, я вышла из дома, чтобы отнести ему в Санте обед. Вы знаете эти маленькие эмалированные кастрюли, в которых я ношу еду.

Я вошла в метро на станции Сен-Поль и сделала пересадку на Шателе.

Когда проезжали вокзал, видимо, пришел поезд, потому что за несколько остановок до Монпарнаса в вагон набилось много народу, большинство с чемоданами. Поглощенная чтением, я не обращала внимания на происходящее вокруг и вдруг почувствовала, как кто-то дотронулся до моих кастрюль. Я успела заметить чью-то руку, пытавшуюся открутить зажим.

Я встала и повернулась к моему соседу. Тем временем мы подъехали к Монпарнасу, где мне предстояла пересадка, да и почти все выходили. Не знаю, как это удалось, но он перевернул кастрюли и высочил на перрон, прежде чем я смогла разглядеть его лицо.

Еда вывалилась. Я принесла сюда кастрюли, которые, кроме нижней, почти пусты. Посмотрите сами. Зажим, удерживающий кастрюли, откручен. Остался один поворот.

Я уверена, что кто-то меня преследовал и пытался подсыпать яду в предназначенную Францу пищу.

— Отнеси это в лабораторию, — сказал Мерэ Лапуанту.

— Возможно, там ничего не обнаружат,

ведь яд пытались подложить в верхнюю кастрюлю, а она пуста. И все-таки вы мне верите, господин комиссар? Вы можете быть совершенно уверены, что я с вами откровенна.

— Всегда?

— Насколько это только возможно. В данном случае речь идет о жизни Франца. Его пытаются устранить, и эти негодяи хотели добиться своего моими руками, но без моего ведома.

Ее переполняла горечь.

— Если бы я не была так увлечена статьей, то наверняка разглядела бы этого человека. А теперь все, что могу о нем сказать, так только — был он в непромокаемом плаще примерно такого же цвета, как и мой, и в черных поношенных туфлях.

— Молодой?

— Не молодой, не старый. Неопределенного возраста, если вы понимаете, о чем я говорю. Прежде чем он скрылся, я заметила пятно на рукаве плаща, около плеча.

— Высокий, худой?

— Низкого роста или даже скорее среднего. И потом, в нем было что-то красное.

— Вы уверены, что никогда прежде его не видели?

Она задумалась.

— Нет. Не припоминаю.

Немного погодя, она оживилась:

— Вспомнила. Я как раз читала статью, где описывается история дамы с маленьким ребенком и об отеле «Босежур». Он напоминал одного из тех мужчин, который, по словам хозяйки гостиницы, походил на торговца цветными открытками. Вы не будете надо мной смеяться?

— Нет.

— Вы не считаете меня выдумщицей?

— Нет.

— Что вы теперь собираетесь делать?

— Я пока не знаю.

Вернулся Лапуант и сказал — лаборатория даст результаты лишь через несколько часов.

— Можно быть спокойной за тюремную пищу?

— Она надежнее.

— Франц будет в недоумении, почему я не принесла ему еды. Ведь следующий визит только через два дня.

Она не плакала, не заламывала руки, но ее обведенные темными кругами глаза были полны беспокойства и скорби.

— Идите за мной.

Он переглянулся с Лапуантом и повел ее сначала по лестницам, потом коридорами, становившимися все более пустынными по мере того, как они продвигались к цели. С трудом открыл маленькое оконце, выходящее во двор, где стояла зарешеченная машина.

— Он скоро спустится. Вы позволите? У меня есть кое-какие дела наверху... — Мерэ показал куда-то на крышу.

Она проводила его недоверчивым взглядом, обеими руками ухватилась за перекладину и вся подалась туда, откуда должен был появиться Стювел.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

История шляпки

Это была передышка — уйти от кабинетов, где суетящиеся инспекторы безостановочно хлопали дверями, а телефоны звонили все сразу, и подниматься безлюдной лестницей Дворца Правосудия туда, наверх, где почти под перекрытиями размещались лаборатории.

Уже почти стемнело. Преследуемый своей гигантской тенью, Мегрэ поднимался по плохо освещенным, напоминавшим потайной ход замка ступеням.

В углу комнаты на мансарде работал под мощной лампой на кронштейне Моэрс, с зеленым козырьком на лбу и в больших очках. Он никогда не был на улице Тюренн, не допрашивал соседей и не пил перно или белое вино в одном из трех тамошних баров. Он никогда никого не преследовал на улицах, не сидел в засадах перед закрытой дверью.

Он, казалось, никогда и не раздражается, а ведь вполне возможно, ему придется горбиться в своем кабинете до завтрашнего утра. Но, бывало, он не вылезал из него и по трое суток кряду.

Ничего не говоря, Мегрэ взял стул, сел рядом с экспертом, потихоньку вытащил трубку и закурил. По монотонному шуму, доносившемуся с улицы, понял, что погода переменилась, пошел дождь.

— Посмотрите, шеф, на эти, — сказал Моэрс, протягивая ему, как карточную колоду, стопку фотографий.

Замечательная работа была проделана Моэрсом. По расплывчатым описаниям он оживил, наделил внешностью троих людей: иностранца, полного брутета, одетого изысканно; молодую даму в белой шляпке и, наконец, их соучастника, напоминающего «торговца цветными почтовыми открытками».

Эксперт, разумеется, располагал банком из сотен тысяч карточек, но, без сомнения, он должен был хранить в памяти огромное их количество, чтобы успешно выполнить порученное дело.

В первом пакете, за изучение которого принялся Мегрэ, находилось около сорока фотографий полных, ухоженных мужчин — греков или ливанцев, с кольцами на пальцах. В следующем пакете было уже почти шестьдесят фотографий, и хотелось мысленно поаплодировать тому, кто с таким тщанием подобрал изображения, столь соответствующие описанию, данному хозяйкой отеля «Босежур».

На обороте снимков были записаны профессии изображенных личностей. Двое или трое занимались продажей трубок на скачках. Там встретился Мегрэ и карманник, которого он сам задерживал как-то в автобусе. Был запечатлен и человек, пи-

савший на дверях крупных отелей рекламы заведенный определенного свойства.

Огонек удовлетворения тлел в глазах Моэrsa.

— Забавно, не правда ли? А насчет женщины у меня почти ничего нет, ведь мы в шляпках не фотографируем. Но все-таки я поищу.

Опустив фотографии в карман, Мегрэ ради удовольствия еще немного посидел, а потом, вздохнув, отправился в соседнюю лабораторию, где все еще колдовали над содержимым кастрюли Фернанды.

Ничего не было обнаружено. Либо эта история выдумана с самого начала неизвестно с какой целью, либо яд не успели положить, либо он остался в той части еды, что вывалилась в вагоне метро.

Решив не возвращаться на работу, Мегрэ вышел под дождь на набережную Орфевр, направился к мосту Сен-Мишель, несколько раз по пути поднимая руку, пока не остановилось такси.

— Площадь Бланш. На углу улицы Лепик.

Недовольный собой и ходом расследования, он был явно не в ударе. Особенно злился на Филиппа Лиотарда, который заставил его отбросить испытанные методы и приняться за работу с самого начала.

Теперь в деле участвовало слишком много людей, и он не мог контролировать каждого в отдельности. Все осложнялось еще и тем, что, как нарочно, появлялись новые действующие лица, о которых он почти ничего не знал и не мог разгадать их роль во всей этой истории.

Он мог бы, например, снова допросить консьержку, сапожника, соседку с пятого этажа. Но ради чего? Их всех уже допросили инспекторы, журналисты, детектив-любители, просто прохожие. Их заявления напечатаны в газетах, и отступать от сказанного они теперь не захотят. Что это за след, если там уже прошло пятьдесят человек?!

— Вы верите, что переплетчик — убийца, господин комиссар?

Шофер явно узнал его и по-своейски задал вопрос.

— Я не знаю.

— На вашем месте, я бы вплотную занялся маленьким мальчиком. По-моему, там ключ. Я говорю так не только потому, что у меня сын такого же возраста.

Даже шоферы суют свой нос! Он вышел из машины на углу улицы Лепик и вошел в бар, чтобы пропустить стаканчик. Дождь пеленой охватил террасу, где расположилось несколько женщин, похожих на экспонаты из музея восковых фигур. Большею частью он знал их. Некоторые поведут сво-

162

их клиентов в отель «Босежур».

Одна из них, очень толстая, загородила дверь и заулыбалась, решив что он заинтересовался ею, но, узнав комиссара, принялась извиняться.

Он поднялся по плохо освещенной лестнице. Хозяйку нашел в кабинете. На этот раз она была одета в черный шелк. Картины дополняли очки в золотой оправе и огненно-рыжие волосы.

— Присаживайтесь. Если позволите, я сейчас... — Она вышла на лестницу, крикнула: «Эмма, полотенце в семнадцатую!» — и возвратилась. — Что нибудь нашли?

— Прошу вас внимательно посмотреть на эти фотографии.

Сначала он протянул несколько женских, отобранных Моэрсом. Она просмотрела каждую, всякий раз покачивая головой, и вернула ему пакет.

— Нет. Это совсем не то. Она более благородного происхождения, чем эти. И еще. Я хочу сказать, что она — «комильфо». Понимаете? Это порядочная маленькая дама, а те, что вы мне показываете, вполне могли бы похаживать ко мне с клиентами.

— А эти?

Это были темноволосые мужчины. Она опята лишь качала головой.

— Нет. И это совсем не то. Я не знаю, как вам объяснить. Месье Левин, не привлекая внимания, вполне мог бы, и притом беспрепятственно, остановиться и в отеле на Елисейских полях.

— А эти?

Вздохнув, Мегрэ вытащил последний пакет. На третьей фотографии она споткнулась, косо посмотрев на комиссара. Колембалась ли она?

— Это он?

— Возможно. Подождите, я подойду к свету.

Поднялась девица с клиентом, который держался в тени лестницы.

— Возьми ключ от седьмой, Клеменс. Там уже убрали.

Она вновь надела очки.

— Да, я могла бы поклясться, что это он. Жаль, что это только фото. По походке, особенно со спины я бы его сразу узнала. Но и так мало шансов, что я ошибаюсь.

На обратной стороне фотографии Моэрс написал биографию этого человека. Мегрэ словно током ударило, когда узнал что это, возможно, бельгиец, как и переплетчик. Возможно — потому что этот тип известен под множеством различных фамилий.

— Благодарю вас.

— Надеюсь, теперь вы оставите меня в покое? Я ведь могла сделать вид, что не узнала его. Кроме того, это, кажется, опасные люди и я рискую.

Она была так надушена, а запахи в гостинице столь липкие, что просто счастьем было оказаться вновь на тротуаре и вдохнуть пропитанный дождем уличный воздух.

Еще не было семи часов. Маленький Лапуант наверняка уже встретился со своей сестрой, чтобы, как советовал ему Мегрэ, пересказать все происшедшее за день.

Он был хороший малый, может быть, пока слишком нервный и эмоциональный, но из него наверняка выйдет толк. Воцарясь в своем кабинете, Люка исполнял роль дирижера оркестра: держал связь по телефону со всеми службами, по закоулкам Парижа и окрестностей искавшими эту троицу.

Жанвье ни на шаг не отпускал от себя Альфонси, который вернулся на улицу Тюренн и около часа находился в полуподвале у Фернанды.

Пока комиссар пил свое пиво, он успел прочитывать пометки Моэrsa, которые ему кое-что напоминали:

«Альфред Мосс, национальность — бельгиец (?). Около 42 лет. В течение 12 лет был артистом мюзик-холла. Акробатический номер на перекладине: «Мосс, Джеф и Джо».

Теперь Мегрэ припоминал. Особенно отчетливо в памяти встал образ одного из этого трио, того, кто исполнял роль клоуна: в чересчур просторной черной одежде, в громадных башмаках, с синим подбородком, огромным ртом и в зеленом парике.

Человек этот был совершенно неуязвимым. После каждого трюка он так тяжело падал, что казалось совершенно невозможным, чтобы он при этом себе что-нибудь не сломал.

«Работал во многих странах Европы, а также в Соединенных Штатах, где 4 года служил в цирке Барнум. Оставил свое занятие после несчастного случая...»

Полиции он был известен под фамилиями: Мосселейер, Ван Вландерен, Патерсон, Томас, Смит... Он арестовывался в Лондоне, Манчестере, Брюсселе, Амстердаме, три или четыре раза в Париже. Однако из-за отсутствия доказательств ни разу не был осужден. Под какой бы фамилией ни попадался, документы неизменно были в порядке, а поскольку он превосходно говорил на четырех языках, мог менять национальность по своему усмотрению.

В первый раз он подвергся преследованию в Лондоне, где выдавал себя за швейцарского подданного и работал переводчиком в роскошном отеле. В одном из апартаментов пропала шкатулка с драгоценностями. Видели, как он выходил из того номера. Однако хозяйка украшений, старая американка, засвидетельствовала, что сама позвала его, чтобы он перевел ей письмо, полученное из Германии.

Четыре года спустя в Амстердаме его заподозрили в краже у другой американки. Как и в первый раз, доказательств добыть не удалось, и он исчез из виду на некоторое время.

В Париже попал в поле зрения по поводу международной спекуляции золотом в широких масштабах. Мосс, превратившийся в Жозефа Томаса, совершал челночные рейды между Францией и Бельгией. И опять ему удалось ускользнуть.

Он познал взлеты и падения. То жил в первом классе отеля, то снимал комнату в жалкой мебелирашке.

Вот уже три года никаких сведений о нем не было. Никто не знал, в какой стране, под какой фамилией он действует, и действует ли вообще.

Мегрэ направился к телефонной кабине и набрал номер Люка:

— Поднимись к Мозрсу и попроси у него все, что есть на некоего Мосса. Да, скажи, что это один из них. Он тебе даст его приметы и все остальное. Ориентируй всех. Но чтобы не арестовывали. И даже если найдут, ни в коем случае не спугнули. Понял?

— Понял, патрон. Мне тут сообщили о ребенке.

— Откуда?

— Авеню Денферт-Рошро. Я послал туда. Жду результатов. Ни одного человека не осталось под рукой. Был еще звонок с Северного вокзала. Туда поехал Торранс.

Комиссар вдруг почувствовал непреодолимое желание немного пройтись пешком под дождем. Перейдя Анверс-сквер, он посмотрел на залитую водой скамью, где мадам Мегрэ имела обыкновение сидеть. Напротив, на здании, расположенном на углу авеню Трудэн, висел щит, где большими выцветшими буквами было написано: «Дантист».

Он еще вернется сюда. У него многое накопилось, что надо бы сделать, да из-за текучки все время приходится откладывать. Он вскочил в автобус.

Подойдя к двери своей квартиры, удивился, что с кухни не доносится ни звука, ни запаха. Он вошел, пересек столовую с ненакрытым столом и наконец увидел мадам Мегрэ. Она была в комбинации и сняла чулки.

Это так на него подействовало, что он не нашелся, что сказать, а она, увидев его серые округлившиеся глаза, рассмеялась:

— Ты сердился, Мегрэ?

В ее голосе звучала ирония, почти издевка, чего раньше он за ней не замечал. На кровати лежали ее лучшее платье и шляпка, которую она надевала по большим праздникам.

— Придется тебе довольствоваться холодным обедом. Представь себе, я была так занята, что не успела ничего приготовить. Тем более, в последнее время ты так редко приходишь обедать!

Со вздохом удовлетворения она уселась в кресло и стала массировать ногу.

— Никогда в жизни столько не ходила!

Он все стоял в пальто и мокрой шляпе, смотрел на нее и ждал, а она нарочно заставляла его томиться.

— Я начала с больших магазинов и скоро поняла, что это бесполезно. Затем прошла всю улицу Лафайе, поднялась по улицам Бланш и Клиши. Спустилась к Опере, и все пешком, хотя уже начался дождь. Да, я тебе не сказала, что еще вчера «проработала» кварталы Тернес и Елисейские поля. По совести говоря, я сомневаюсь, что в этом есть какой-то толк.

Наконец он произнес фразу, которую она ждала и все это время пыталась из него вытянуть.

— Что же ты искала?

— Шляпку, конечно! Ты разве не понял! Та история у меня не идет из головы. Мне подумалось, что искать шляпки — не для мужчин. Белые шляпки вошли в моду всего несколько недель назад. Абсолютно одинаковых не бывает... Ты не очень обидишься, если не будет горячего? Я принесла итальянской колбасы, пармскую ветчину, маринованные грибы и кучу готовых закусок.

— А шляпку?

— Тебя это интересует, Мегрэ? Пока ты будешь слушать остальное, весь ковер пропитается водой. Поди лучше разденься.

Ей явно повезло, понял он, иначе она не была бы в таком настроении и не позволила бы себе вести с ним подобные игры. Сохраняя хмурый вид, он подыгрывал, чтобы доставить ей удовольствие.

Пока она надевала шерстяное платье, он присел на край кровати.

— Мне было известно, что шляпку шила не самая лучшая модистка, а таких не трудно найти на улице Мира, или на улице Сент-Оноре, или на авеню Матиньон. Однако там не принято выставлять товар в витрине, и пришлось разыгрывать из себя заказчицу. Ты можешь себе вообразить, как я примеряла шляпки у Каролины Реву или у Розы Валуа? Они не идут ни в какое сравнение со шляпками фирм «Галери» и «Весна». Но ведь у меня задача двойная: найти и шляпку, и саму модистку. Для этого я обошла все маленькие мастерские в округе.

Я перebrала добрую сотню шляпок и остановилась лишь перед шляпкой серо-жемчужного цвета в ателье «Хелен и Розина» на улице Комартин.

Это была точная копия, только другого цвета. Уверена, что не ошибаюсь. Я тебе говорила, что у той дамы с ребенком была вуалетка в три или четыре пальца шириной, спадающая прямо на глаза. У серой шляпки была абсолютно такая же.

— Ты входила туда?

Мегрэ пришлось сделать усилие, чтобы не рассмеяться. Впервые скромница мадам Мегрэ вмешивалась в расследование и, без сомнения, в первый раз она вошла в шляпную мастерскую в квартале Опера.

— Это тебя удивляет? Ты что же, считаешь, что я уже совсем старая размазня? Да, я вошла! Постаралась поестественнее спросить, нет ли такой же шляпки, только белой. Продавщица ответила отрицательно, но предложила бледно-голубую, желтую, серо-зеленую. Она добавила, что у них была и белая, но с месяц назад она ее продала.

— Что же ты сделала? — заинтригованно спросил он.

— Глубоко вздохнув, я сказала: «Это та, что я видела на одной из моих подруг». Потом посмотрела в зеркало, а они там везде, лицо у меня покраснело.

«Вы знакомы с графиней Панетти?» — удивленно спросила продавщица, но без лести.

«Я встречалась с ней. И с удовольствием повиделась бы снова, тем более, что у ме-

ня есть интересовавшие ее сведения. Но я потеряла ее адрес».

«Думаю, что она все еще... в... — она вдруг умолкла. И хоть мне явно не поверила, но не окончив фразу не посмела. — Думаю, что она все еще в «Кларидже».

Мадам Мегрэ смотрела на него, торжествующая и опьяненная своим успехом, хотя в улыбке затаилась тревога.

Играя свою роль до конца, он проворчал:

— Надеюсь, ты не пошла расспрашивать портье из «Клариджа»?

— Я сразу же вернулась домой. Ты сердись?

— Нет.

— Я причинила тебе много хлопот, поэтому и пытаюсь помочь. А теперь пойдем поедим. Я надеюсь, у тебя есть время проглотить кусочек?

Обед напомнил ему первые дни совместной жизни, когда она открывала для себя Париж и все эти аппетитные штучки, продающиеся в итальянских магазинах, приводили ее в умиление. Это была скорее игра в обед.

— Ты думаешь, мои сведения точны?

— При условии, что ты не обманулась со шляпкой.

— Ну, в этом-то я уверена. А вот что касается туфлей, то тут у меня такой убежденности нет.

— Что еще за история с туфлями?

— Когда сидишь на скамье, то естественно туфли соседки маячат у тебя перед глазами. Как-то я внимательно посмотрела на них, а она, видимо, застеснялась и попыталась спрятать ноги под лавку.

— Почему?

— Я и собираюсь тебе это объяснить, Мегрэ. Не дуйся. Ты не виноват, что ничего не понимаешь в женских делах. Представь себе, что некая персона, привыкшая одеваться у лучших портных, хочет иметь неприглядный вид и не бросаться в глаза. Проще всего ей купить готовое платье. Она также может купить себе не слишком шикарную шляпку, снять все свои шикарные украшения. Но была одна вещь, которой она не изменила: туфли. Модельная обувь делает ноги изящными. К тому же, у женщин обычно чувствительные ступни. И эта дама, несмотря ни на что, носит свои прежние туфли. Это ее ошибка. Ведь туфли — первое, на что я обращаю внимание. Обычно мне встречаются прекрасные, элегантные женщины в дорогих платьях или меховых манти, а на ногах — туфли за четыре су.

— У нее были дороже?

— Без всякого сомнения, они шиты на заказ. Правда, я не знаю, у какого сапожника. Другие женщины наверняка могли бы это сказать.

Покончив с едой, он налил себе рюмку сливовицы и раскурил туго набитую трубку.

— Ты идешь в «Кларидж»? Вернешься поздно?

Он поймал таксиджеев. Доехав до роскошного

отеля на Елисейских полях, вышел и направился к конторке портье. Уже заступил ночной швейцар, которого он знал долгие годы. Это обстоятельство значило много, ведь ночные портье, как правило, знали куда больше о своих клиентах, чем их дневные коллеги.

Его появление в подобных заведениях всегда производило один и тот же эффект. Все служащие, включая заместителя директора, начинали суетиться, и даже мальчишка-лифтер хмурил брови, соображая, что бы такое могло случиться. В отелях-люкс-скандалов не любят, а присутствие комиссара уголовной полиции редко предвещало что-нибудь хорошее.

— Как поживаете, Бенуа?

— Неплохо, месье Мегрэ. Особенно благодаря американцам.

— Графиня Панетти все еще здесь?

— Вот уже месяц, как она уехала. Хотите, я посмотрю карточку и скажу точную дату?

— Она была с семьей?

— С какой семьей?

Этот час был спокойным. Большинство постояльцев отсутствовало, пребывая в театрах либо ресторанах. Мягкий золотистый свет обволакивал посыльных, которые отдыхали у мраморных колонн и издали поглядывали на комиссара: многие знали его в лицо.

— Никогда не думал, что у нее есть семья. Уже несколько лет она останавливается здесь и...

— Скажите-ка мне, вы когда-нибудь видели графиню в белой шляпке?

— Конечно. Она ее получила за несколько дней до отъезда.

— А платье она носила синее?

— Нет. Вы, должно быть, спутали, месье Мегрэ. В синем платье — это ее горничная, или камеристка, если вам так больше нравится, — по крайней мере, мадемуазель, которая с ней путешествует.

— Так что же, вы никогда не видели графиню Панетти в синем платье?

— Если бы вы ее знали, не задавали бы этот вопрос.

(Продолжение следует)

КАЗАКИ

Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть.

Лев ТОЛСТОЙ.

ДОЛГИЕ годы в истории нашего славного и многострадального Отечества тема казачества находилась под строгим идеологическим надзором. Делалось это не случайно — от народа тщательно укрывалась правда о причинах массовых репрессий, развязанных большевистским правительством в 1919 году против более чем 4-миллионного населения 11 казачьих войск России. Сегодня можно с полной определенностью сказать, что уничтожались казачество не из-за своей «верности царскому режиму» и «словной ограниченности»: трагедия как раз в том, что казаки поддержали революционные идеи и в 1918 году, стремясь положить конец бессмысленной братоубийственной войне, открыли перед Красной Армией Калачево-Богучарский фронт.

Причина, по всей вероятности, иная — казачество как одна из самых ярких национальных ветвей русского народа никак не писывалось в прокрустово ложе надуманного «рабоче-крестьянского» государства с его «интернациональной», антинародной по-

литикой. Линия на расказачивание была четко продуманной и беспощадной. Вот что говорилось в директивной статье «Борьба с Доном», опубликованной в 1919 году в газете «Известия Наркомвоена»: «Стомилионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственной не имеет права здесь на какое-то великодушие...» Так раскручивалась кровавая спираль репрессий, направленных прежде всего на уничтожение национального самосознания.

Что ж, ломать — не строить. Теперь приходит черед возвращаться к истокам, поднимать с колен подкошенную Россию. Но полнокровное русское национально-государственное возрождение, думается, немислимо без возрождения казачества, столетиями отстаивавшего единую и неделимую державу. И наверняка глубоко ошибается тот, кто считает, что время казаков безвозвратно прошло. Нет, казачество не исчерпало свой потенциал. Даже перенеся столько испытаний(!), оно сегодня заявляет о себе как серьезная общественно-политическая сила, готовая служить Отечеству.

Зарождение казачества

Казачество составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей Руси.

В. КЛЮЧЕВСКИЙ.

СЛОВО «казаки» не оторвешь от слова «Россия». И хотя время и условия зарождения казачества историками изучены не полностью, все же с достаточной степенью достоверности можно предположить, что казаки были на Руси до татаро-монгольского ига. Подтверждение тому можно отыскать в старинных русских былинах Киевской Руси, в которых «матерой казак Илья Муромец» — герой многих народных сказаний.

Слово «казак» явно тюркского происхождения и употреблялось практически у всех народов Востока. У арабов оно означало «всадник, сражающийся за веру и пророка». По-монгольски «кызых» — свободный воин или защитник границ, военный страж. Кроме того, этим словом многие народы называли различные предметы домашнего обихода и даже птиц и зверей. Позже оно было перенесено на особую группу людей,

обладающих отличительными качествами. Одним из них, наиболее важным по тем временам, была независимость. Отсюда еще одна трактовка слова «казак» — вольный, свободный человек. Со временем значение слова расширилось. Казаками стали называть людей смелых, задиристых, независимого нрава, а также вольнонаемных работников, батраков и даже разбойников. С середины XVIII века под казаками все более понимается часть российского народа, представляющего в структуре вооруженных сил России иррегулярные кавалерийские соединения, отличающиеся высоким боевым мастерством, мобильностью и отвагой.

И все-таки кого считать прародителями казачества? Древнерусские или даже древнеславянские племена, заселявшие некогда бассейны рек Дона и Днепра, или отнеси появление казаков к более позднему периоду — распаду Золотой Орды? А Гордеев — автор «Истории казаков», изданной в Париже в 1968 г., считает, что в Золотой Орде после покорения русских княжеств название «казак» установилось за частью татаро-монгольской легкой кавалерии, основой которой составляли покоренные народы, в том числе и славяне. В результате смешанных браков и образовался особый тип лю-

дей, считавших себя казаками. После распада Золотой Орды весь этот интернациональный конгломерат растекался по городам и весям Руси и якобы составил основу казачества.

А может быть, правы историки, утверждающие, что казачество зародилось в 15—16 веках из беглых холопов?.. В 15—16 вв. за границами России и Польско-Литовского государства возникают самоуправляющиеся общины так называемых вольных казаков (гл. образом из беглых крестьян) (Сов. энциклопедический словарь, 1985 г., 523).

В истории, науке сложной и многогранной, утверждать, что «все гениальное — просто», дело рискованное. Да, казалось бы, если от тяжкой холопией доли крестьяне бежали на свободные земли и поселялись на них, то кого, как не беглых крепостных, считать основателями казачества? Это утверждение вызывает большие сомнения, впрочем, как и отсутствие прямой связи между племенами южных русичей и появлением затем на территориях, населяемых ими, казаков.

Разве мог беглый, неграмотный люд на виду у кочевников создать независимые общины с отменной военной организацией и неповторимой тактикой ведения боя, используемой кавалерийскими частями и в XX столетии? А внутренний демократический уклад жизни казаков — чем не слепок с новгородского вече?

«Ученые наши думали провозгласить, — писал известный историк Н. Костомаров, — великие истины, когда говорили, будто казаки произошли от смешения народов, были попытки видеть в чертах лица и нравах нынешних южно-русов азиатское, а не славянское, производить их от берендеев, половцев и от норманнов, и на основании подобных заключений видели в устройстве казачком нерусское начало; одним словом, решили, что казаки есть народ, начавший жить только в шестнадцатом веке и не имеющий кровной и нравственной связи с Русью Владимира и Ярослава, когда, напротив, южно-русы до татар были такие великоруссы, какие теперь жители Московской и Тульской губерний».

Проживая веками на границах со Степью, находясь в постоянном соприкосновении с кочевниками, казаки, и это вполне объяснимо, принимали в свою волюницу людей не только славянского происхождения, могли выбирать себе жен среди полонянок, носили, если было удобно, одежду, позаимствованную у мусульман. Но неизменными оставались Православие, верность России и общинный жизненный уклад.

Вместе с народом русским испили горькую чашу татаро-монгольского нашествия и казаки. Вытесненные с Дона и Днепра, они вынуждены были искать укрытия в местах, менее доступных для орд. Во второй половине XIV века их поселения вновь появляются на Дону. Согласно Антониевой летописи, перед Куликовской битвой казаки Донского городка, который был распо-

ложен неподалеку от станицы Казанской, преподнесли великому князю Дмитрию образ Донской Божией матери и приняли участие в битве против татар. Поэтому можно сделать вывод, что русские казаки православной вере не изменяли и двум царям не служили.

Образование казачьих войск.

Их место и роль в государственном устройстве российской империи

*Да здравствует царь в Крепкой Москве, а казаки на Дону!
(Из застольной казачьей здравицы)*

ОБЪЕДИНЕНИЕ русских княжеств и создание единого и сильного Московского государства неизбежно сказалось на изменении исторического сознания народа. Отныне понятие национальной общности у русских трансформируется в сознание государственного единства. Вольные казаки, проживающие на Дону, Тереке, Волге и Яике, входят во все большую зависимость от Москвы. Между казачеством и государством постоянно поддерживаются взаимоотношения, скрепляемые договорами о службе и жаловании. Не всегда послушные царской воле, казаки тревожили Персию, Турцию, Крым, грабя приморские города. Однажды, объединившись, они чуть было полностью не истребили Ногайскую орду, остатки которой спаслись благодаря царскому вмешательству. Подобные самовольные действия казаков были не на руку Москве. В Белокаменной гневались, грозили расправой и... прощали. Ибо знали — нет у России вернее слуг, чем казачество.

Выдающаяся роль сыграли казаки в освобождении Отечества от иноземных захватчиков в Смутное время. В 1613 году вместе с народом русским они принимали участие в Земском соборе и избрали на царствование Михаила Романова. Выборы проходили при больших разногласиях. Часть российской знати во главе с князем Пожарским хотела посадить на московский престол иноземца. Казаки стремились не допустить этого и своего достигли. Вот что писал о решении Земского собора хронграф князя Оболенского: «И ускори в то время славного Дона Атаман и выпись предложил на Соброе такову ж. И вопрошает его князь Дмитрий Михайлович (Пожарский.—Прим. авт.): «Атамане! какое писание предложили?» И отвеща атаман: «О природном государе Михаиле Федоровиче». И прочитав писание атаманское и бысть у всех согласие и единомыслен совет».

К началу XVIII века казачество по царскому повелению приобрело особый статус военного сословия. Являясь по духу государственниками, крепкие, домовитые,

казаки отрицательно относились к выступлениям низов против существующей власти. Оттого они не поддержали восстания Разина и Пугачева и при первом же удобном случае захватили бунтовщиков. И даже когда самодержавие допускало грубые просчеты в политике по отношению к казачеству, последнее находило в себе здравые силы не поддаваться эмоциям и не шло на разрыв с Россией.

Внутреннее устройство казачьих общин, несмотря на демократичность управления, представляло собой строгую военную организацию. Отсюда и название «войско». Управлял Войском выборный атаман. Высшим органом власти был Круг (у днепровских, а затем и кубанских казаков — Рада), на котором решались наиболее важные вопросы.

Со времени царствования Петра I казачество все более теряет независимость и окончательно входит в состав России как государственная структура. С 1723 года атаманы Донского и Яицкого войск назначаются верховной властью. Права и обязанности казаков закрепляются в особых Положениях.

За весь период существования Российской империи в нее в общей сложности входило 18 казачьих войск и три полка. Донское, Яицкое, Терское и Днепровское — образовались сами по себе; остальные создавались и упразднялись по высочайшему повелению. Например, Азовское войско было создано в 1828 году из казаков, вернувшихся из Задунайской Сечи. В 1860 году его за ненадобностью упразднили и большую часть людей переселили на Северный Кавказ.

В XIX столетие Россия вошла с 11 казачьими войсками, где на 63 млн. десятин земли проживало более 4,4 млн. человек. К этому времени обязанностей и забот у казаков прибавилось: теперь они не только выполняли воинскую повинность, но еще и вели каждый свое хозяйство. Дело в том, что в XVIII веке им было разрешено обрабатывать землю, и казачество с присущей ему хваткой и трудолюбием взялось за плуг. Результат оказался ошеломляющим: в течение одного столетия донцы, кубанцы и терцы стали в России основными поставщиками высококачественных зерновых культур. На их землях развивались садоводство, огородничество, виноградарство и виноделие. Небывалого пика достигло животноводство. В Донбассе началась разработка угольных залежей. Образовались общества торговых казаков, появилась казачья буржуазия. В городах и станциях возводились храмы, строились гимназии, военные училища, светские заведения. Столицы казачьих войск являлись крупными общественно-политическими и культурными центрами. Все это на фоне главной идеи казачества — единения государства и защиты населяющих его народов — способствовало росту военного и экономического могущества России, делало ее равным партнером с передовыми странами Запада и Востока.

Казаки на службе Отечеству

*Были в Вене и Царьграде,
Заязжали и в Берлин,
Лошадей купали в Рейне,
И Париж сдавался им.*

(Из казачьей песни)

ДЛЯ ТОГО чтобы подробно описать все походы и подвиги русских казаков, потребовались бы многотомные издания. Поэтому перечислим лишь некоторые из них.

Первые достоверные сведения о самостоятельных действиях казаков относятся к 1444 году. Из записей «Иноземного Приказа» узнаем, что в том году казаками было отражено нашествие золотоордынского царевича в пределы Рязанского княжества.

В 1554 году атаман Ляпун захватил взбунтовавшуюся Астрахань и передал город стрельцам.

Непрерывные войны на юге и западе истощали силы Российского государства, и какова же была радость Ивана IV и народа московского, когда в 1585 году донской атаман Ермак прислал весть о покорении Сибири.

Отличались казаки не только на суше. Первая победа русского оружия на море была одержана казаками под предводительством Петра I и атамана Минаева 21 мая 1696 года. Казачья лодочная флотилия наголову разгромила мощный турецкий флот.

Большой любовью пользовались донцы у Суворова. При взятии Измаила они, вооруженные лишь пиками и шашками, первые взобрались на крепостные стены.

В войне 1812 года все мужское население Дона, способное держать оружие, поднимается «против супостата». Казаки избивали неприятеля повсюду: в крупных сражениях и незначительных стычках, тревожили его тылы, перерезали коммуникации; одним словом, донимали везде, нанося французам непоправимый урон.

Незаурядное мужество и героизм проявили казаки в кавказской, русско-турецких, японской войнах. В 1914 году на Австро-Германском фронте сражалось около 200 тысяч казаков.

С 1920 года казачьи войска решением органов Советской власти перестали существовать. Но вера в казаков-защитников, их всенародная слава продолжали жить. И в 1936 году в составе Красной Армии создаются донские, кубанские и терские кавалерийские казачьи соединения, правда, с правом ношения общевойсковой формы одежды. В Великую Отечественную войну, когда отступать уже было некуда, казачьим ополченцам, создавшим донской и кубанский кавалерийские корпуса, без проволочек разрешили носить национальную одежду и даже царские награды. Историю не обманешь — в лихую годину она расставляет все на свои места.

Майор А. СИМОНОВ.

КАТЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

БОЕВОЕ НИНДЗЮЦУ:
УТИЛИТАРНАЯ
АКРОБАТИКА,
ПРИКЛАДНОЕ
МЫШЛЕНИЕ,
МЕДИТАЦИЯ
«НАПРЯЖЕННОГО ЛУКА»

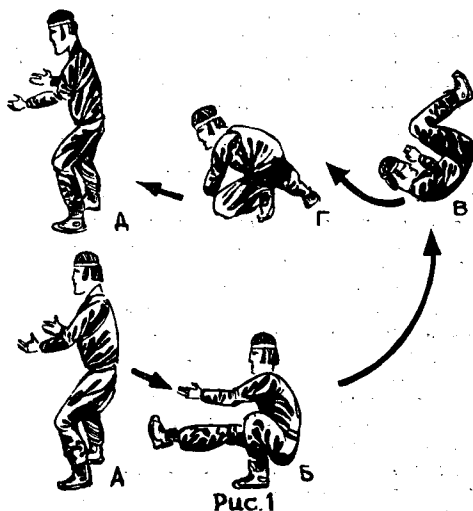
Уроки дает инструктор рукопашного боя Р. РОНИН

РАЗНООБРАЗИЕ повседневной работы профессионального лазутчика требовало от него не только разработанной психики, но и отличной физической подготовки, включающей такие ее составляющие, как выносливость в движениях и неподвижности, гибкость, точность и быстрота в непредсказуемых приемах, сила и бесшумность. Учитывая потребности ситуаций, ниндзя обязан был владеть своим телом, как шулер картами, в чем ему значительно помогало искусство ловких движений (тайхэн-дзюцу), изобилующее способами бесшумного перемещения, безопасных и беззвучных падений, разнообразных кувырков и перекетов, легких уклонов тела и неожиданных поворотов, вертикальных и горизонтальных прыжков.

Акробатические техники существенно расширили возможности акций. В минимально необходимый ассортимент приемов, в частности, входит отвесное ниспадание (тати-нагарэ), пускаемое в ход при неожиданном появлении наблюдателей, внезапном освещении рабочей площадки, уходе от прицельного выстрела. Применяется оно и во многих трюках исчезновения в пылу боя, при ускользании из парного сопровождения, где падение сопровождается

подсекающими ударами обих рук в подколенные сгибы ног идущих по бокам конвоиров.

Один из вариантов тати-нагарэ показан на рис. 1 и после фазы Б может, в зави-

симости от ситуации, завершаться либо неподвижным затаиванием на земле, либо перекатом назад с выходом на ноги, либо откатыванием в сторону с возможным, но не обязательным появлением в стойке в новом месте (фазы В—Д).

Стандартные падения [укэми] вперед, назад, вбок, с поворотом, со стула и т. д. хорошо разработаны в дзюдо и самбо и вряд ли нуждаются в особом представлении. Осваивая эти техники, следует использовать смягчающие противомасхи и подключать психику, внушая, к примеру, образную легкость своего тела (пушинка...), обеспечивающую бесшумность и безопасность контакта, а также перед ударом напрягать тандэн.

Кувырки и перекаты [кайтэн] — базовые техники всякого уважающего себя лазутчика. С их помощью уходят из поля зрения возможных наблюдателей, ломают дистанцию, неожиданно сближаясь с противником или удаляясь от него, проскальзывают в узком промежутке между атакующими врагами, десантируются или выкатываются из движущегося автомобиля, уходят, будучи прижатыми спиной к барьеру, ускользают от скользящих и болевых захватов, уклоняются от атак в верхние части тела и страхуются при подсекании нижних.

Работая над «катящимися» техниками, подключайте воображение, представляя тело колесом, упругим снаружи и мягким внутри, или же используя воплощение Ветра. Движения выполняются как со свободными, так и со связанными руками. Весьма полезно сочетание перекатов с ударами ногой, позволяющее не только внезапно сблизиться с противником, но и перевести в удар энергию движущегося тела. Причем удары, одиночные и двоянные, проводятся в связке и завершаются откатыванием в безопасное место или выходом в стойку.

АКРОБАТИЧЕСКИЕ движения следует упражнять на разных поверхностях, начиная с облегченных (маты) и кончая усложненными (асфальт, лед, камни). Очень полезны тренировки на лестничных пролетах многоэтажных зданий. Кроме акробатических приемов здесь хорошо развивать выносливость (бег по лестнице вверх) и быстроту (бег вниз), соревнуясь, например, с лифтом. В последнем случае используются специальные техники вроде пропрыгивания пролета с опорой на руки, которые пробрасываются к середине перил. Дверные проемы на лестничной площадке преодолевают, зацепившись рукой за косяк, что пронесит тело по инерции вокруг возникшей оси, разворачивая его на 180 градусов. Это — стандартный прием быстрого изменения направления движения без потери темпа и в ограниченном пространстве.

Элементы акробатики дают возможность удачно противостоять даже хорошо подготовленным атакам недругов. В любой школе или спецслужбе практикуется определенный набор базовых приемов для прикладного одоления противника. Многие из них настолько хорошо зарекомендовали себя, что стали интернациональными. Такая унификация хотя и облегчает массовое обучение, но, с другой стороны, позволяет выработать долгие противоядия, снижающие или нейтрализующие эффект воздействия. И потому реально встреча с врагом, приемы которого знакомы вам и который, в свою очередь, хорошо представляет, какие контрмеры вы можете предпринять. Вот здесь-то и незаменимы индивидуальные разработки, сюрпризные техники или тайные методы.

Кстати, о секретах боевой школы. Они не миф, но выдумки навабующих себе цену профессионалов, а суровая реальность прежней жизни, когда рассчитывать приходилось только на свое умение и любая утечка информации о нем могла просто-напросто погубить ниндзя.

Сейчас время иное; широкую популярность разнообразных приемов можно воспринять как безобидное просветительство. Но не надо обманываться в главном: из сотен людей, узнавших ваши индивидуальные техники, одни забудут о них вскоре, другие не смогут использовать, но даже если только один детально разберется, что к чему, где гарантия, что этот один не окажется в числе ваших недругов в пиковой ситуации? Общее правило профессионалов прежних времен: «Вы должны знать как можно больше других боевых школ; вашу личную школу не должен знать никто!»

Одна из сверхзадач лазутчика — достичь максимального результата при минимуме усилий [ин син тонкэн]. Упражняться в этой способности можно, например, быстрым определением наибольшего числа способов использования какого-либо предмета, при постепенном сокращении времени на обдумывание и расширении области применения избранной вещи. Конечная цель практики — выработка привычки мгновенно осознавать, как лучше задействовать в возникшей ситуации оказавшийся под рукой предмет. При этом исходят либо из сферы желаемого применения (для боя, при ускользании, в агентурной работе), либо из специфики самого предмета (его форма, материал, функция).

Как, например, можно использовать обычную сигарету? Табак (материал): для временного ослепления врага (в бою и при ускользании), в снадобьях от собак (при ускользании). Окурок (материал и предмет): как лезвие, образованное при сжатии и оплавлении фильтра (в спецакциях), для направления мыслей противников по ложному следу (в агентурной работе и спецакциях). Сигарета (предмет): для тайного кодового общения на людях (в агентурной работе). Огонек горячей сига-

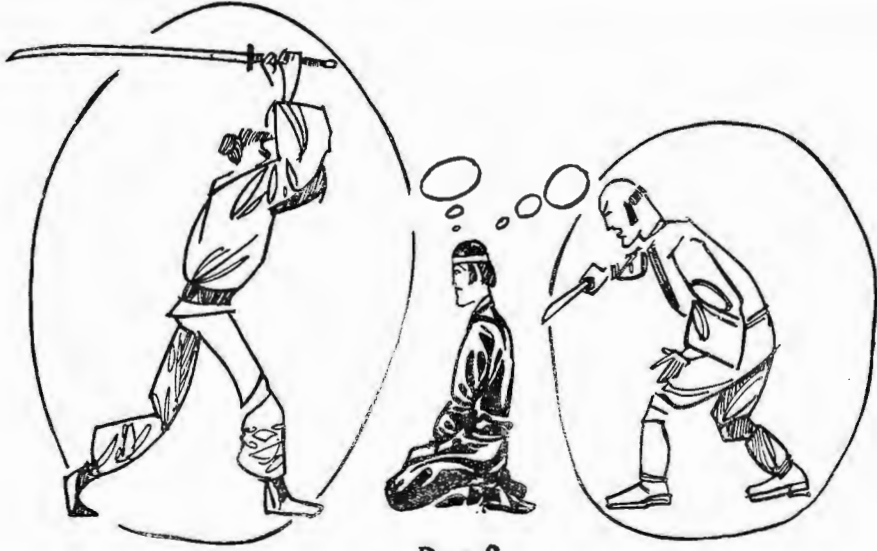

Рис. 2

реты (сопутствующий фактор): воздействие на уязвимые точки тела (в бою, при реанимации, в спецакциях), имитация демаскировки для выявления противника (в ночном бою) или ориентации его в ложном направлении (при ускользании), как сигнальный огонь (в спецакциях). Дым (продукт функции): дезориентирование врага в ситуации (в агентурной работе и спецакциях), вызов бдительности при сочетании заложенной в табак конопля с алкоголем (в агентурной работе), временное отключение объекта при закладке в сигарету растительных, животных или минеральных веществ, выделяющих при сгорании снотворный дым (в спецакциях), полная нейтрализация объекта при использовании элементарных закладок, образующих смертоносный дым (в спецакциях).

НО, КАК НИ ХОРОШИ подручные средства, основными инструментами лазутчика, однако, оставались превосходно тренированное тело и непреклонный дух, один из методов воспитания которого мы сейчас и рассмотрим.

Подберите «зловещее» место и примите там позицию сэйза (рис. 2). Это сед на двух пятках, точнее — между ними, со скрещенными пальцами стоп и разведенными на ширину двух кулаков коленями. Вес удерживается на бедрах, а не смещается к коленям. Корпус выпрямлен, грудь расправлена, подмышки открыты («готовность к взлету»), ладони рук косо лежат на бедрах, подбородок подтянут, глаза полуприкрыты и отрешенно смотрят в какую-либо точку (или образ) впереди. Это — классическая японская поза, соответствующая Земле и имеющая ритуальное, бытовое, медитационное и боевое предназначения.

Приняв позицию, отключитесь от обы-

денности и выполните несколько циклов поочередного дыхания через одну ноздрю. Теперь представьте, что вы окружены врагами, каждый из которых вот-вот нанесет вам смертельный удар мечом или ножом, метнет вам в горло отравленный дротик или разнесет ваш череп выстрелом из крупнокалиберного пистолета. Противников сдерживает лишь ваша готовность отреагировать эффективной контратакой на их действия, но, как только вы ослабите свой дух, произойдет непоправимое, и вы погибнете.

В этом специфическом состоянии «напряженного лука» вы должны быть готовы в любой момент опережающе «спустить тетиву». Вы готовы среагировать, но не знаете, да и не хотите знать как. Это неважно, ответные действия совершенно не должны зависеть от вашего осознания. Трудность заключается в следующем: заставить себя поверить, что от воображаемой угрозы и в самом деле зависит ваша жизнь. Только в этом случае в игру вступает инстинкт самосохранения, без участия которого данная практика теряет свой сокровенный смысл.

Вначале сохранять такое состояние (да и «контролировать» нескольких нападающих) довольно трудно, вас прошибет пот или сломает усталость, но со временем вы сможете увеличить число «угроз», довести время выполнения упражнения до оптимального (сеанс — 20—30 минут) и выработать привычку постоянной готовности к самым неожиданным и опасным для жизни ситуациям.

Рисунки А. ЛЯХА.

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в межнациональных конфликтах.

О рыболовном крючке

Как обидно бывает, когда при вываживании уходит крупная рыба, да порой такая, о которой можно только мечтать. И зачастую причина неудачи кроется в рыболовном крючке, а точнее — в пренебрежительном отношении к нему.

В связи с этим несколько самых общих пожеланий. Во-первых, крючок должен быть всегда в меру закаленным, чтобы не ломался и не разгибался при приличной нагрузке на него.

Надо взять за правило испытывать крючки на прочность, особенно переделанные. Для этого жало крючка зацепляется за неподвижный деревянный пред-

мет, а к колечку вдоль цевья прикладывается определенное усилие. Вполне достаточно, если оно будет в 2—3 раза превосходить вес рыбы, которую вы собираетесь ловить. Таким способом из имеющегося у вас запаса крючков всег-

да можно выбрать лучшие, более надежные.

Кстати, слабый крючок, разгибающийся, легко закалить самому. Для этого его надо нагреть докрасна и быстро опустить в машинное масло. Хрупкий крючок можно отпустить, слегка накалив его до едва заметного покраснения, а затем остудив на воздухе.

Не следует увлекаться применением крупных крючков, рассчитывая, что они прочны и не подведут. В большинстве случаев рыба отдает предпочтение небольшому насадкам, а для них и крючок нужен поменьше.

Я, например, обычно ис-

пользую крючки на 1—2 размера меньше рекомендованных для той или иной рыбы. Но при этом обязательно лобовую часть крючков с жалом чуточку отгибаю во внешнюю сторону от параллельного положения по отношению цевья. Крючок в этом случае становится более зацепистым. Сделать это нетрудно, если предварительно отпустить его, а затем закалить.

Нелишне всякий раз проверять степень заточенности крючка, а при необходимости заточить его с помощью мелкой наждачной бумаги.

Опыт убеждает: ржавчина, со временем нередко появляющаяся на крючках, отрицательно сказывается на клеве рыбы, особенно с сильно развитым обонянием (каarp, карась, линь). Это также говорит о важности подбора снастей и ухода за ними. Тот, кто не ленится внимательно осмотреть и заточить при надобности крючки, гораздо реже возвращается с рыбалки с испорченным настроением.

Майор запаса
Ю. ЮСУПОВ.

150 книжек «Охотника»

Вот уже восьмой раз на титульном листе «Охотника» красуется новое название — журнал. До 143-й книжки он именовался информационным бюллетенем. За одним знаменательным событием последовало и другое, весьма приятное: шестой номер минувшего года оказался юбилейным — столетидесятым.

Как всякий достойный юбиляр, «Охотник» унаследовал славную историю, богатые традиции. Его предшественником был журнал «Боец-охотник», издававшийся с 1930 года и просуществовавший до начала Великой Отечественной войны. В нем активно сотруд-

ничали многие известные писатели—В. Иванов, М. Пришвин, К. Федин, А. Новиков-Прибой.

В 1965 году издание возродилось в виде бюллетеня, который завоевал популярность конкретностью, разнообразием материалов об охоте и рыбной ловле, продуманным красочным оформлением.

Шаг на журнальную стезю повлек за собой поиск современной визитной карточки — обложки, вклейки, свежих тем, новых авторов, новых путей к уму и сердцу читателя. Шестой номер, думается, наиболее полно и ярко отразил эти тенденции. Вот лишь несколько из

удавшихся материалов: «Богатое хозяйство — охотнику благо», «Глухари Каплины», «В краю непуганых рыб», «Хождение за судаком», «На чертика».

Цель редакции на перспективу — сделать журнал незаменимым помощником, дельным советчиком, добрым другом каждого охотника и рыбака от мала до велика. Первые номера текущего года показали, что журнал близок к цели. С полным основанием можно надеяться, что в 1993 году читатель получит полное удовлетворение изданием без скидок на молодость. Подписка — в отделениях «Роспечати».

Полковник в отставке
К. ОГЛОБЛИН,
член редколлегии
журнала «Охотник».

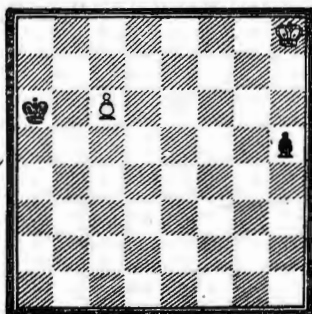
Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

ЗНАМЕНИТЫЕ КОМПОЗИЦИИ

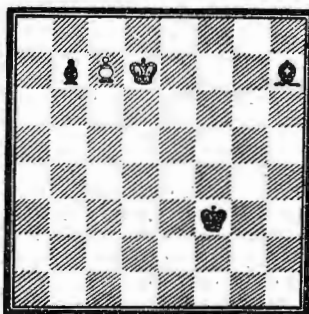
№ 10. Р. Рети, 1922

№ 11. А. и К. Сарычевы, 1928

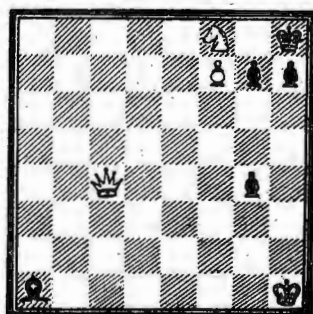
№ 12. С. Лойд, 1869

Ничья

Ничья

Мат в 3 хода

В позиции № 10 черная пешка выглядит неустойчивой. Но как ни парадоксально, белый король настигает ее, если погонится сразу за «двумя зайцами». Это выглядит так: 1.Крг7 h4 2.Крf6 Крb6 3.Кре5! и теперь или 3... Кр :с6 4.Крf4, задерживая пешку, или 3... h3 4.Крд6, и белая пешка проходит в ферзи.

«Маневром Рети» называют теперь подобные марши белого короля в сходных ситуациях. Например, в не менее знаменитом этюде № 11 реализован маневр Рети. 1.Крс8! Редкий по красоте ход! 1... b5 2.Крд7 b4 3.Крд6 Cf5 4.Кре5 Cc8 5.Крд4 и пешка не пройдет.

Один из авторов этюда Александр Васильевич Сарычев (1909—1986) говорил автору этих строк, что некоторые гроссмейстеры при встрече с ним весело восклицали:

— Король с8, привет вам!

Бриллиантом в скромной оправе считают в шахматном мире трехходовку № 12. В ее решении ферзь неотступно преследует слона: 1.Фf1! с угрозой 2.Фb1! g6 3.Ф :a1X; 1... Cc3/d4 2.Фd3!, 1... Ce5/f6 2.Фf5!. И еще вариант: 1... g3 2.Кf6+ hg 3.Фh3X.

«Погоней любви» назвали эту задачу более 120 лет тому назад. Почему? Дело в том, что многие ценители шахмат усмотрели в упорном преследовании офицера (слона) королевой (ферзем) картину настойчивой «любви» дамы к офицеру.

Время — бесстрастный судья, бездарному оно уготовило тлен забвения, талантливому — бессмертие. Приведенные шедевры шахматного искусства десятки лет восхищают любителей шахмат, они просты и высокохудожественны. Поистине справедливы слова: простота — сестра таланта.

Для решения предлагаем малютку: Крh8, Фа1, Лh1—Крг2, п. h3, мат в 3 хода.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, № 12—1991, № 2—1992)

№ 4. М. Эйве. Кра7, Фh2, Лd1—Крс8, Лd8, пп. b6, c7, d7, мат в 2 хода. 1.Фd6!, цугцванг; 1... cd 2.Лс1X, 1... b5 2.Фа6X, 1... Л— 2.Ф :d7X.

№ 5. Г. Заходякин. Крh7, Фf1, Кg3, п. с7—Крf8, Се5, п. f7, мат в 3 хода. 1.Фf6! С :f6 2.с8Ф+ Крe7 3.Кf5X, 1... С :c7 2.Кf5.

№ 1. Д. Каноник. Крс4, Фb8, Cd8—Краб, пп. a7, a5, b7, мат в 2 хода. 1.Сb6! ab 2.Фа8X, 1... Кр :b6 2.Фd6X!

№ 2. А. Кременской. Крс2, Ла3, Сg3, Кg5, Kh7, пп. e4, g2, g6—Крг4, пп. f6, g7, мат в 3 хода. 1.Се5! цугцванг; 1... fe 2.Лh3 Крf4 3.Лh4X! 1... Крh5 2.Лg3 fe 3.Лg5X!

№ 3. Д. Потапов. Крс1, Cf5—Крf3, Лf4, п. g2. Условие: поставить на доску белую ладью, после этого взять белым ход обратно и дать мат в один ход. Решает постановка ладьи на поле d1, после чего белые берут назад рокировку и матуют — 1.Ла1—a3X!

За публикацию одного объявления надо переслать по почте в наш банк 50 руб. (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк «Лефортовский», р/с 340616, МФО 201207), а затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию, вложив в письмо и пустой конверт [с марками!] с вашим обратным адресом, в котором мы пошлем вам ответ.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо переслать нам 20 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 20 руб., за один адрес 10 руб.

Заранее приносим извинения за то, что письма без оплаты услуг клуба рассматриваться не будут — слишком дороги теперь почтовые расходы.

Личные письма и фотографии клуб не пересылает — только адреса!

000199—Л. Ч.

Начну с того, что многих пугает: мне 39 лет, я разведена и одна сейчас, имею двоих детей—дочери 20 лет и сыну 17. Мой рост 165, очень люблю уют, чистоту, занимаюсь вязаньем, кулинарией, работаю в кооперативе. Характер у меня спокойный, добрый. Буду рада встрече с серьезным военнослужащим, который тоже устал от одиночества.

Лариса.

000200—Л. Б.

Молодая, симпатичная студентка 20 лет надеется с помощью клуба найти спутника жизни в возрасте 20—25 лет, ростом не ниже 178, которому хочет показать свое умение вкусно готовить и превращать временный вигвам в уютный дом. Небольшой недостаток — мечтает создать самую счастливую семью. Очень любит общаться с детьми и петь. Не курит.

Лена.

000201—Е. С.

Мне 20 лет, внешность обыкновенная, учусь в педагогическом институте, вредных привычек нет, думаю, что по дому умею делать все. Ценю в людях порядочность, любовь к детям, взаимопонимание. Хочется встретить надежного человека, военнослужащего, который мог бы стать для меня верным и любящим мужем.

Елена.

000202—А. П.

Мне 19 лет, рост 182, русский, голубоглазый. Парень я веселый, в других людях ценю чувство юмора. Мои хобби — автотехника, современная музыка, кино, путешествия, занимаюсь английским. Очень хотел бы познакомиться с веселой, стройной, приятной девушкой 16—19 лет. Девушки, если будете мне писать, то по возможности присылайте фото.

Андрей.

000203—А. С.

Волею судьбы и собственных ошибок сейчас нахожусь в «местах не столь отдаленных». Скоро освобождаюсь и решил начать новую жизнь с создания семьи. Мне 22 года, рост 180, спортивного телосложения, люблю природу, увлекаюсь музыкой, рисованием. Понимаю, что прошлым моим хвалиться нечего, но все же надеюсь на знакомство с девушкой, которая сможет меня полюбить, умеющей создать надежный семейный очаг... А подробности открывного расскажу при переписке.

Александр.

000204—С. Д.

Мне 22 года, но пока еще не встретила своего единственного. Может, он где-то ходит по земле и ничего обо мне не знает, а я так жду с ним встречи. Надеюсь, что он прочитает мне

письмо и откликнется. О себе: рост 166, глаза зеленые, волосы русые, русская. Интересы разносторонние. В людях ценю доброту, верность, преданность.

Светлана.

000205—С. С.

Мне 26 лет, русская, рост 165, приятная внешность, образование высшее педагогическое, материально обеспечена, воспитываю годовалую дочку. Познакомлюсь с материально обеспеченным мужчиной, славянином, без вредных привычек, для создания семьи. В мужчине ценю ум, порядочность, хозяйственность.

Светлана.

000206—Е. Д.

Сам по себе я человек спокойный, не курю, увлекаюсь радиоэлектроникой, люблю автопутешествия и современную музыку («Технология», «Кар-Мен» и Сандру). Надеюсь встретить добрую, порядочную девушку приблизительно моих лет, а мне 20, уже отслужил срочную.

Евгений.

000207—И. К.

Пока был в училище, не успел как-то завязать дружбу с единственной и неповторимой. И вот я уже офицер, а на личном фронте... Словом, хотелось бы познакомиться с симпатичной, стройной и веселой девушкой. Мне 22 года, рост 176. Отвечу на письмо с фотографией.

Илья.

000208—Е. К.

Надеюсь познакомиться с военнослужащим срочной службы от 19 до 22 лет, добрым, отзывчивым, симпатичным, с чувством юмора, если у него нет любимой девушки. О себе: 18 лет, рост 175, стройная, симпатичная, сероглазая блондинка. Умею ждать.

Елена.

000209—А. Л.

Я очень веселая и общительная, друзей и знакомых много, но среди них нет такого, кому могла бы сказать слова нежности и любви... Надеюсь, на мое письмо откликнется военнослужащий—офицер или курсант. Мне 18 лет, рост 162, волосы темные, глаза зеленые, родилась под знаком Стрельца, русская, студентка, люблю природу, хорошие стихи, веселых и общительных людей. Неплохо вяжу и готовлю.

Алена.

000210—С. П.

Я далеко не образчик военного супермена, да и описать себя всегда трудно, но все же: курсант предвыпускного курса военного училища, 19 лет, рост 165, мое созвездие—Скорпион, характер общительный, занимаюсь офицерским многоборьем, первый разряд по рукопашному бою. Был в горячих точках страны, знаю, чего хочу добиться в жизни. Надеюсь в клубе познакомиться с милой, доброй и симпатичной девушкой. Отвечу всем, буду рад письму с фотографией.

Степан.

000211—Л. П.

Давно, еще с детства, мечтала о Рыцаре, но оказалось, что их нет. Или есть? Но я их не встречала. Своим другом хотелось бы видеть веселого, умного, отзывчивого парня, умеющего ценить чувство юмора и верность, желательно военнослужащего. Мне 18 лет, симпатичная, по характеру веселая, общительная, люблю классическую литературу, живопись, обожаю

современную музыку—Виктора Цоя.

Лариса.

000212—С. Ю.

Решил: а вдруг вы мне сможете помочь найти верную подругу? Мне 19 лет, служу второй год. Вообще я человек веселый, неувядающий. Увлекаюсь современной музыкой и видео. Буду рад знакомству с веселой, стройной девушкой 16—19 лет, ростом не выше 170. Привет всем девочкам.

Сергей.

СЛОВО ВETERANAM!

000214—Л. С.

Начинаю замечать, что ваш клуб не только для молодежи. Может, и ветеранам тоже сможете помочь? Мне очень нужна надежная спутница в моей нелегкой жизни, которая согласится на переезд ко мне (живу в Полтавской области). Я участник Великой Отечественной, был в концлагере, а теперь инвалид II группы. Мне 67 лет, рост 175, вес 80. Помогите мне познакомиться с доброй, хорошей женщиной.

Леонид Григорьевич.

000215—А. К.

У вас знакомятся люди с надеждой на дружбу, любовь—это замечательно! А мне бы хотелось найти в клубе друзей по увлечениям, принимаете таких? Мое хобби—выращивание зеленых культур, пряных трав. С удовольствием обменяюсь с любителями сведениями, советами на эту тему, семенами. Например, могу выслать семена любистока, а самой интересно получить кверель—есть такая красивая травка. Чтобы определить круг моих друзей, сообщу о себе—мне 53 года, очень общительная, моторная такая бабушка, люблю увлекать всех своей «огородной страстью».

Анна Константиновна.

ОТ РЕДАКЦИИ. С публикацией этого объявления мы хотим вынести на обсужде-

ние читателей предложение о создании на страницах журнала службы информации—об обмене квартирами, семенами, книгами, различными предметами коллекций и т. д. Печатать подобные объявления предполагается на коммерческой основе—что поделаетесь, рынок! Ждем ваших мнений, предложений по этому вопросу.

000216—Т. В.

Интересная женщина 31 года, рост 166, надеется на встречу с добрым, нежным и симпатичным военнослужащим—офицером или прапорщиком, который хочет иметь верную и заботливую жену. Готова разделить с ним все невзгоды и радости тоже. Я воспитываю сына 8 лет, жильем обеспечена. Если у вас нет вредных привычек и вы умеете водить машину, пишите.

Тамара.

000217—Е. О.

Мне 22 года, рост 170, светловолосая, кареглазая, довольно привлекательная, разведена, детей нет. Характер добрый, никогда не сержусь, если на работе не выведут! Профессия—кондитер. Умею хорошо готовить, немного вяжу. Люблю путешествовать. Мечтаю познакомиться с военнослужащим от 23—26 лет, добрым и надежным человеком.

Елена.

000218—Г. И.

Про меня говорят: «симпатичная, но строгая». Но это ведь на работе!—служу прапорщиком и иначе нельзя. А дома я совсем другая и самой нужен надежный и сильный друг, который бы смог защитить в любой жизненной ситуации. Но так получилось, что я до сих пор одна. Мне 30 лет, рост 158, волосы темнорусые, глаза карие. Люблю в доме порядок и уют. Буду рада познакомиться с военнослужащим 30—35 лет. Согласна на переезд, хотя и сама жилищную обеспечена.

Г. И.

Клуб извещает: абонент 000095—О. М. аннулируется.

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ "ЦЕНТР" представляет:

СВЕРХЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ МИНИАТЮРНЫЕ ОХРАННЫЕ СИСТЕМЫ И СИСТЕМЫ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ:

- АКТИВНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ И МГНОВЕННОСТЬ РЕАКЦИИ (даже на тень);
- ГАРАНТИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ВАШЕГО БИЗНЕСА;
- ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ;
- ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ОТОБРАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ — (СТЗ—1);
- ОХРАННАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ НА БАЗЕ ДЕТЕКТОРА ДВИЖУЩЕГОСЯ ОБЪЕКТА — (СТЗ—2);
- НОВИНКА! — СТЗ—3!

Система технического зрения (СТЗ) на базе матричных камер: автоматическая диафрагма, поворотное устройство. Возможны варианты: наружная установка, дистанционное и автоматическое управление диафрагмой и фокусом.

ВЫ ПЕРВЫЕ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ СТЗ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ!

СПЕШИТЕ СЕГОДНЯ! ЗАВТРА БУДЕТ ДОРОЖЕ!

НПП «ЦЕНТР» реализует и заключает договоры на разработку и поставку систем технического зрения и визуального контроля. По желанию заказчика производит монтаж и наладку предлагаемых систем.

Ждем ваших предложений по адресу: 344008, Ростов-на-Дону, ул. Обороны, 24. Тел.: (863-2) 62-05-69, 62-04-62. Факс: (863-2) 62-05-69.

ВНИМАНИЮ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

Учреждение КЛ-400 МВД Российской Федерации приглашает на службу в должностях среднего и старшего начальствующего состава в подразделения, расположенные на территории Удорского и Усть-Вымского районов, офицеров запаса и подпадающих под сокращение из Вооруженных Сил в возрасте до 40 лет и имеющих выслугу не более 20 лет. Денежное содержание сотрудникам выплачивается в соответствии с существующим законодательством. Им выдается продовольственный паек, предоставляется жилье. На них распространяется Закон о пенсионном обеспечении военнослужащих. Выслуга засчитывается 1 месяц службы за полтора.

За справками обращаться по адресу: 169060, Коми, г. Микунь, ул. Пионерская, 32.

199

ЖУРНАЛ «НА БОЕВОМ ПОСТУ»-93

■ Патрульный и правонарушитель; часовой и осужденный — извечное противостояние. Как оно выглядит у врат рыночной экономики? Зона после перестройки: «демократический» беспредел или беспредельная «демократия»? Бывшие сослуживцы из бывших братских республик бывшего Союза — соратники или зарубежные коллеги? **ТОЛЬКО ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»** получают исчерпывающие, объективные ответы на эти и многие другие вопросы!

■ Сегодняшние проблемы внутренних войск и взгляд в будущее — об этом на страницах журнала расскажут видные публицисты и военные журналисты. Вы узнаете о «людях риска» — легендарных «краповых беретях», их действиях в борьбе с преступниками, поближе познакомитесь с сильными и мужественными парнями.

■ Из литературных произведений вы прочтете на наших страницах остросюжетный детектив Я. ФЛЕМИНГА «Мунрейкер», повесть Ю. СЕМЕНОВА «Командировка в неизвестность», фантастическую повесть В. МИХАНОВСКОГО «Выстрел сквозь время», рассказы войсковых авторов.

**ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК РОССИИ
«НА БОЕВОМ ПОСТУ»!**

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ВЫПИСЫВАЙТЕ НАШИ ИЗДАНИЯ

Журнал внутренних войск «На боевом посту» издается с 1958 года, однако широко известен он стал массовому читателю с осени 1990 года, когда поступил в свободную продажу. С 1993 г. это — военно-публицистический и литературно-художественный журнал внутренних войск МВД России.

С 1990 года выходит приложение к журналу — газета «Ситуация».

Журнал «На боевом посту» издается ежемесячно. Цена одного экземпляра — 12 рублей. Квартальная подписка стоит 36 рублей, полугодовая — 72 рубля, годовая — 144 рубля.

«Ситуация» выходит четыре раза в месяц. Цена одного номера — 2 рубля. Месячная подписка стоит 8 рублей, квартальная — 24 рубля, полугодовая — 48 рублей, годовая — 96 рублей.

Однако, уважаемые читатели, эта цена — не окончательная. При индексации, планируемой «Роспечатью», подписная плата неизбежно возрастет. Узнать ее вы сможете при оформлении подписки.

Индекс журнала «На боевом посту» — 70610. Индекс газеты «Ситуация» — 50157.

НАДЕЕМСЯ ВИДЕТЬ ВАС В ЧИСЛЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
„Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на газету **70610**
журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту** Количество комплектов

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ место дн-мес-гос газету журнал **70610**
(индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту**

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере-арезовни	руб.	коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия инициалы)

Вас ждет ЗИЛ

Уважаемые воины!

После службы в армии Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева (производственное объединение ЗИЛ) приглашает вас начать свою трудовую деятельность в его многотысячном коллективе. Здесь можно пройти обучение по избранной специальности в процессе работы.

Завод приглашает на работу наладчиков, слесарей-инструментальщиков и станочников-универсалов (токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков).

Кроме этого, предприятию требуются водители-испытатели, водители электрогрузчиков, станочники всех специальностей, слесари-ремонтники, электромонтеры, рабочие по специальностям литейного, кузнечного, прессового, термического, механосборочного и механообрабатывающего производства, а также рабочие строительных и других профессий.

Добро пожаловать на ЗИЛ, дорогие товарищи!

ПО ВОПРОСАМ ПРИЕМА
НА РАБОТУ ОБРАЩАЙТЕСЬ
ПИСЬМЕННО ПО АДРЕСУ:
109280, г. МОСКВА,
ул. АВТОЗАВОДСКАЯ, 18.
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ
КАДРОВ ЗИЛа.

Зароботная плата временно-премиальная и сдельно-премиальная.

Принимаются одинокие иногородние граждане с предоставлением благоустроенного общежития квартирного типа с пропиской в г. Москве, согласно существующим правилам.

К вашим услугам филиал Всесоюзного заочного машиностроительного техникума, автомеханический техникум, автомобилестроительный институт с дневным и вечерним отделениями.

Для укрепления здоровья, активного отдыха автозаводцам предоставлены санатории, пансионаты, дома отдыха, спортклуб "Торпедо", физкультурно-оздоровительный комплекс с плавательным бассейном, саунами, тренажерными залами. Имеется Дворец культуры, многопрофильная больница, поликлиника, комбинат общественного питания.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
277-87-58, 277-93-09, 277-80-27.

ВЫЕЗД К МЕСТУ РАБОТЫ —
ПО ВЫЗОВУ.

**Вы подписались? —
ЭТО ПЛЮС!
У Вас сомнения? —
ЭТО МИНУС**

на боевом посту **БП**

'93

'93

Ситуация

- факты
- события
- комментарии
- происшествия
- расследования

Только в журнале «На боевом посту» и приложении к нему — газете «Ситуация» вы сможете получить исчерпывающую информацию о внутренних войсках России, их истории, нелегкой и зачастую весьма рискованной службе, проблемах сегодняшнего дня.

